

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16 2022
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (411) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Александрович Фридман* (1888–1925), советский учёный, один из создателей современной динамической метеорологии, основоположник современной физической космологии, автор исторически первой нестационарной модели Вселенной (Вселенная Фридмана).

Саша родился в семье выпускника Санкт-Петербургской консерватории (в ту пору студента и артиста балетной труппы), композитора Александра Александровича Фридмана и преподавателя игры на фортепиано (в ту пору тоже студентки консерватории) Людмилы Игнатьевны Фридман. В 1897 году, когда будущему учёному было 9 лет, родители расстались, и в дальнейшем он воспитывался в новой семье отца (который повторно женился на балерине Анне Христиановне Иогансон), а также в семьях деда и тёти, пианистки Марии Александровны Фридман (с матерью он возобновил отношения лишь незадолго до своей кончины).

В школьные и студенческие годы увлекался астрономией. В октябре 1905 года Фридман вместе с Яковом Тамаркиным отправил свою первую математическую работу в один из ведущих научных журналов Германии «Математические анналы»; статья, посвящённая числам Бернулли, была опубликована в 1906 году.

В 1906 году Александр поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета, который окончил в 1910 году. Был оставлен на кафедре чистой и прикладной математики для подготовки к профессорскому званию. До весны 1913 года Фридман занимался математикой — руководил практическими занятиями в Институте инженеров путей сообщения, читал лекции в Горном институте. В 1913 году начал работать в Павловской аэрологической обсерватории под Петербургом и стал заниматься динамической метеорологией (теперь эту область науки называют геофизической гидродинамикой).

Весной 1914 года был направлен в командировку в Лейпциг, где в это время жил известный норвежский метеоролог Вильгельм Фриман Корен Бьеркнес, создатель теории фронтов в атмосфере. Летом того же года Фридман летал на дирижаблях, принимая участие в подготовке к наблюдению солнечного затмения в августе 1914-го.

С началом Первой мировой войны Фридман вступил добровольцем в авиационный отряд. В 1914–1917 годах участвовал в организации аэронавигационной и аэрологической службы на Северном и других фронтах. Он был кавалером двух Георгиевских крестов.

Фридман первым в России понял необходимость создания отечественного авиаприборостроения. В годы

войны и разрухи он «пробил» эту идею и сам же её реализовал, став создателем и первым директором завода «Авиаприбор» в Москве в июне 1917 года.

С 1918 по 1920 год был профессором Пермского университета. С 1920 года работал в Главной физической обсерватории и в ряде вузов Петрограда.

В 1922 году Фридман вывел общее уравнение для определения вихря скорости, которое приобрело фундаментальное значение в теории прогноза погоды. В 1924–25 годах Фридман совместно с Л. В. Келлером указал систему характеристик структуры турбулентного потока, построил замкнутую систему уравнений, связав пульсации скорости и давления в двух точках потока в разные моменты времени. Эти работы заложили основы современной статистической теории турбулентности.

Фридман предсказал расширение Вселенной. Полученные им в начале двадцатых годов первые нестатистические решения уравнений Эйнштейна при исследовании релятивистских моделей Вселенной положили начало развитию теории нестационарной Вселенной. Учёный исследовал нестационарные однородные изотропные модели с пространством положительной кривизны, заполненным пылевидной материей (с нулевым давлением).

Фридман выяснил типы поведения таких моделей, допускаемые уравнениями тяготения, причем модель стационарной Вселенной Эйнштейна оказалась частным случаем. Он опроверг мнение о том, что общая теория относительности требует допущения конечности пространства. Результаты Фридмана продемонстрировали, что уравнения Эйнштейна не приводят к единственной модели Вселенной, какой бы ни была космологическая постоянная. Из модели однородной изотропной Вселенной следует, что при ее расширении должно наблюдаться красное смещение, пропорциональное расстоянию. Это было подтверждено в 1929 году Э. П. Хаббом на основании астрономических наблюдений: спектральные линии в спектрах галактик оказались смещены к красному концу спектра.

В июле 1925 года с научно-исследовательскими целями Александр Александрович совершил полет на аэростате вместе с пилотом П. Ф. Федосеенко, достигнув рекордной по тому времени высоты 7400 м.

Умер Александр Александрович Фридман в Ленинграде от брюшного тифа.

В 1931 году ему посмертно присвоена Премия имени В. И. Ленина.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Абдулова А. Р., Ежова Е. В.**
Соотношение форм предварительного расследования 157
- Ахметзянов А. Ф.**
Система и содержание поводов для возбуждения уголовного дела 159
- Барановский М. А., Леонтьев А. Д.**
Терминологические коллизии правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела 161
- Барсукова К. Ю.**
Полномочия суда апелляционной инстанции при необоснованности перехода к рассмотрению дела по правилам производства суда первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства 168
- Бежкенов Е. С., Тлеубаев Р. М.**
Современное состояние правового регулирования внутренней миграции в Республике Казахстан 169
- Белькова Д. С.**
Разбой: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации 171
- Бельтоев З. А.**
Понятие правового статуса военнослужащих .. 172
- Валеева В. С.**
Апелляционное представление как процессуальный ненадзорный акт, применяемый прокурором, участвующим при рассмотрении судами уголовных дел 174
- Ветрова А. В.**
Объективная сторона преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 179
- Гаврина А. О., Левинская Е. В.**
Теоретические основы защиты таможенными органами прав на объекты интеллектуальной собственности 181
- Гаджиев З. Ш.**
Проблематика квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта 184
- Глушкова О. В.**
Бюджетно-правовая ответственность за нецелевое использование бюджетных средств на примере Китая 186
- Головцова А. В.**
Уголовная ответственность за взяточничество: вопросы теории и практики 190
- Голуб П. А.**
Актуальные вопросы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений 191
- Деревянко В. А.**
Понятие и сущность мирового соглашения в деле о банкротстве 194
- Дмитриева Е. А.**
Правовые особенности, связанные с отказом в переводе земли и земельных участков из одной категории в другую 198
- Дронникова С. Э.**
Структура нормативно-правового регулирования экспорта лесоматериалов с территории Российской Федерации 199
- Зайтов Э. И.**
Административная ответственность юридических лиц в связи с нарушением рекламной деятельности 202

Зиатдинов Э. А. Медиация как альтернативная форма урегулирования споров. Понятие, формы, процедура 204	Кононова А. А. Проблемы реализации полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением 215
Зиатдинов Э. А. Медиативное соглашение в процедуре медиации: понятие, содержание и виды 205	Коротаев В. Н. Международный трибунал по морскому праву как одна из процедур, предусмотренных Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, для урегулирования международных морских споров государств 217
Иванова Н. А. Некоторые аспекты предоставления в собственность земельных участков, расположенных в пределах особо охраняемых природных территорий 207	Лещинский О. В. Виды судебного представительства в гражданском судопроизводстве 221
Ильенко М. В. Уголовно-правовая характеристика контрабанды наличных денежных средств и денежных инструментов 209	Молчанова С. Л. Договор поставки для государственных и муниципальных нужд 225
Кикоть О. В. Переход от упрощенного производства к рассмотрению дела по общим правилам искового производства 211	Монахова Л. В., Михайлов А. А. Проблемы обстоятельств, исключающих преступность деяния, в российском законодательстве и перспективы их развития 227
Кириллова В. П., Степанко М. В. Теоретические основы применения таможенной проверки в Российской Федерации 213	Мулеванова П. Д. Особенности и специфика продавца как третьего лица в договоре финансовой аренды 230

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Соотношение форм предварительного расследования

Абдулова Азалия Рузалиновна, студент;
Ежова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Одна из основных задач государства — своевременное и полное раскрытие преступлений, которое заключается в поиске преступника, выявлении следов совершённого преступления, а также превенция совершения преступлений. Для реализации данных целей в уголовном процессе предусмотрено осуществление предварительного расследования. Однако при рассмотрении такого института возникают вопросы, связанные с отличием предварительного следствия и дознания, чему и посвящена данная статья.

Ключевые слова: предварительное расследование, предварительное следствие, дознание, обвиняемый, следствие, преступление.

Исходя из норм действующего законодательства следует, что предварительное расследование, в соответствии со статьей 150 УПК, осуществляется в форме предварительного следствия и дознания. Учитывая цели и задачи, поставленные перед предварительным расследованием, мы можем охарактеризовать его как самостоятельную часть уголовного судопроизводства, в рамках которой специальные органы осуществляют действия, направленные на собирание, оценку и проверку доказательств, которые могут иметь значение для раскрытия уголовного дела, а также привлечение лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности.

Анализ соотношения двух форм предварительного расследования стоит начать с общих черт, присущих как следствию, так и дознанию.

Во-первых, обе формы направлены на охрану прав и законных интересов лиц, участвующих в судопроизводстве. Это отображается как в комплексном и своевременном раскрытии преступления, так и в недопущении привлечения к ответственности невиновного лица.

Во-вторых, основой производства предварительного следствия и дознания является уголовно-процессуальное законодательство РФ.

В-третьих, материалы, полученные в результате производства предварительного следствия и дознания, служат основанием при рассмотрении дел в суде.

Для повышения эффективности предварительного расследования, законодатель установил дифференциацию предварительного расследования на две формы [1, с. 55].

Ввиду того, что на практике могут возникать проблемы, связанные со сложностью законодательного распределения на две самостоятельные формы предварительного расследования, необходимо проговорить ряд критериев, когда мы можем их определить путём сравнительного анализа.

1. Под дознанием понимается форма предварительного расследования, в котором производство предварительного следствия необязательно. Как правило, дознание проводится по преступлениям небольшой и средней тяжести.

Предварительное следствие — это наиболее полная форма расследования преступления, обеспечивающая максимальные гарантии установления истины и реализации прав участников процесса [3, с. 35].

Исходя из такого критерия, первое различие этих двух форм предварительного расследования заключается в полноте действий. Предварительное следствие обеспечивает максимальный объем работы, направленный на установление истины, а также на защиту законных прав сторон в процессе, в отличие, например, от формы дознания в сокращённой форме.

2. Субъекты, осуществляющие предварительное расследование, также отличаются. Дознание, исходя из ст. 151 УПК, проводится органами дознания. К органам дознания мы можем отнести органы внутренних дел РФ, органы принудительного исполнения, органы военной полиции ВС РФ, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы и т. д.

Субъектный состав предварительного следствия зависит от совершенных преступлений.

Следственный Комитет Российской Федерации занимается такими преступлениями, как, например, убийства, изнасилования.

Следователи ОВД занимаются делами, например, связанными с бандитизмом, причинением вреда здоровью, незаконным оборотом наркотических средств, а также преступлениями против имущества.

ФСБ занимается расследованием дел, связанных с государственной безопасностью, к ним относятся, например, терроризм, государственная измена, шпионаж и др.

3. По срокам производства также имеются существенные различия. Дознание проводится в срок, не превышающий 30 суток. Максимальный срок составляет 12 месяцев, но такие случаи исключительны. Дознание в сокращенной форме проводится в срок, не превышающий 15 суток, с возможностью продления до 20 с разрешения прокурора. Срок предварительного следствия, в свою очередь, составляет 2 месяца с аналогичной возможностью продления — 12 месяцев, однако данный запрос реализуется руководителем следственного органа субъекта. Дальнейшее продление срока предварительного следствия может быть произведено только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти.

4. Отличаются и итоговые решения предварительного расследования. Результатом дознания является обвинительный акт, а предварительного следствия — обвинительное заключение. При дознании в сокращенной форме составляется обвинительное постановление. Отличие обвинительного акта (обвинительного постановления) от обвинительного заключения в том, что с момента составления данного документа лицо признается обвиняемым и тем самым обвинительное заключение

приравнивается к решению о привлечении лица в качестве обвиняемого, составленному следователем [2, с. 105]. Общим является то, что оба этих документа содержат в себе решение о наличии достаточной доказательной базы для передачи дела в суд.

Таким образом, предварительное следствие и дознание представляют собой виды одной и той же стадии процесса (предварительное расследование), но для них характерны определенные отличия:

1. Предварительное следствие проводится следователем, то есть специальным должностным лицом, обладающим особой компетенцией. Дознание может производиться законодательно устанавливаемыми органами, включая их должностных лиц. Для них производство дознания является одной из возложенных обязанностей, наряду с иными процессуальными полномочиями.

2. Категории дел, которые затрагиваются. Как мы могли выяснить ранее — в дознание «идут» менее тяжкие дела, в отличие от следствия.

3. Ещё одно различие заключается в органах, являющихся частью соответствующих ведомственных систем. Что касается количества органов дознания, то их гораздо больше, чем органов предварительного следствия.

Из общих черт, прежде всего:

1) Это единство цели — раскрытие преступления. Органы предварительного следствия и дознания имеют равные обязанности при осуществлении уголовного преследования.

2) И следователь, и дознаватель наделены процессуальными полномочиями, которые имеют властный характер. Они имеют процессуальную самостоятельность, а также независимы в принятии своего решения.

3) Общее регулирование правилами, закрепленными УПК РФ.

Литература:

1. Жукова, Н. А., Диденко О. В. Формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. с. 54-58.
2. Малеев, С. С. Особенности, отличающие дознание от предварительного следствия // Закон и право. 2019. № 10. с. 104-105.
3. Якубина, Ю. П. Соотношение форм предварительного расследования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). с. 34-36.

Система и содержание поводов для возбуждения уголовного дела

Ахметзянов Адель Фанилевич, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В настоящей статье автор анализирует систему и содержание поводов для возбуждения уголовного дела. Исследуются дефиниция ст. 140 УПК РФ, отмечаются особенности юридической техники через призму ретроспективного анализа генезиса и эволюции правового института. Выявляются проблемы юридической техники и практики в системе поводов для возбуждения дела и предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: повод, возбуждение уголовного дела, дефиниция, содержание повода.

The system and content of the reasons for initiating a criminal case

Akhmetzyanov Adel Fanilevich, student master's degree
Kazan (Volga region) Federal University

In this article, the author analyzes the system and content of the reasons for initiating a criminal case. The definition of Art. 140 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the features of legal technique are noted through the prism of a retrospective analysis of the genesis and evolution of a legal institution. Problems of legal technique and practice in the system of reasons for initiating a case are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: pretext, initiation of a criminal case, definition, content of the pretext.

Возбуждение уголовного дела является одной из стадий уголовного процесса и институтов уголовно-процессуального права. Возбуждение уголовного дела, будучи стадией процесса имеет принципиальное значение в правоприменительной деятельности. Именно от эффективности правового регулирования данного института, правоприменительной транспарентности, будет зависеть и эффективность уголовного процесса, что выражается в исполнении пенитенциарной функции уголовного процесса и неотвратимости наказания за совершаемое преступление.

В связи с этим, сложно переоценить значение повода для возбуждения уголовного дела. Законодатель не закрепляет легальную дефиницию термина «повод для возбуждения уголовного дела» в УПК РФ [1]. В теории нет единой позиции относительно данного термина.

Так, А. В. Капранов пишет, что «повод к возбуждению уголовного дела можно определить как предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия гражданина, должностного лица, учреждения, предприятия, организации, направленные на заявление, сообщение органу дознания, дознавателю, следователю и прокурору о совершенном или готовящемся преступлении, либо их собственные действия, оформленные в надлежащем порядке и влекущие обязанность разрешить вопрос о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела» [9].

Система поводов для возбуждения уголовного дела закреплена в ст. 140 УПК РФ. Примечательно, что имеющийся в действующей редакции перечень поводов является результатом достаточно продолжительной эволюции уголовно-процессуального законодательства в исторической ретроспективе.

С 2010 г. УПК РФ предусматривает в качестве повода постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (далее — постановление прокурора об уголовном преследовании), а с 2014 г. — материалы, которые направлены Центральным банком РФ в соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [5], а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (далее — материалы ЦБ РФ). В период с 06.12.2011 по 22.10.2014 к поводам относились материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (далее — материалы налогового органа).

Прежде всего следует отметить, что при исследовании поводов для возбуждения уголовного дела, речь идет именно о системе поводов. Обуславливается это их взаимосвязью друг с другом в контексте исследуемого правового института.

Следует акцентировать внимание на каждом из поводов для возбуждения уголовного дела с целью исследования содержания данных поводов.

Первым поводом для возбуждения уголовного дела является заявление о преступлении. Можно отметить, что данный повод является наименее дискуссионным в теории. Вместе с тем, и здесь, имеется теоретическая дискуссия, в которой ряд авторов считает, что подобное применение юридической техники является некорректным и искажает правовую природу института возбуждения уголовного дела.

Вторым поводом для возбуждения уголовного дела является явка с повинной.

Самым дискуссионным является третий повод для возбуждения уголовного дела, который законодатель закрепил в ст. 140 УПК РФ. Если быть точнее, споры вызывает именно объективизация, полнота и юридическая техника формулировки повода как: «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников».

Еще одним и последним в перечне поводов является постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Некоторые исследователи считают данный перечень неполным. Так, Ю.К. Якимович указывает, что рапорт должностного лица об обнаружении признаков преступления является поводом для возбуждения уголовного дела [11]. Вместе с тем, при детальном рассмотрении данной позиции, она не выдерживает критики. Рапорт об обнаружении признаков преступления является формой фиксации сообщения о преступлении, а не самим сообщением о преступлении, уже высказывалась в научной литературе И.С. Дикаревым [7].

Примечательно отметить и последние нововведения в исследуемую статью. Так, в 2021 году ст. 140 УПК РФ была дополнена частью четвертой. В частности, указывается, что не может быть основанием для привлечения к ответственности за преступления, предусмотренные ст. 228.1 и 228.4 сам факт нахождения лица в состоянии наркотического опьянения или обнаружения в теле человека наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в отсутствие достаточных данных, указы-

вающих на факт их передачи. Оценивая данное новшество, следует отметить ее безусловный характер. В частности, из положительных моментов, стоит отметить, что подобное уточнение приводит к четкости законодательного регулирования. Вместе с тем вызывает вопросы отсутствие упоминания в данной части преступлений, связанных с незаконной пересылкой и производством наркотических веществ. Означает ли это то, что указанные в ч. 4 ст. 140 факты могут служить основанием для привлечения к ответственности? Нам представляется, что исходя из системного толкования уголовно-процессуального законодательства не может. Тем не менее, данная статья вызывает определенную правовую неопределенность в данном вопросе, что на наш взгляд возможно нивелировать посредством соответствующих разъяснений вышестоящей судебной инстанции.

Таким образом, нами были исследованы система и содержание поводов для возбуждения уголовного дела. Определена теоретическая дискуссия относительно понятия повода для возбуждения уголовного дела. Также рассмотрена система поводов с точки зрения исторической ретроспективы. Исследованы элементы данной системы, проанализирована ее содержательная составляющая и выявлены критические точки в дефиниции ст. 140 УПК РФ. Представляется, что данный институт в настоящее время находится не в оптимальной формально-определенной юридической форме, в связи с чем, законодателю и судебной практике еще предстоит работа по совершенствованию данных правовых норм и правоприменительной практики для создания такого правового поля, в рамках которого будет достигнута максимальная транспарентность и соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 — ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета от 22 декабря 2001 г. № 249.
3. Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР (утратил силу) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, июнь 1922 года, N 20-21, ст. 230
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, введенный в действие постановлением ВЦИК от 15.02.1923 «Об Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР» (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
5. «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР 1960, № 40, ст. 592
6. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изменениями на 30 декабря 2021 года) (редакция, действующая с 10 января 2022 года) // Российская газета, N 127, 13.07.2002/
7. Арсеньев, В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. Серия юридическая. 1969. Вып. 8. Ч. 4. Т. 45. с. 11.
8. Дикарев, И.С. [и др.] Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела. М., 2012. с. 41.
9. Зиновкина, И.Н. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. с. 28-29.

10. Капранов, А.В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. с. 77.
11. Косенко Андрей Михайлович Критический обзор системы поводов для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-obzor-sistemy-povodov-dlya-vozbuzhdeniya-ugolovno-go-dela> (дата обращения: 29.01.2022).
12. Якимович, Ю.К., Пан Т.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие). СПб., 2003. с. 105.

Терминологические коллизии правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела

Барановский Максим Александрович, студент магистратуры;
 Леонтьев Анастас Дмитриевич, студент магистратуры
 Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Авторы критикуют используемые при правовом регулировании стадии возбуждения уголовного дела термины с точки зрения обнаружения правовых коллизий и обнаружения несоответствия придаваемого законом смысла используемой терминологии её семантическому наполнению. В статье для анализа избраны такие понятия как: «возбуждение уголовного дела», «повод для возбуждения уголовного дела», «основание для возбуждения уголовного дела», «сообщение о преступлении», «явка с повинной», «преступление».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, преступление, сообщение о преступлении, возбуждение уголовного дела, повод, основание, явка с повинной, семантика, лексика, правовая коллизия.

Сфера криминальных отраслей законодательства являются наиболее суровыми, посему использование терминов в их рамках должно быть оправданным, взвешенным и однозначным. Сами термины должны находиться в системной взаимосвязи и быть унифицированными. К сожалению, многие нормы обозначенных правовых актов не отвечают заявленным требованиям.

Первопричина дискуссий кроется в отсутствии легальных дефиниций основных понятий, используемых в обозначенной сфере. По этому поводу можно выделить 2 основных подхода: либо термины настолько интуитивно понятны юристам, что раскрывать их в законе нет смысла, либо они столь сложны, что могут быть определены лишь в теоретических источниках [1]. Первый подход несостоятелен в силу наличия в ст. ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) [2] множества терминологических конструкций с куда более простым действительно интуитивно понятным содержанием, которые тем не менее удостоены легальной дефиниции («апелляционная/кассационная/надзорная инстанция» (п. 2, 14, 16), «начальник органа дознания» (п. 17), «прокурор» (п. 31) и др.). Второй же подход нежизнеспособен, поскольку доктрина не является источником права в России, а потому теоретические подходы к толкованию тех или иных терминов не имеют никакой силы, покуда не будут имплементированы в УПК РФ или иные сопутствующие нормативные правовые акты.

Содержание и правовое наполнение стадии возбуждения уголовного дела является объектом не стихающего

интереса учёных уже более века. Актуальность вопроса связано также с регулярными законодательными поправками в этой части [3, с. 42].

«Возбуждение уголовного дела»

Первым на себя обращает внимание термин «возбуждение уголовного дела», являющийся многозначным и разнопланово трактуемым как по смыслу закона, так и в доктрине. Его содержание в законе не раскрывается, но из доктринальных источников можно выделить основные подходы к толкованию:

— Нормы уголовно-процессуального законодательства о внешних условиях, процедурном порядке и сопутствующих обстоятельствах зарождения такого объекта специализированного исследования, как уголовное дело.

— Элемент структуры уголовного процесса, отражающий деятельность по обработке первичной информации о противоправном деянии, имеющим потенцию быть признанным преступлением.

— Разовое одномоментное деяние в форме действия по вынесению процессуального акта, детерминирующего предварительное расследование [4; 5, с. 8-15].

Обобщённое понимание терминологической конструкции «возбуждение уголовного дела» сводится к тому, что это деятельность по установлению повода и основания для возбуждения уголовного дела, осуществляемая в рамках самостоятельной стадии уголовного судопроизводства, результатом чего становится принятие решения

о необходимости производства предварительного расследования [6, с. 23; 7, с. 3; 8, с. 83; 9, с. 5].

Рассмотрим содержание термина с точки зрения лексического значения составляющих его языковых единиц.

Первое значение слова «возбудить» выражается в его понимании как действия, порождающего (вызывающего) некое состояние («вызвать, породить какое-нибудь состояние»). Содержанием третьего значения является сознательное создание конфронтационных отношений между двумя субъектами («настроить кого-нибудь против кого-нибудь»). Четвёртое значение можно выразить через постановку вопроса на повестку для обсуждения («поставить на обсуждение») [10, с. 95]. В других словарях значение «поставить на обсуждение» стоит на втором месте [11; 12]. То есть в конструкции «возбуждение уголовного дела» первое слово используется не в первом, основном значении.

Слово «дело» по словарю С.И. Ожегова в значении предмета уголовного расследования располагается лишь на 9 месте. 10 значение выражено в комплекте документов по какому-то факту, лицу. Куда более распространёнными толкованиями являются «деятельность» (1 значение), «событие, обстоятельство» (7 значение), «поступок» (8 значение). По сути своей «дело» как понятие юриспруденции, а точнее уголовного процесса, является искусственно созданным и упоминается в словарях лишь по тому основанию, что оно устоялось в отрасли знаний [13, с. 162].

«Уголовный» означает относимость к преступлениям, наказуемости и сопутствующим понятиям [13, с. 822].

Объединив рассмотренные слова в единую терминологическую конструкцию «возбуждение уголовного дела», получаем значение «породить событие или факт, имеющий отношение к преступности», «осуществить деятельность, направленную на формирование факта или события, имеющего отношение к преступности». Простыми словами — возбудить уголовное дело значит породить преступление, а вовсе не дать старт деятельности по его расследованию. К таким же выводам пришёл С. И. Гирько [10, с. 235-236]

Возможно, такие рассуждения не слишком весомы, но тем не менее лексическое значение используемых терминов должно быть однозначным и правильно понимаемым, в связи с чем приведённые выводы могут быть использованы для дальнейших рассуждений.

Если расценивать возбуждение уголовного дела как факт, порождающий предварительное расследование, что следует рассмотреть несколько элементов системы, участвующие в формировании такого события. Философы отмечают, что «поиск причин и условий возникновения явлений и событий — главная задача любой науки» [15, с. 501]. Контекстуально условиями являются поводы для возбуждения уголовного дела, а причиной — основание к тому же.

«Повод для возбуждения уголовного дела»

Согласно ч. 1, 1.3 ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном

или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании; материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах в случаях установления признаков противоправного деяния, могущего быть в дальнейшем квалифицированным по таким составам преступления, как уклонение от уплаты предусмотренных налоговым законодательством платежей физическими лицами (ст. 198 Уголовного кодекса РФ, далее — УК РФ [16]), организациями (ст. 199 УК РФ), «неисполнение обязанностей налогового агента» (ст. 199.1 УК РФ), сокрытие налогооблагаемого имущества (ст. 199.2 УК РФ).

П. П. Сердюков акцентирует внимание на том, что правильное понимание сущности «поводом» важно в первую очередь для надлежащего правоприменения [17, с. 4]. Обобщим доктринальные подходы к пониманию обозначенного термина.

Первый подход заключается в понимании повода как некоего источника (сигнала) информации о противоправном деянии, имеющим внешнее сходство с преступлением. Это «сообщение о готовящемся или уже совершённом преступлении» [18, с. 362]. То есть это «первичные данные о совершённом или готовящемся преступлении» [12, с. 9]; то, откуда стало известным деяния, имеющее сходство с преступлением [7, с. 6; 19, с. 9; 20, с. 13]; установленный УПК источник первичной информации о составе преступления, под характеристику которого подпадает деяние [21, с. 191]; источник осведомлённости должного лица о совершённом или готовящемся преступлении [19, с. 392].

Такой подход стал практически традиционным в силу простоты буквального прочтения п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

По нашему мнению, отождествление понятий «повод» и «источник» недопустимо, поскольку информация о совершении противоправного деяния может поступить в том числе из источников, которые закон не именуется поводом в рассматриваемом контексте (телефонный звонок анонима, заявления лиц, не признаваемых законом субъектами инициирования проверки сообщения о преступлении по делам частного и частно-публичного обвинения; документы, которые получены уже в ходе проверки сообщения о преступлении [22, с. 90]).

Смежные интерпретации содержания поводов для возбуждения уголовного дела выражаются через пересечения со словами «побудитель» [22, с. 95-100], «толчок» [23, с. 310], «импульс» [24, с. 61] в значении детерминанты процессуальной деятельности уполномоченных должностных лиц по проверке сообщения в целях решения вопроса о необходимости начала предварительного расследования [22, с. 6; 25, с. 371; 26, с. 300; 9, с. 26]. Р.Х. Якупов акцентирует внимание, что повод является таковым для начала проверки информации о преступлении, а не для фактического возбуждения уголовного дела [27, с. 209].

Некоторые исследователи называют повод «юридическим фактом», под которым, по С. С. Алексееву, надлежит понимать «конкретное жизненное обстоятельство, с которым нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений» [28, с. 72]. То есть понимание повода как юридического факта тоже отражает его содержание сигнального характера, если брать в расчёт понимание сигнала как «то, что служит толчком к началу какого-нибудь действия» [13, с. 714]. Эта характеристика повода базируется на принципе публичности уголовного процесса (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

Сочетание информационной, формальной и функциональной характеристик повода, по мнению некоторых [29, с. 11; 30, с. 90], роднит повод с доказательством. Иногда действительно первое трансформируется во второе [31], но вопреки мнению некоторых [32, с. 87-91] эта трансформация не должна признаваться неизбежной. А. П. Попов оценивает такой подход как несостоятельный в силу явного отождествления «повода» и «основания» для возбуждения уголовного дела [33, с. 45], с чем мы склонны согласиться.

Имеет место восприятие «повода» в качестве очертаний, схематического изображения, образа предполагаемого преступления [34]. При сопоставлении такого подхода с действующим уголовно-процессуальным законодательством напрашивается вывод, что подход неверен. Образ преступного деяния формируется из информации о его чертах, а информационное описание преступления (достаточные данные о нём) являются *основанием* (здесь и далее выделено нами — М. Б., А. Л., если не оговорено иное) для возбуждения уголовного дела.

Как видно, большинство авторов склонны давать «поводу» некоторые характеристики, отражающие влияние на уголовное судопроизводство, но при этом мало кто предпринимает попытки представить обобщённое понимание термина. Рассмотрим лексическое значение используемых слов.

Повод — случай, обстоятельство, которое можно использовать с какой-нибудь целью, предлог, причина (Д. Н. Ушаков) [12].

Философское объяснение повода заключается в определении его как «событие, обстоятельство, дающее побудительный толчок для наступления других последствий» [35, с. 349]. Обстоятельство — свершившийся факт, условие или их совокупность, событие окружающей действительности [11]. То есть поводом является событие объективной действительности, детерминирующее некоторое поведение, дальнейшие действия субъекта. При таком понимании повод для возбуждения уголовного дела должен служить катализатором вынесения решения о возбуждении дела, однако это решение выносится лишь при наличии основания, то есть не повод становится основной детерминантой. А из этого следует, что законодательное построение фразы не соответствует вложенному смыслу.

Если в целях истолкования соотношения понятий «повод», «основание» и «возбуждение уголовного дела

взять за основу конструкцию причинно-следственных связей, то повод в этом отношении выступит условием течения реакции трансформации основания для возбуждения дела как причины в следствие в виде положительного решения о возбуждении уголовного дела. Независимые от причины условия «срывают оковы» имманентной способности причины повлечь конкретное следствие [36, с. 531].

Под условиями понимается: 1) обстоятельство, от наличия или отсутствия которого зависит существование обуславливаемого; комплексный компонент бытия, в обязательном порядке опосредующий наличие некоего явления [36, с. 706]; 2) связь элемента бытия с окружающей средой, обеспечивающая существование данного элемента; это та среда, в которой протекает «жизнь» элемента действительности [35, с. 466-467].

Как сказано ранее, причины в виде основания возбуждения уголовного дела порождают следствие в форме принятия решения о, собственно, возбуждении уголовного дела. Но такое порождение возможно лишь при наличии ряда условий, в качестве которых выступает повод для возбуждения уголовного дела. Поводы для возбуждения уголовного дела служат той средой, в которой реализуется заключённая в основании возбуждения дела потенция на известное следствие.

Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткулин писали о том, что именно наличием повода для возбуждения уголовного дела обуславливается возникновение прав и обязанностей для доследственной проверки у должностных лиц, в рамках которой могут быть установлены основания (причина) для возбуждения уголовного дела (следствия) [37, с. 91].

Именно в создании среды, следствием деятельности в рамках которой может стать принятие положительного решения о возбуждении уголовного дела, определяется сущность (определяющее значение и двигатель изменений явления [38, с. 474-475]) повода для возбуждения уголовного дела.

Объективная действительность в целом и каждое её явление в отдельности неизмеримы по своему наполнению, в связи с чем исчерпывающим образом обозначить доступные проявления элементов повода для возбуждения уголовного дела вонне невозможно, посему отметим лишь конституирующие характеристики. Статическими проявлениями является информация о предположительно совершённом преступлении, облечение её в надлежащую форму, обладание участвующими лицами необходимым правовым статусом (заявитель, уполномоченное на приём сообщений о преступлении лицо). Они связаны динамической сущностью — деятельностью по передаче информации уполномоченному должностному лицу или обнаружению таковой самим субъектом получения информации (непосредственное обнаружение признаков преступления). В момент поступления субъекту проверки в допустимой форме информации оканчивается «рождение» повода-обстоятельства, детерминирующего начало уголовно-процессуальной деятельности.

Нельзя признавать приём сообщения о преступлении процессуальным оформлением повода, как это делает, например, И. С. Дикарёв [39, с. 44]. Это создаёт неверное понимание терминологии, будто повод формируется в рамках уголовного процесса на основании полученных сведений. Но повод, ещё раз подчеркнём — явление объективной действительности. Оно существует как таковое и формируется ещё до возникновения каких бы то ни было уголовно-процессуальных правоотношений. Процессуально оформляются лишь сведения об этом явлении, но не оно само.

Что касается сугубо правовых коллизий в отношении наименования «повод для возбуждения уголовного дела»: сопоставление норм ст. 140 и

ст. 146 УПК РФ приводит к выводу, что рассматриваемый термин одновременно используется для обозначения катализатора как начала стадии процесса, так и её завершения; как начала стадии возбуждения уголовного дела, так и стадии предварительного расследования (это объясняется тем, что при вынесении постановления в обоих случаях поводом является одно из обстоятельств, содержащихся в нормах статьи 140 УПК). В обоих случаях неизменно нарушаются логические законы.

Если внимательно прочесть норму ч. 1 ст. 140 УПК РФ, то можно прийти к выводу, что существование специального терминологического обозначения для среды «течения реакции» в принципе и не нужно, поскольку закон просто-напросто содержит перечисление того, что в качестве повода может выступить, но при этом существенного значения термин как таковой для применения закона не имеет, поэтому его без ущерба можно было бы изъять.

Оценивая историческую преемственность в уголовно-процессуальном регулировании, стоит заключить, что было бы более корректным использование современного варианта термина «начатие» из ст. 42, 297 УУС 1864 г. [40] в смысле обстоятельства, знаменующего старт досудебного производства по делу, что в большей степени коррелировало бы с п. 9 ст. 5 УПК РФ.

«Сообщение о преступлении, полученное из иных источников»

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела является сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученные из иных источников. Согласно п. 43 ст. 5 УПК РФ под «сообщением о преступлении» понимается «заявление о преступлении, явка с повинной, а также рапорт об обнаружении преступления». Законодатель нарушил принципы юридической техники и принципы формулирования дефиниций вообще и определил один термин через другой, при этом не раскрыв должным образом содержание ни одного из них, в связи с чем понимание терминологии затрудняется. Через сопоставление п. 47 ст. 5 и ст. 140 УПК РФ выясняется, что «иной источник» равно «рапорт об обнаружении признаков преступления». Здесь возникает резонный вопрос: почему нельзя было изложить п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ именно через указание на рапорт? Осо-

бенно важен этот вопрос становится, если обратиться к ст. 143 УПК РФ, которая содержит правило, благодаря которому любая поступающая информация о преступлении, не подпадающая под признаки иных поводов, оформляется рапортом. То есть юридическим актом, порождающим доследственную проверку становится именно рапорт. Упоминание в ст. 140 «иных источников» лишено смысла, поскольку это уточнение целесообразно помещать именно в ст. 143 УПК РФ. Но даже при внесении такой правки остаётся проблема неясности содержания конструкции «иные источники» [37].

«Явка с повинной»

Явка с повинной, то есть «добровольное сообщение лица о совершённом им преступлении» (ч. 1 ст. 142 УПК РФ), — конструкция имманентно противоречивая.

Этимологически слово «явка» образовалось от праславянского *aviti (se), «показать, явить; показаться, явиться» с помощью суффикса -к [11]. На современном этапе у данного слова множество значений. Так, например, С. И. Ожегов даёт в качестве истолкований следующие: «возникнуть, начаться, начать существовать»; «прибыть, прийти куда-нибудь»; «прийти куда-нибудь по вызову, по какой-нибудь официальной надобности»; «стать, оказаться»; «место, где происходят конспиративные встречи, а также сама такая встреча или условный знак при такой встрече» [13, с. 912]. Словарь русского языка в четырёх томах РАН первым значением этого слова указывает действие по значению глагола являться; появление определённого человека в заданное время в заданном месте. Ю. С. Ващенко и В. П. Карлов, прослеживая историю этимологического образования слова «явка» в сущности представляют нам, что оно означает «предъявить, показать, указать, открыть, объявить, дать знать и др.». [41, с. 168]. Обобщив, можно сказать, что в сфере уголовного процесса слово «явка» означает прибытие по официальной причине в определённое место с целью дать знать, объявить. Но дать знать о чём?

Рассмотрим второй элемент анализируемого словосочетания. «Повинная», по С. И. Ожегову, означает «признание своей вины» [13, с. 527]. «Вина — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно-опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его общественно опасным последствиям», — пишет А. И. Рарог [42, с. 42]. Доказывание формы вины при расследовании преступлений, пишет он далее, есть форма познания *судом* объективной действительности [42, с. 42]. С виной связано более общее понятие «преступление», которое указано в том числе в дефиниции термина «явка с повинной» — «... им *преступлении*» (ч. 1 ст. 142 УПК РФ).

«Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Обратившись к ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека [43], ч. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта

о гражданских и политических правах [44], ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ч. 1 ст. 14 УПК РФ лицо до того момента, когда по завершении проведения предусмотренных законом процедур расследования суд в установленном порядке вынес процессуальный акт с утверждением о том, что данное лицо виновно в совершении конкретного деяния, которое национальным законом признано преступлением, и этот процессуальный акт вступит в законную силу не может быть признано **виновным** в совершении **преступления**. То есть только суд может утверждать, что лицо виновно.

Форма вины, мотивы совершения преступления и факт виновности конкретного лица являются предметом установления и доказывания в рамках предварительного расследования и подтверждения или опровержения по завершении судебного следствия и вынесения итогового судебного решения (п. 2 ч. 1 ст. 73, п. 1 ст. 307 УПК РФ).

Таким образом, конструкция явки с повинной в её истолковании законодателем представляет собой фиктивную подмену деятельности суда и не соответствует действующему законодательству с точки зрения своей этимологии.

На основе тех же рассуждений верным будет признать несостоятельность употребления термина «преступление» при формулировании уголовно-процессуальных норм о возбуждении уголовного дела.

Основание для возбуждения уголовного дела

Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Как видно, дефиниция сформулировано через категорию «являться», что значит «быть чем-либо» [11]. Но какие данные и о чём именно имеются в виду? Сколько таких данных достаточно?

В качестве признаков преступления в науке разными учёными называются: 1) объект и объективная сторона [45, с. 83]; 2) общественная опасность, противоправность и наказуемость [46, с. 77]; 3) следы (признаки преступления в процессуальном (криминалистическом [48, с. 7]) смысле, а не уголовно-материальном); 4) характеристики объекта, объективной стороны и специального субъекта при необходимости его установления [48, с. 78-79]; факт его совершения [49, с. 118]. Нам представляется разумным сочетание 1 и 3.

Отметим, что информация о признаках преступления, являющаяся основанием для возбуждения уголовного дела не может именоваться основанием без предоставления ей возможности осуществить квалификацию деяния согласно нормам Особенной части УК РФ (хотя бы предварительно). В противном случае неясно, почему полученные данные называют признаками **преступления**. На это также обращали внимание в диссертационных исследованиях [47, с. 7; 50, с. 14; 51, с. 24].

Достаточность так или иначе означает требуемый уровень чего-то [10, с. 180]. Рассуждая о достаточности данных о преступлении как степени достоверности вы-

водов о наличии преступления, авторы снова разделились. Достаточностью называется достоверное знание [52, с. 6; 22, с. 124; 53, с. 44], обоснованное предположение [54, с. 105-106]. Имеют место синтетические подходы: по общему правилу требуется достоверное знание, но в качестве исключения может быть достаточно обоснованного предположения [55, с. 10-11]. В силу бесконечности вариантов жизненных обстоятельств, на наш взгляд, следует всякий раз исходить из индивидуальной оценки достаточности.

Данными называются характеризующие что-либо сведения, а сами сведения означают знания в той или иной области [11]. Отсутствие явных критериев оценки процедуры получения данных о возможном преступлении и формы представления таких данных вкупе с лексическим значением употребляемых слов означает, что данные о преступлении формируются из любых сведений о его событии.

Заметим, что в качестве достаточности нельзя признавать установление всех признаков преступления. Такой подход был бы априорно нереализуем, поскольку, во-первых, его реализация приведёт к увеличению сроков проведения проверки сообщения о преступлении; во-вторых, к практической невозможности установления всех признаков преступления ввиду отсутствия должного проверочного инструментария для решения столь объёмной задачи; в-третьих, любой факт возбуждения уголовного дела без установления всех признаков преступления будет оцениваться как нарушающий принцип законности.

Решение о возбуждении уголовного дела базируется на информации, полученной субъектом «доследственной проверки» и оцениваемой последним как объективно достаточной для утверждения о наличии высокой вероятности того, что факт совершения деяния, которое может быть признано преступлением, имел место. Это отражает «констатирующую функцию вероятности» [56, с. 91], могущая быть реализованной даже в условиях ограниченного знания [57, с. 43].

М. Ю. Рагинский определил «основание» через информацию, заключённую в «поводе» [58, с. 105]. Такой подход несостоятелен по той причине, что крайне редко в поводе содержится достаточно сведений, чтобы возбудить уголовное дело. Также такой подход приводит к очередному смешению терминологии, поскольку один из смыслов слова «повод» заключается в его потенциальности стать «**основанием** для чего-нибудь» [59, с. 7].

Применим вновь модель причинно-следственных связей. С точки зрения детерминизма причина определяется через событие, влекущее известное следствие при наличии необходимого набора условий. «Связь между этими явлениями столь же сильна и неизбежна, как связь генетическая» [38, с. 483]. Неизбежность причинно-следственной связи выражается в том, что данное конкретное явление (причина) в каждом случае наличия соответствующих условий влечёт наступление определённого следствия.

В рамках рассматриваемых вопросов эта связь выражается в том, что появление у должностных лиц информации о преступлении обеспечивает неизбежное следствие в виде вынесения процессуального акта, знаменующего начало предварительного расследования.

Выводы

Конституирующие термины, используемые для формирования процессуальных норм в отношении стадии воз-

буждения уголовного дела разбалансированы, они не находятся в органичном единстве, внутренне противоречивы, вследствие чего означают совсем не то, что должны были бы.

Доктринальные подходы во многом нивелируют недостатки закона, но и они неоднозначны, противоречивы, нарушают логику течения стадии возбуждения уголовного дела, игнорируют лексическое наполнение используемых языковых единиц.

Литература:

1. Казилов, Е.Н. Поводы к возбуждению уголовного дела: юридическая природа, система, пути совершенствования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. с. 35-40.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Масленникова, Л.Н. Правовые аспекты организации деятельности органов расследования по рассмотрению сообщений о преступлении // Организация деятельности органов расследования преступления: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. матер. Между-нар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 2. с. 41-48.
4. Рылков, Д.В. О проблемах возбуждения уголовных дел // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 4. с. 192-197.
5. Гаврилов, А. К., Стрёмовский В. А. Законность и обоснованность возбуждения уголовного дела в советском уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 1968. 105 с.
6. Гладышева, О.В., Семенцов В. А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2013. 319 с.
7. Карев, Д. С., Савгирова Н. М. Возбуждение и расследование уголовных дел. М.: Высшая школа, 1967. 141 с.
8. Макеева, И. В. Дискуссионные вопросы стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 8-6. с. 81-85.
9. Михайленко, А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе: Учебное пособие/Под ред. проф. А.Л. Цыпкина. Саратов, 1975. 150 с.
10. Овсянников, Ю.В. Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. 220 с.
11. Словарь русского языка: В 4-х т./РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/16/ma318424.htm> (дата обращения: 01.04.2022).
12. Толковый словарь русского языка/под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940). Режим доступа URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/03/us133211.htm> (дата обращения: 01.04.2022).
13. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/Под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1989. 924 с.
14. Гирько, И. С. Деятельность милиции в уголовном процессе. М.: Экзамен, 2006. 558 с.
15. Философия: Учебник для вузов/Под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма, 2005. 928 с.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
17. Сердюков, П. П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие. Иркутск: ИрГУ, 1981. 86 с.
18. Смирнов, А. В, Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Постатейный/Под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2004. 848 с.
19. Рыжаков, А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. М., 2003. с. 392.
20. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. Т. 2. М. Наука, 1970. 616 с.
21. Безлепкина, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 656 с.
22. Жогин, Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961. 264 с.
23. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/под. общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. 864 с.
24. Мотовиловкер, Я.О. Предмет советского уголовного процесса: Учебное пособие для студентов, изучающих спецкурс «Предмет советского уголовного процесса». Ярославль, 1974. 95 с.

25. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. В. И. Радченко; Науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2006. 1123 с.
26. Уголовный процесс России: Учебник/Н. А. Громов, А. Н. Гуцин, В. А. Пономаренков и др. М.: Юрайт, 2001. 555 с.
27. Якупов, Р. Х. Уголовный процесс. Учебник для вузов. М.: Зерцало, 1998. 448 с.
28. Алексеев, С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
29. Арсеньев, В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. Серия юридическая. Иркутск, 1969. Ч. 4. Т. 45. № 8. с. 3-196.
30. Копьева, А. Н. Значение документов при возбуждении уголовного дела // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. Серия юридическая. Иркутск, 1971. №. 11. Ч. 4. Т. 81. с. 88-98.
31. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.
32. Григорьев, В. Н. Использование фактических данных, полученных до возбуждения уголовного дела в системе доказывания // Проблемы доказывания по уголовным делам: межвузовский сбор. Красноярск, 1988. с. 87-91.
33. Попов, А. П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. 166 с.
34. Кузьменко, Е. С. Понятие повода к возбуждению уголовного дела // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 1-1 с. 11-26. Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-povoda-k-vozvuzhdeniyu-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 06.04.2022).
35. Философский словарь/Под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963. 544 с.
36. Философский энциклопедический словарь/Под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, и др. М., 1983. 840 с.
37. Жогин, Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. 367 с.
38. Алексеев, П. В., Панин А. В. Философия: учебник. М., 2005. 608 с.
39. Дикарев, И. С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела. М.: Юрлитинформ, 2012. 408 с.
40. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Режим доступа URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 12.04.2022).
41. Ващенко, Ю. С., Карлов В. П. Лингво-правовой анализ некоторых терминов уголовного права и процесса, их языковая специфика (часть II) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2 (95). с. 163-176.
42. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/С. А. Боженко, Ю. В. Грачёва, Л. Д. Ермакова и др.; отв. ред. А. И. Рарог. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 912 с.
43. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.
44. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
45. Акперов, Р. С. Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 217 с.
46. Тарзиманов, В. М. Процессуальные аспекты проведения проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 227 с.
47. Григорьев, В. Н. Обнаружение признаков преступления органами внутренних дел: учеб. пособие. Ташкент, 1986. 86 с.
48. Капранов, А. В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: дис.... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 183 с.
49. Лазарев, В. А. Возбуждение уголовного дела как акт правового реагирования на преступные посягательства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 224 с.
50. Еремян, А. В. Основания возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 25 с.
51. Ульянова, Л. Т. О доказывании в стадии возбуждения уголовного дела // Вестн. МГУ. Серия 12. Право. 1971. № 3. с. 22-29.
52. Васильев, А. Н. Рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях: методическое пособие. М., 1954. 56 с.
53. Рахунов, Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1954. 88 с.
54. Кожокар, В. В. Возбуждение уголовного дела. Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 301 с.
55. Лукашевич, В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. 193 с.
56. Серов, А. В. Функции вероятности в уголовном процессе // Правоведение. 1984. № 2. с. 88-91.
57. Чубыкин, А. А. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 202 с.

58. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР/В.Б. Алексеев, В.П. Божьев, С.В. Бородин и др.; Под ред. А.М. Рекункова, А.К. Орлова. М., 1985. 687 с.
59. Усачев, А.А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 240 с.

Полномочия суда апелляционной инстанции при необоснованности перехода к рассмотрению дела по правилам производства суда первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства

Барсукова Ксения Юрьевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье автор рассматривает вопрос действий суда апелляционной инстанции при установлении необоснованности перехода к рассмотрению дела по правилам производства суда первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных для апелляционного производства, с использованием примеров из правоприменительной практики, предлагает способы решения выявленных проблем.

Ключевые слова: гражданский процесс, апелляционное производство, переход к рассмотрению гражданского дела по правилам производства суда первой инстанции, отмена решения суда, судебная практика.

Частью 5 статьи 330 ГПК РФ предусмотрено правило перехода суда апелляционной инстанции к рассмотрению дела по правилам производства суда первой инстанции без учета особенностей для апелляционного производства в случае установления безусловных оснований для отмены решения суда первой инстанции (ч. 4 ст. 330 ГПК РФ) [1].

На начальной стадии становления работы апелляционного производства суды второй инстанции при наличии оснований, указанных в ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, отменяли решения судов и лишь после переходили к рассмотрению дела по правилам работы судов первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства. Однако подобный способ работы не соответствовал правилам ч. 5 ст. 330 ГПК РФ и часто приводил к необоснованным отменам из-за несоблюдения существующей процедуры по проверке обоснованности перехода.

Следует отметить, что ошибочность перехода не влияет на дальнейший ход дела и последующую работу апелляционного суда. Но вывод о переходе к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции без учета апелляционного производства создает условия для своевременного и правильного разрешения дела, которое в конечном итоге влияет на содержание принятого апелляционного определения [4, с. 39]. Например, если после перехода рассмотрения дела выяснится, что ответчик о судебном заседании был надлежащим образом извещен судом первой инстанции, но в суд по своей воле не явился, то решение суда первой инстанции не может быть отменено по основаниям п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ. Из этого следует, что переход на рассмотрение дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, установленных главой 39 ГПК РФ, сам по себе не означает

обязательность отмены решения суда первой инстанции. Следовательно, возникает вопрос: как поступать суду апелляционной инстанции в случае не подтверждения обстоятельств, послуживших основанием для перехода к рассмотрению дела по правилам производства суда первой инстанции без учета особенностей для апелляции?

В данном случае Р.В. Шакирьянов считает, что апелляционным судом принимается решение в зависимости от результатов рассмотрения дела исходя из полномочий суда апелляционной инстанции [5, с. 5].

С мнением автора стоит согласиться, поскольку некоторые суды апелляционной инстанции в случае не подтверждения обстоятельств, послуживших основанием для перехода к рассмотрению дела по правилам производства суда первой инстанции без учета особенностей для апелляции, оставляют решение суда первой инстанции без изменения. Например, Определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан от 28 мая 2013 г. по иску В. к совету муниципального района об оплате времени вынужденного прогула был произведен переход к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, установленных для апелляции, в связи с нарушением судом первой инстанции п. 7 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, то есть нарушение правила о тайне совещания судей. Однако во время рассмотрения дела было установлено, что суд первой инстанции не нарушал правило о тайне совещания судей при принятии решения. В связи с чем, суд второй инстанции оставил данное решение суда первой инстанции без изменения и в апелляционном определении указал на ошибочность перехода.

Но не все суды апелляционной инстанции действуют аналогично.

Так, Шестой кассационный суд общей юрисдикции отменил Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан по иску К. к Х. о взыскании утраченного заработка и взыскании суммы в счет компенсации морального вреда [2]. Судом апелляционной инстанции был произведен переход к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства и при этом привлек АО «ГРС» к участию в деле в качестве ответчика. По окончании рассмотрения дела, суд апелляционной инстанции оставил определение суда первой инстанции без изменения и в апелляционном определении не указал суждения по поводу привлечения к участию в деле АО «ГРС», перехода к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства. Отменяя апелляционное определение, кассационный суд отметил, что решение суда первой инстанции подлежало отмене в связи с непривлечением к участию в деле АО «ГРС» в качестве со-

ответчика, а не по причине перехода к рассмотрению дела по правилам производства суда первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных для апелляции, поскольку сам переход не может являться основанием для отмены решения суда нижестоящей инстанции.

На сегодняшний день в ГПК РФ не содержится положений, которые регулировали бы рассмотренный нами вопрос. Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» тоже не содержится отдельных разъяснений по данному вопросу [3]. В связи с чем, предлагается внести дополнение в ч. 5 ст. 330 ГПК РФ следующего содержания: «В случае установления необоснованности перехода к рассмотрению дела по правилам производства суда первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных для апелляционного производства, суд апелляционной инстанции оставляет решение суда первой инстанции без изменения».

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.10.2021 N 88-21806/2021// Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Шакирьянов, Р.В. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении гражданских дел в суде апелляционной инстанции в ГПК РФ// Журнал Российская юстиция, 2011. – № 10 — с. 38-42.
5. Шакирьянов, Р.В. Вопросы, возникающие при переходе к рассмотрению гражданского дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства («Российский судья», 2021, № 9) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Современное состояние правового регулирования внутренней миграции в Республике Казахстан

Бежкенов Ержан Сайлаугазыевич, студент;

Тлеубаев Руслан Маратбаевич, студент

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан (г. Нур-Султан)

Миграция играет все более заметную роль в преодолении демографического дефицита и нехватки рабочей силы в одних государствах, решении проблем занятости и снижения бедности населения в других государствах. Миграционные процессы в республике формируются под влиянием множества факторов, включая внешнюю (межстрановую) миграцию, а также внутреннюю миграцию населения. И Республика Казахстан здесь не исключение.

Согласно проекту Закона Республики Казахстан «О миграции населения» (Постановление Правительства Ре-

спублики Казахстан от 30 декабря 2009 года № 2251) в зависимости от цели въезда, выезда и пребывания на (из) территории Республики Казахстан различают следующие основные типы миграции:

- 1) с целью получения образования;
- 2) с целью осуществления трудовой деятельности;
- 3) с целью воссоединения семьи;
- 4) с целью возвращения на историческую родину;
- 5) с целью приобретения гражданства;
- 6) по гуманитарным и политическим мотивам;

7) с целью туризма.

Законодательство Республики Казахстан о миграции населения в предмет своего регулирования включает общественные отношения в области миграции населения, определяет правовые, экономические и социальные основы миграционных процессов.

Принятый в 2011 году новый Закон «О миграции населения в Республике Казахстан» (*Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV*) (далее — Закон), прописывает основополагающие права и обязанности мигрантов, переселяемых внутри страны.

Основной задачей Закона является «защита прав и свобод мигрантов», а также «оптимизация потоков внутренней миграции, обеспечение рационального расселения мигрантов по территории страны».

При этом под «миграцией» закон понимает передвижение физических лиц (постоянное или временное, добровольное или вынужденное) как из одного государства в другое, так и внутри государства.

Отдельного упоминания в понятийном аппарате закона удостоились «переселенцы» — внутренние мигранты, переселяющийся в регионы, определенные Правительством Республики Казахстан.

В соответствии со статьей 50 Закона внутренние мигранты в Республике Казахстан делятся на:

- 1) добровольно переселяемых в регионы, определенные Правительством Республики Казахстан;
- 2) самостоятельно переселяющихся по собственному желанию.

Анализ норм законодательства о миграции населения в части регулирования внутренней миграции показывает, что следует говорить не столько о пробелах, сколько, наоборот, о нормативной избыточности правового регулирования, о наличии в отраслевом законодательстве норм, не обладающих правовой спецификой и новизной.

Так, в частности, статья 51 Закона регламентирует основные права и обязанности внутренних мигрантов.

К правам внутренних мигрантов относятся права на:

- 1) свободу передвижения на территории Республики Казахстан, свободный выбор места жительства, кроме случаев, оговоренных законом Республики Казахстан;
- 2) защиту от принудительного перемещения из места жительства или места временного пребывания (проживания);
- 3) участие в активных мерах содействия занятости в соответствии с законодательством Республики Казахстан о занятости населения;
- 4) оказание содействия в трудоустройстве.

Обязанностями же внутренних мигрантов являются:

- 1) зарегистрироваться по месту жительства и месту временного пребывания (проживания) на территории Республики Казахстан в порядке, определяемом Правительством Республики Казахстан;
- 2) досрочно вернуть в полном объеме полученные ими меры государственной поддержки, предусмотренные участникам активных мер содействия занятости

в соответствии с законодательством Республики Казахстан о занятости населения, в случаях внутренней самостоятельной миграции по собственному волеизъявлению за пределы регионов, определенных Правительством Республики Казахстан, в течение пяти лет.

Правом, которыми закон наделяет внутренних мигрантов, являются общими для всех граждан страны, так же, как и обязанность зарегистрироваться по месту жительства и месту временного пребывания (проживания).

Единственными нормами, касающимися специфики внутренней миграции, являются нормы главы 10 Закона, посвященные оказанию содействия переселенцам.

В соответствии со статьей 52 Закона Правительством Республики Казахстан по представлению уполномоченного органа по вопросам миграции населения устанавливается региональная квота приема переселенцев.

Региональная квота приема переселенцев определяет предельное число семей переселенцев, прибывающих для постоянного проживания, в регионы, определенные Правительством Республики Казахстан.

Включение в региональную квоту приема переселенцев осуществляется на основании заявления, поданного одним из совершеннолетних членов семьи в местные исполнительные органы, в порядке, определяемом уполномоченным органом по вопросам миграции населения.

Согласно статье 53 Закона гражданам Республики Казахстан, включенным в региональную квоту приема переселенцев, в порядке, определяемом Правительством Республики Казахстан, оказывается социальная помощь — меры государственной поддержки, предусмотренные участникам активных мер содействия занятости в соответствии с законодательством Республики Казахстан о занятости населения. Иными словами, и эти нормы являются бланкетными, отсылающими к правилам иного законодательства.

Закон в числе мер социальной защиты от безработицы, разрабатываемых уполномоченным органом по вопросам занятости населения и местными исполнительными органами на основе прогнозов экономического и социального развития страны и регионов, называет «активные меры содействия занятости».

В целом анализ нормативных правовых актов по регулированию внутренней миграции населения показывает, что незначительное число норм, регулирующих внутреннюю миграцию населения само по себе, не свидетельствует о наличии пробелов в нормативных правовых актах.

В Республике Казахстан наблюдается фактическое увеличение внутренних миграционных процессов. Однако, во-первых, такие миграционные процессы не всегда требуют какого-либо правового регулирования (например, переезд гражданина в другой город к родственникам, переезд из сельской местности в город, из областей в столицу и т. д.).

Во-вторых, возможность регулирования государством внутренней миграции в желательном для себя аспекте (например, то же направление переселенцев в определенные регионы) зачастую упирается в финансовые возможности

государства по установлению квоты, расширению перечня мер государственной поддержки и т. д.

И, в-третьих, в случаях, когда отношения по перемещению граждан внутри республики все же требуют правового регулирования и регулируются нормативными правовыми актами, такое регулирование не всегда связано со специальным («миграционным») законодательством или законодательством о занятости. Так, например, поездки граждан в командировки или переезд на новое место жительства вместе с организацией-работодателем регулируются нормами трудового законодательства. Большой поток внутренних мигрантов, связанный с пе-

реносом столицы, сопровождался предоставлением ряда предусмотренных законодательством мер стимулирования переезда.

Однако эти меры были предусмотрены не миграционным законодательством. Даже такие частные случаи, как привлечение учителей школ в сельскую местность и т. п. требуют правового регулирования, направленного не на регулирование внутренней миграции как таковой, а на поддержку села, социальную защиту переезжающих и т. д.

Поэтому внутренние миграционные процессы в меньшей степени зависят от специального правового регулирования.

Литература:

1. О проекте Закона Республики Казахстан «О миграции населения» https://adilet.zan.kz/rus/docs/P090002251_
2. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>

Разбой: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации

Белькова Дарья Сергеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Разбой — одна из основных проблем, препятствующая нормальному функционированию современных социальных отношений не только в нашей стране. Исследование темы разбойных нападений была и будет оставаться актуальной в сфере уголовного права. Данное преступление является наиболее опасным среди преступлений против собственности. Актуальность исследования данной темы выражено, прежде всего, в необходимости выявления пробелов и недостатков уголовно-правовой характеристики и в квалификации данного преступления. Также необходимо найти современное решение данных проблем, с целью более корректной квалификации преступлений, снижения общественной опасности и уменьшения количества преступлений, связанных с разбоем.

Согласно статье 162 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, разбоем является нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия [4]. При квалификации данного преступления не редко возникают трудности, одна из которых — это проблема разграничения разбоя от смежных видов преступлений, например таких как грабеж (статья 161 УК РФ).

Данные преступления относят к главе 21 уголовного Кодекса Российской Федерации — преступлениям против собственности, ведь они направлены на завладение чужим имуществом в открытом виде. Однако, существует разница в способе достижения поставленной перед лицом, совершающим преступление, цели. Общественная опасность совершенного разбоя выражается в способе изъ-

ятия и обращения чужого имущества. Для более четкого понимания необходимо раскрыть понятие каждого преступления.

Уголовный Кодекс Российской Федерации трактует грабеж как открытое хищение чужого имущества. Как видно из данного Уголовным Кодексом понятия, грабеж не имеет дополнительного объекта преступления — жизни и здоровья человека. В то время как разбой посягает на два объекта — отношения собственности и жизнь человека.

Итак, непосредственным объектом разбоя являются отношения собственности, дополнительным объектом — здоровье и жизнь человека.

Для того чтобы субъектам правоприменения было легче проводить квалификации преступлений, связанных с разбойными нападениями, Верховный Суд Российской Федерации проводит достаточно подробные разъяснения отдельных моментов в постановлении № 29 от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [3]. Не смотря на подробность описываемых значений в данном постановлении отсутствует трактовка понятия «нападение», необходимое для корректной квалификации разбоя. Считаю, что верное определение понятию «нападение» дал С.М. Кочои. Под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата (хищения) путем внезапного применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения [2].

Субъективная сторона разбоя характеризуется наличием у виновного прямого, как правило, конкретизиро-

ванного умысла и корыстной цели. Сознанием субъекта охватываются следующие моменты: похищаемое имущество является чужим; у виновного нет права им распоряжаться; имущество изымается только против воли собственника; насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего либо угроза применения такого насилия, рассматривается виновным как способ достижения желаемого им преступного результата [1].

Субъектом разбоя может быть любое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Квалифицированный вид разбоя регулируется частью 2 статьи 162 Уголовного Кодекса Российской Федерации — данная норма предусматривает ответственность за совершение разбоя группой лиц по предварительному сговору. Совершением разбоя группой лиц по предварительному сговору признается деяние, осуществленное двумя и более лицами, заранее договорившимися о совместном совершении преступления. Следовательно, при квалификации действий виновных как совершение открытого хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору следует выяснить, имел ли место такой сговор соучастников еще до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества.

Особо квалифицированные виды разбоя указаны в ч. 2 и ч. 3 статьи 162 УК РФ, они предусматривают ответственность за Разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище или в крупном размере (ч. 3 ст. 162 УК РФ), и разбой, со-

вершенный организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ); в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ); с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ).

Статьей 162 УК РФ не предусмотрено санкций за разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшим смерть потерпевшего. Считаю необходимым исключить п «з», ч. 2, ст. 105 УК РФ и включить его часть, связанную с совершением разбойного нападения в ч. «5» ст. 162 УК РФ, в которой определить ответственность за совершение разбойного нападения, повлекшего смерть потерпевшего. Санкцию установить равнозначную действующей редакции п «з», ч. 2, ст. 105 УК РФ, то есть: лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

При разграничении разбоя от смежных преступлений следует более четко рассматривать цель совершения данного преступления и способ её достижения.

Для достижения правильной квалификации разбоя от смежных составов преступлений, необходимо подробное рассмотрение и понятие отличающих разбой характеристик от смежных преступлений. Корректная квалификация разбойных нападений приведет к недопущению ошибок в правоприменительной практике, что в свою очередь создаст условия для эффективной борьбы с преступностью в современном мире.

Литература:

1. Бойцов, А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
2. Кочои, С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 24.03.2022) — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 20.04.2022)

Понятие правового статуса военнослужащих

Бельтоев Зелимхан Ахметович, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В данной статье исследовано понятие правового статуса военнослужащих, представлена краткая характеристика каждого из компонентов оно, и исследованы некоторые позиции представителей науки относительно данного вопроса.

Ключевые слова: военнослужащие, правовой статус, права, обязанности, запреты, ограничения, гарантии, льготы, компенсации.

Актуальность исследования правового статуса военнослужащих заключается в специфике оно. Исследование данного вопроса представляется в особенности интересным на современном этапе развития отечественного военного права, что обусловлено широким перечнем

выполняемых военнослужащими задач и их важностью для государства и общества.

В первую очередь отметим, что военнослужащие являются не только гражданами своей страны с вытекающими из этого правами и обязанностями, но также и выступают

в качестве специфического субъекта права, с данной позиции военнослужащие наделены соответствующими обязанностями и ответственностью, необходимыми для реализации целей и задач военной службы. Эти обязанности и ответственность закреплены на законодательном уровне в Основном законе российского государства [1], Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» [2] и иных нормативно-правовых актах.

В соответствии с информацией, изложенной отечественным законодателем в тексте ст. 1 ФЗ «О статусе военнослужащих», «Статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных настоящим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» [3].

Представим характеристику структурных компонентов правового статуса военнослужащего:

Компонент № 1. Права военнослужащих. Под данным термином следует понимать «меры поведения, обеспеченные рамками закона и направленные на достижения целей связанных с удовлетворением интересов» [5, С. 97]. Общий массив прав военнослужащих принято подразделять на три основные группы, а именно:

конституционные права. Данную группу прав в научной литературе именуют также общегражданскими правами и, как следует из данного названия, эта группа прав свойственна всем без исключения гражданам российского государства. Соответственно, можно говорить о том, что данная группа прав характеризует военнослужащих как граждан российского государства с учетом специфики их проф. деятельности;

военно-служебные права. Названная группа прав как составная часть правового статуса военнослужащего подразумевает перечень прав военнослужащего исходя из специфики службы (место службы звание, должность и проч.). Это следующих разновидностей прав: общие (т.е. относящиеся ко всем без исключения военнослужащим), должностные (т.е. в зависимости от должности), специальные (те, которые приобретаются в случае чрезвычайных или иных особенного рода обстоятельствах и, как правило, носят кратковременный характер).

Компонент № 2. Обязанности военнослужащих. Под данным термином следует понимать критерии поведения военнослужащего в пределах своих обязанностей, определенных той или иной должностью военнослужащего. Обязанности военнослужащих принято подразделять на две основные группы, а именно:

активные обязанности — в данном случае подразумевается перечень обязанностей, требующих от лица, несущего военную службу, осуществления конкретных действий;

пассивные обязанности — в данном случае подразумевается перечень обязанностей, требующих от лица, не-

сущего военную службу, наоборот, воздержание от осуществления им конкретных действий.

Компонент № 3. Юридическая ответственность военнослужащего. Под названным термином следует понимать обязанность военнослужащего-нарушителя правового порядка понести за совершенное нарушение/преступление наказание, которое предусмотрено за это деяние на законодательном уровне. Для военнослужащих предусмотрена уголовная, административная, дисциплинарная и материальная ответственность.

Компонент № 4. Запреты и ограничения прав и свобод военнослужащих. Соответственно, в данном случае следует подразумевать запреты и ограничения, определенные спецификой военной службы. Так, под запретами в данном аспекте следует понимать «нормативно-правовые положения, содержащие перечень действий, являющихся несовместимыми с исполнением обязанностей военной службы, нарушение которых влечет юридическую ответственность военнослужащих, в частности, может выступить в качестве основания для досрочного прекращения военно-служебных отношений» [4, С. 152]. В свою очередь, под ограничениями в данном аспекте следует понимать зафиксированное на законодательном уровне предоставление не в полной мере общегражданских правомочий, вызванное спецификой военной службы. Такие запреты и ограничения регламентируются исключительно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и законами федерального уровня.

Компонент № 5. Льготы, гарантии, компенсации военнослужащих. В общем смысле под оными следует понимать комплекс мероприятий, которые направлены на то, чтобы компенсировать ограничения прав и свобод военнослужащих, вызванные спецификой их проф. деятельности.

Под гарантиями в исследуемом аспекте следует понимать перечень объективных и субъективных факторов, которые являются направленными на реализацию прав и свобод военнослужащих.

Под льготами в исследуемом аспекте следует понимать дополнительные права (в научной литературе их также именуют преимуществами), предоставляемые гражданам по причине исполнения ими военной службы, или же полное или частичное освобождение военнослужащего от некоторых государственных обязанностей в силу несения гражданином военной службы.

Под компенсациями в исследуемом аспекте следует понимать меры, «которые призваны обеспечить возмещение военнослужащим каких-либо непредвиденных затрат как материального, так и нематериального характера, а также реализовать право на замену отдельных видов натурального обеспечения денежным эквивалентом» [5, С. 98].

Исследовав компоненты правового статуса военнослужащих, выделенных нами на основе анализа отечественного законодательства, отметим, что среди представителей науки встречаются предложения по расширению

представленного перечня. Так, к примеру, К. Г. Шветова предлагает в структуре правового статуса военнослужащих выделять следующие компоненты: «1) права; 2) обязанности; 3) ограничения; 4) запреты (по своей сути юридические запреты есть правовые обязанности пассивного характера, т.е. обязанности воздерживаться от действий определенного рода, поэтому их выделение в структуре правового статуса достаточно условно); 5) ответственность; 6) льготы (преимущества); 7) компенсации; 8) стимулы» [6, С. 145].

В свою очередь, Куценко А. А. считает целесообразным выделить в структуре должностного статуса военнослужащих такой компонент, как полномочия [4, С. 157].

Таким образом, исследовав понятие правового статуса военнослужащих, представив краткую характери-

стику каждого из компонентов одного, и исследовав некоторые позиции представителей науки относительно данного вопроса, считаем возможным сделать следующие выводы:

— правовой статус военнослужащих включает такие структурные компоненты, как права, обязанности, ответственность, ограничения, запреты, льготы, гарантии и компенсации;

— несмотря на законодательное закрепление понятия «статус военнослужащего» в научной литературе встречаются предложения по расширению перечня включенных в него компонентов. По нашему мнению, указанное обусловлено попыткой представителей науки сформулировать авторское видение сущности данного термина и привести ясность в современную терминологию.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
2. Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
3. Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О статусе военнослужащих» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
4. Гусарова, Н.В. Современные взгляды на правовой статус военнослужащих // Военное право. 2019. № 2 (54). с. 150-158.
5. Куценко, А. А. Основы правового статуса военнослужащего // Наука и образование сегодня. 2018. № 12 (35). с. 96-98.
6. Шветова, К. Г. Ограничения и запреты в структуре правового статуса военнослужащих // Военное право. № 3. 2014. с. 140-160.

Апелляционное представление как процессуальный ненадзорный акт, применяемый прокурором, участвующим при рассмотрении судами уголовных дел

Валеева Валерия Сергеевна, студент магистратуры
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

В статье рассматривается прокурор как участник уголовного процесса, его процессуальное положение, полномочия на досудебной и судебной стадии судопроизводства, а также его роль. Раскрывается процесс обжалования прокурором решений суда первой инстанции по уголовному делу. Дается определение апелляционному представлению прокурора как акту реагирования, место в классификации актов прокурора. Раскрывается значение апелляционного представления прокурора. Выявляются проблемы и формируются рекомендации по разрешению выявленных проблем с предложением внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: прокурор, апелляционное представление прокурора, процессуальный акт, не надзорный акт, уголовный процесс, причины принесения, проблемы применения.

Актуальность работы состоит в том, что, исходя из Статистических данных об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2021 год (по сравнению с 2020 годом), увеличилось число принесенных и удовлетворенных судом

апелляционных представлений прокурора, что соответствует 14,1% и 15,9%. В связи с этим, возникает потребность рассмотреть процессуальную активность государственного обвинителя в суде апелляционной инстанции, а так же, как реализуется представление

как процессуальный не надзорный акт прокурорского реагирования.

Цель исследования – комплексно и детально проанализировать сущность апелляционного представления, выявить предпосылки необходимости применения представления, с учетом выявленных причин, сформулировать рекомендации для сведения к минимуму нарушений, которые влекут обжалование решений, приговоров суда.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные теоретические выводы внесут вклад в правовую науку, систематизируют научные знания по вопросам правового регулирования участия прокурора в уголовном процессе и использовании им процессуального не надзорного акта реагирования.

Практическое значение исследования состоит в том, что сформулированные в нем выводы и предложения могут быть использованы для недопущения нарушений, связанных с внесением апелляционного представления прокурора.

Процессуальное значение исследования, направлено на закрепление предложенных рекомендаций в нормативно-правовых актах, для помощи молодым специалистам прокуратуры в составлении апелляционного представления.

Задачи:

1. Рассмотреть положение, статус и полномочия прокурора в суде;
2. Выявить сущность прокурора в апелляционном судопроизводстве;
3. Изучить термин «апелляционное представление»;
4. Выделить проблемы апелляционного представления;
5. Разработать рекомендации для устранения по выявленным проблемам.

Участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства, считается одной из важнейших функций прокуратуры. Именно в суде подводится итог работы всех органов и должностных лиц по уголовному делу, а законность, обоснованность и справедливость приговора в большей степени зависит от профессионализма прокурора.

Статус прокурора регламентирован прежде всего Федеральным законом от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ.

Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия [26].

Полномочия прокурора закреплены в статье 37 УПК и их можно разделить на полномочия, осуществляемые прокурором в ходе досудебного и судебного производства.

В ходе досудебного производства прокурор имеет большой круг полномочий, которые сформулированы

в части 2 и 2.1 статьи 37 УПК РФ, такие полномочия носят непосредственно властно-распорядительный характер и направлены на надзор за органами дознания и предварительного следствия.

В судебном же производстве прокурор имеет ряд других полномочий, это прежде всего — поддержание государственного обвинения. Прокурор обеспечивает законность и обоснованность приговора и иных решений суда. Участие прокурора в ходе судебного производства является обязательным, поскольку он поддерживает обвинение и действует от имени государства.

Рассмотрев кратко положение, статус и полномочия прокурора, необходимо обратить внимание на само апелляционное производство и как прокурор в нем себя проявляет.

Под апелляционным производством – понимается стадия уголовного процесса, в ходе которой судом апелляционной инстанции осуществляется пересмотр приговоров (постановления) мирового судьи, не вступивших в законную силу по жалобам сторон, в условиях новой оценки доказательств и их источников с правом вынесения нового судебного решения. [17, с. 310].

Прокурор вправе подать апелляционное представление на основании закрепленных полномочий на осуществление от имени государства уголовное преследование и поддержание обвинения в качестве государственного обвинителя, закрепленные в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ.

Такое право дублирует и статья 389.1. УПК РФ закрепив право апелляционного обжалования судебного решения за государственным обвинителем и (или) вышестоящим прокурором.

Процессуальное значение апелляционного представления прокурора прежде всего состоит в том, что оно должно стать поводом для возбуждения самостоятельной стадии процесса, устранить допущенные ошибки, защитить права и свободы человека и гражданина, а также достичь цели судебной деятельности.

Поскольку наше исследование направленно непосредственно на изучение апелляционного представления, я считаю необходимым проанализировать сущность термина «апелляционное представление». На сегодняшний день существует множество различных трактовок понятия об апелляционном представлении прокурора, рассмотрим некоторые из них.

Апелляционное представление прокурора — это процессуальное решение государственного обвинителя (или вышестоящего прокурора), в основе которого лежит его оценка вынесенного судом первой инстанции решения, акт реагирования прокурора на неправосудное решение суда [12, с. 91].

Апелляционное представление — одно из наиболее эффективных средств устранения судебных ошибок. Его целью является не допустить вступления в силу незакон-

ного, необоснованного или несправедливого приговора, иного судебного решения (подача его в установленный срок приостанавливает исполнение решения суда) [25, с. 124].

Апелляционная жалоба является одним из обычных порядков обжалования, которая может быть использована в отношении судебных решений, провозглашенных по существу нижестоящей судебной инстанцией, с целью подвергнуть дело новому рассмотрению для изменения, не вступившего в законную силу решения [10, с. 2].

Апелляционные жалоба, представление — представляют собой надлежащим образом оформленное обращение к суду апелляционной инстанции о пересмотре не вступившего в законную силу решения суда первой инстанции [16].

Представление прокурора по своей сути является формой обжалования приговора [20, с. 81].

Представление определяется как акт реагирования прокурора на судебное решение, вносимый в порядке, установленном УПК РФ [24, с. 160].

Подводя итог всему написанному, апелляционное представление прокурора — это акт прокурорского реагирования, вносимый на принятое по уголовному делу и не вступившее в законную силу решение суда первой инстанции, направляемый в суд апелляционной инстанции через суд, постановивший приговор, с целью отмены или изменения (полностью или в части), используемый прокурором на основании предусмотренной законом компетенции.

Рассмотрев различные вариации определения апелляционного представления, стоит изучить его с точки зрения классификации актов прокурора. Так, Ергашев Е. Р. совместно с Шваба Ф. В. в статье «Процессуальные средства прокурорского реагирования: проблемы правовой регламентации» представляет классификацию процессуальных средств прокурорского реагирования [9, с. 79]:

процессуальные надзорные — средства, урегулированные процессуальным законодательством и используемые при осуществлении надзорной функции прокуратуры, то есть это средства, которые зафиксированы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

процессуальные ненадзорные — средства реагирования, применяемые прокурором при выполнении надзорной функции содействия осуществлению правосудия.

Именно к процессуальным не надзорным средствам реагирования относится апелляционное представление прокурора по уголовному делу. Рассмотрим каждую из составляющих.

Процессуальный акт — это документ, содержание и порядок внесения которого регламентирован процессуальным законодательством.

Ненадзорный акт — это документ, вносимый по ненадзорным направлениям деятельности органов прокуратуры в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Исследовав первые поставленные задачи, необходимо перейти к проблемам, связанным с апелляционным представлением.

Ряд авторов выделяет проблему терминологии. Законодатель не придерживается единой терминологии при наименовании средств. На незаконный акт суда в гражданском, административном, уголовном судопроизводстве прокурор подает представление, а в арбитражном процессе — апелляционную или кассационную жалобу. При этом в статье 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» все еще сохраняются устаревшие наименования прокурорских средств, не соответствующие их наименованиям, используемым в ныне действующих процессуальных кодексах. [9, с. 80]. Так и апелляционное представление, как акт — отдельно нигде не закреплено, однако оно является наиболее результативным средством прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Закрепление указанного акта в отдельную статью закона — укрепит авторитет Прокуратуры РФ, подчеркнет важность прокурора как участника процесса, а также укажет на принцип независимости судей в том ключе, что только один акт может повлечь пересмотр решения, приговора суда.

Второй немало важной проблемой является то, что принесение апелляционного представления является правом, а не обязанностью прокурора, данное усматривается из статьи 389.1 УПК РФ. Такое изложение закона является не допустимым, поскольку можно будет говорить о выборочном волеизъявлении прокурора обжаловать решение суда. Тогда будет нарушена норма статьи 46 Конституции РФ — о гарантии каждому на судебную защиту его прав и свобод. Защита прав и свобод человека и гражданина не должна быть правом на выборочной основе, а обязанностью.

Ещё одной проблемой является неоднозначное понимание правоприменителем признаков, позволяющих признать допущенное нарушение уголовно-процессуального закона существенным, то есть являющимся основанием для отмены или изменения судебного решения. [3, с. 199-200]. Под существенным нарушением уголовно-процессуального закона Петров Андрей Вениаминович в своей работе о существенных нарушениях уголовно-процессуального кодекса понимал — нарушение, выражающееся в отступлении государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, а также участников процесса от предписаний (требований) уголовно-процессуальных норм, которое путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса либо иным способом помешало всесторонне расследовать или рассматривать дело и повлекло или могло повлечь постановление незаконного и необоснованного уголовно-процессуального решения. Введение законодателем классификации и критериев, которые бы позволяли различить характер нарушений, могло бы обеспечить цели и задачи судопроизводства.

Авторы к числу проблем относят, проблему содержания представления. Требования разделяются на две группы: 1) Первая группа объединяет требования информационно-формального характера: наименование суда, в который подается жалоба; данные о лице, подавшем жалобу, и проч. 2) Вторая группа — требования содержательного характера: доводы лица, подавшего представление, а также указание на конкретное апелляционное основание обжалования (ст. 389.15 УПК РФ).

Несоответствие представления любому из установленных требований препятствует дальнейшему рассмотрению уголовного дела. В таком случае представление по формальному основанию возвращается заявителю, который в установленный судьей срок должен устранить недостатки. Если требования судьи не выполнены и апелляционное представление не поступило в установленный срок, оно считается не поданными, а приговор или иное решение не обжалованным и вступившим в законную силу [15, с. 1].

В литературе нередко отмечается, что разработка формуляра для апелляционной инстанции позволила бы решить многие проблемы. О необходимости создания определенных формуляров в целях жесткой формализации требований к объему и содержанию апелляционных представлений уже говорил М. С. Шалумов [15, с. 2].

Л. В. Гайворонская предлагает свой вариант структуры возможного формуляра апелляционного представления, который представляется вполне удачным. Весь формуляр предполагается разбить на блоки. В каждом из них — графы, заполняющиеся по мере необходимости [15, с. 2].

В связи с указанными авторами проблемами возникает необходимость выработать некоторые критерии для апелляционного представления по содержанию.

Для решения указанных мною проблем необходимо внести изменения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Уголовно-процессуальный кодекс РФ:

— в части наименования актов реагирования, применяемых прокурором в судах. Дать единообразное толкование таких актов, а также принять единую классификацию актов с учетом направлений прокурорской деятельности.

— закрепить в статье 389.1 УПК в качестве обязанности государственного обвинителя и (или) вышестоящего прокурора, участвующего в процессе (вступившего после), применять апелляционное представление при усмотрении его незаконности, необоснованности.

— закрепление в уголовно-процессуальном кодексе признаков, являющихся достаточным основанием для отмены или изменения решения, а также разъяснения к ним.

— сформировать единые стандарты и подходы к написанию апелляционного представления, задать структуру и обозначить составляющие, при необходимости дать более подробные комментарии к написанию.

Подводя итог нашему изучению апелляционного представления, следует сказать, что прокурор как государственный обвинитель играет ключевую роль в принятии судом законного, обоснованного, справедливого решения. При нарушении одной из составляющих, прокурор вправе использовать такое средство реагирования как — апелляционное представление. В свою очередь законодатель должен закрепить наиболее подробные требования к данному документу, для избежание ошибок при его применении и написании.

Литература:

1. Артебякина, Н. А. Дача заключения по делу как форма участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Юрист. 2019. N 12. с. 62-68.
2. Бобров, Е. А. О проблеме эффективности дачи заключения как формы участия прокурора в гражданском процессе // Российская юстиция. 2019. N 4. с. 29-31.
3. Борисевич, Г. Я. О существенных, неустраняемых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013 N 20 (3). с. 199-210.
4. Вербина, Н. А., Пирогов М. В. Апелляционное представление прокурора // Законность. 2018. N 1. с. 15-19.
5. Голопузова, Е. А. Апелляционное представление прокурор // Молодой ученый. 2018. N 16 (202). с. 195-197.
6. Дугарон, Е. Ц. Проблемы заключения как формы выражения позиции прокурора в гражданском процессе // Законность. 2018. N 4. с. 30-35.
7. Дусейнова, Э. Г. Функция суда по разрешению уголовных дел в системе уголовно — процессуальных функций России и Казахстана: дис. канд. юрид. наук/Э. Г. Дусейнова. Оренбург: [б. и.], 2004. с. 135-136.
8. Ергашев, Е. Р., Е. А. Габышева Правовые средства прокурора: проблемы осмысления, применения и правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. N 5 (107). с. 38-44
9. Ергашев, Е. Р., Шваба Ф. В. Процессуальные средства прокурорского реагирования: проблемы правовой регламентации // Российское право: образование, практика, наука. 2019. N 1 (109). с. 78-85.
10. Календарь, Д. А. Участие прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде апелляционной инстанции // Научный журнал. 2019. N 8 (42) с. 23-33.
11. Ковалев, А. А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами апелляционной инстанции // Право и политика. 2021. N 4. с. 1-9.

12. Козин, А. В. Ухудшение положения осужденного в апелляционном производстве. Режим доступа к журн. URL: <http://www.zakipr.unn.ru/wp-content/uploads/sites/16/2018/10/Kozin-A.V..pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
13. Коломеец, Е. В. Систематизация используемых прокурором в уголовном досудебном производстве средств реагирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. N 3 (70). с. 20-24
14. Крюков, В. Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность) // Курск. 2012. с. 500.
15. Курс уголовного процесса/А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др.; под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016.
16. Ласкина, Н. В. Комментарий к главе 39 «производство в суде апелляционной инстанции» гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Режим доступа к журн. URL: <https://base.garant.ru/55881821/> (дата обращения: 01.04.2022).
17. Муратова, Н. Г. Апелляция в уголовном процессе // Актуальные проблемы юридической науки и образования на современном этапе. Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию восстановления юридического факультета в Казанском государственном университете. 2003. с. 307-311
18. Немашкало, Ю. А. Апелляционное представление: проблемы его содержания // Достижения науки и образования. 2017. N 9 (22). с. 32-35.
19. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 N 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».
20. Проскурина, Т. Ю. Участие прокурора в апелляционном производстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. N 2. с. 80-86.
21. Сиражитдинова, Л. М. Современное состояние апелляционного производства в уголовном процессе России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. N 2 (17). с. 32-37.
22. Смирнов, А. В. Уголовный процесс: учебник/А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. — 7 е изд., переработано — М.: Норма: ИНФРА — М. 2019. с. 752.
23. Советы Юриста. Проблемы участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами апелляционной инстанции. Режим доступа к журн. URL: <https://www.livelawyer.ru/problems-uchastija-prokurorov-v-rassmotrenii-ugolovnyh-del-sudom-apelljacionnoj-instancii/> (дата обращения: 01.04.2022).
24. Терёхин, А. А. Апелляционное и кассационное представление как акты прокурорского реагирования // Вестник Омского университета, серия: право. 2012. N 4 (33). с. 160-165.
25. Туркиев, Р. М, Сефикурбанов, К. С. Диссертационное исследование, прокурор в апелляционной инстанции // Закон и право. 2020. N 4. с. 124-126.
26. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) глава 45.1.
27. Хайдаров, А. А, Н. С. Диденко, А. А. Юнусов. Ошибки, допускаемые государственным обвинителем в стадии апелляционного производства по уголовным делам // Вестник краснодарского университета МВД России. 2019. N 2 (44). с. 81-84.
28. Червоткин, А. С. Полномочия прокурора на стадии принесения апелляционного представления // Уголовный процесс. 2019. N 2 (172). с. 69-75.
29. Шалумов, М. С. Апелляция в уголовном процессе: спорные вопросы и развитие // Уголовный процесс. 2013. N 10 (106). с. 58-67.
30. Юнусов, А. А., Мазина Н. Н. Проблемы соблюдения сроков обжалования и проверки в апелляционном производстве // Виктимология. 2018. N 3 (17). с. 36-41

Объективная сторона преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

Ветрова Анна Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассмотрены признаки объективной стороны преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также проведено сравнение составов данных преступлений с точки зрения деления их по критерию конструкции на материальные и формальные.

Ключевые слова: объективная сторона, общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, наркотические средства, психотропные вещества, материальный состав, формальный состав.

Objective side of crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances

Vetrova Anna Valeryevna, student master's degree

Scientific adviser: Shesler Aleksandr Viktorovich, doctor of legal sciences, professor
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article examines the signs of the objective side of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, and also compares the compositions of these crimes in terms of dividing them by the criterion of construction into material and formal.

Keywords: objective side, socially dangerous act, socially dangerous consequences, narcotic drugs, psychotropic substances, material composition, formal composition.

Неотъемлемым элементом состава преступления наряду с иными элементами является объективная сторона, являющаяся системой обязательных и факультативных признаков, присутствующих в преступном деянии. Собственно, важнейший признак объективной стороны состава преступления — это общественно опасное деяние, наличия которого достаточно для признания преступления оконченным в случае, если состав преступления по конструкции является формальным. В материальных составах обязательными также являются общественно опасные последствия и причинно-следственная связь между деянием и этими последствиями — два других обязательных признака. Что касается факультативных, или дополнительных, признаков объективной стороны состава преступления, то к ним относятся: способ, время, место, обстановка, орудия и средства совершения преступления.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных средств (ст. 228-233 Уголовного кодекса РФ), по составу преступления от иных составов, содержащихся в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ), в основном отличаются таким факультативным признаком объекта преступления, как предмет преступления, который в данных составах является необходимым и к которому могут относиться: наркотические средства, психотропные вещества, аналоги наркотических средств или психотропных веществ и др. Тем не менее

объективная сторона данных преступлений содержит в себе те признаки, наличие которых обязательно для квалификации преступного посягательства по соответствующим статьям.

Весьма важен признак общественно опасного деяния, который напрямую связан с конкретным предметом преступления. Если подробно изучить признак деяния в составах преступлений ст. 228-233 УК РФ, можно сделать вывод, что, как указала в своей работе Е. Ю. Янович, «данные преступления чаще всего совершаются путем активных действий» [4]. Иными словами, при совершении этих преступлений чаще имеет место действие, но не бездействие. Стоит сразу отметить, что совершение преступления путем действия или бездействия подразумевается в ст. 228.2 УК РФ, в которой наказуемым признается нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи наркотических средств или психотропных веществ либо их прекурсоров, а также иные деяния, указанные в ст. 228.2 УК РФ. Прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, согласно ФЗ от 08.01.1998 года «О наркотических средствах и психотропных веществах», — это «вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [1]. Активное дей-

ствие подразумевается, например, в ст. 228, 229, 230 УК РФ, где речь идет о незаконных приобретении, хранении, перевозке, изготовлении, хищении, вымогательстве наркотических средств и психотропных веществ, а также о склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов [2]. В соответствии с п. 27 ПП ВС РФ от 15.06.2006 года «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» склонение может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления, а также в обмане, психическом, физическом насилии и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению данных веществ; при этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило соответствующее вещество [3].

Последствия в качестве обязательного признака объективной стороны указаны не во всех составах преступлений, то есть из всех составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, лишь некоторые — материальные. Например, упомянутое выше нарушение правил производства, переработки, изготовления, хранения и совершения других действий с наркотическими и иными веществами (ст. 228.2 УК РФ), так как в этой статье для привлечения к уголовной ответственности за совершение оконченного преступления законодатель указал на обязательное возникновение определенных последствий, среди которых, например, утрата растений либо их частей, содержащих наркотические и иные вещества.

К материальным составам также относятся: п. «б» ч. 3 и ч. 4 ст. 230, ч. 3 ст. 230.1 и ч. 2 ст. 230.2 УК РФ. Нужно добавить, что причинно-следственная связь между общественно опасными деянием и последствиями не закрепляется прямо в положениях УК РФ, однако наличие этого признака должно быть доказано в ходе предварительного расследования, в противном случае производство по делу будет прекращено ввиду отсутствия состава преступления в действиях или бездействии лица, то есть всех необходимых элементов, следовательно, всех необходимых признаков состава преступления.

Среди других признаков объективной стороны, а именно: способа, времени, обстановки, места, орудия и средств совершения преступления — в составах преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, присутствует такой признак, как способ совершения преступления: п. «а» и «б» ч. 2 ст. 228.1, п. «в» ч. 3 ст. 229, п. «в» ч. 4 ст. 229.1, п. «г» и «д» ч. 2 ст. 230, п. «в» ч. 2 ст. 230.1 УК РФ. В перечисленных случаях способ совершения преступления является обязательным признаком. Относительно иных факультативных признаков следует сказать, что они в соответствующих составах преступлений не указаны.

Таким образом, данные составы преступлений практически во всех случаях являются формальными, то есть содержат указание только на деяние и не требуют обязательного наличия последствий, что может говорить о высокой степени общественной опасности этих преступлений и их крайне негативном воздействии на здоровье населения. Дополнительные признаки не распространены в данных составах преступлений, чего нельзя сказать лишь о способе совершения преступления.

Литература:

1. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 2. — Ст. 219.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ // Российская газета. — 2006. — № 137.
4. Янович, Е. Ю. Некоторые вопросы уголовной ответственности за преступления против здоровья населения в Российской Федерации/Е. Ю. Янович // Вестник ПАГС. — 2008. — № 1.

Теоретические основы защиты таможенными органами прав на объекты интеллектуальной собственности

Гаврина Анна Олеговна, студент;

Левинская Елена Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В практике перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС большое количество товаров содержат в себе объекты интеллектуальной собственности (далее — ОИС), то есть нуждаются в защите со стороны российских таможенных органов. Часто товары перемещаются через таможенную границу ЕАЭС с нарушением прав интеллектуальной собственности. Также товары, содержащие ОИС, становятся объектами контрабанды и контрафакта, что угрожает правам правообладателей ОИС и жизни и здоровью конечного потребителя таких товаров, поскольку контрафакт производится недобросовестными участниками внешней экономической деятельности (далее — ВЭД) с нарушением технологии производства. В Российской Федерации применяются различные инструменты защиты ОИС при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, одним из которых является Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (далее — ТРОИС России). ОИС, включенные в ТРОИС России подпадают под защиту со стороны российских таможенных органов и за незаконное использование ОИС, включенного в ТРОИС России, участник ВЭД будет привлекаться таможенными органами к правовой ответственности.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, ТРОИС России, ЕАЭС.

Theoretical foundations of the protection of intellectual property rights by customs authorities

Gavrina Anna Olegovna, student;

Levinskaya Elena Vasilyevna, candidate of economic sciences, associate professor, head. department
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

In the practice of moving goods across the customs border of the EEU, a large number of goods contain intellectual property objects (hereinafter — IPI), i. e., they need protection by the Russian customs authorities. Often goods are moved across the customs border of the EEU in violation of intellectual property rights. Also, goods containing IPR become objects of smuggling and counterfeiting, which threatens the rights of IPR holders and the life and health of the end consumer of such goods, since counterfeit goods are produced by unscrupulous participants of foreign economic activity (hereinafter — FEA) with violation of production technology. The Russian Federation applies various instruments for protection of IPR when goods are moved across the customs border of the EAEU, one of which is the Customs Register of Intellectual Property Objects (hereinafter — the TRIP of Russia). IPR included in the TRIPS of Russia fall under the protection of the Russian customs authorities and a foreign trade participant will be held legally liable by the customs authorities for the illegal use of IPR included in the TRIPS of Russia.

Keywords: intellectual property objects, TROIS Russia, EAEU.

Сегодня применение ТРОИС России имеет высокую эффективность, но на практике использование данного инструмента защиты прав на ОИС сопряжено с различного рода проблемами, которые усугубились в силу нестабильных политических отношений России и многих иностранных государств.

Под ОИС понимаются объекты, на которые распространяются авторские и смежные права. Это результат интеллектуальной деятельности лиц, которые являются правообладателями на использование ОИС, который защищается со стороны государств мира, в том числе со стороны Российской Федерации. При этом через таможенную границу ЕАЭС перемещаются не сами ОИС как таковые, а товары, их содержащие.

К общим признакам ОИС относятся: отнесение ОИС к результатам интеллектуальной деятельности лиц; возможность применения к ОИС имущественных и не имущественных прав; могут использоваться правообладателем в течение определенного периода времени, а также бессрочно; могут передаваться от правообладателя к его законным наследникам; могут использоваться правообладателем как средство заработка денежных средств; внешнеторговый внутрироссийский оборот ОИС регулируется со стороны государства.

Для того, чтобы попасть под защиту со стороны Российской Федерации, ОИС должен быть зарегистрирован в Роспатенте. Например, ОИС защищается на территории стран ЕС, но при этом такой ОИС не регистрири-

рован на территории Российской Федерации, то государственные органы не будут осуществлять его защиту. При регистрации ОИС в Роспатенте правообладателю выдается патент или свидетельство о регистрации права собственности на ОИС, которое действует на территории нашей страны.

Государственный контроль за оборотом таких товаров осуществляется с целью защиты прав на ОИС со стороны правообладателей; защиты экономической безопасности Российской Федерации; защиты жизни и здоровья российских потребителей товаров, содержащих ОИС.

В 2021 году государственными контролирующими органами России было выявлено 32 млн. единиц контрафактной продукции, которая реализовывалась на российском рынке с нарушением прав на использование ОИС. Более половины контрафактных товаров, содержащих ОИС, были импортированы на территорию нашей страны из иностранных государств.

К государственным органам, которые осуществляют контроль за использованием ОИС в Российской Федерации, относятся: Роспатент (регистрирует ОИС на территории России); МВД России (привлекает к ответственности лиц, незаконно использующих ОИС на территории России); Росалкогольрегулирование (осуществляет контроль за реализацией на российском рынке алкогольной продукции, содержащей ОИС); Минкультуры России (осуществляет контроль за использованием культурных объектов, которые содержат ОИС); ФТС России (осуществляет контроль за перемещением товаров, содержащих ОИС, через таможенную границу ЕАЭС).

Защита таможенными органами прав на ОИС осуществляется с применением различных нормативных правовых документов (далее — НПД), которые составляют нормативную правовую базу в изучаемой области таможенного дела. Применение НПД при защите таможенными органами прав на ОИС направлено на совершение таможенных операций и таможенного контроля в правовом поле, на основании которого таможенные органы не только осуществляют обеспечение национальной безопасности государства, но соблюдают права и законные интересы участников ВЭД.

Нормативное правовое регулирование защиты таможенными органами прав на ОИС можно рассматривать с позиции членства России в различных международных союзах и конвенциях, а также с позиции самостоятельного регулирования отдельных сфер таможенного дела. Так международным НПД, который регулирует защитную деятельность таможенных органов, являются Рамочные стандарты Всемирной таможенной организации, которые применяются многими странами мира в вопросах развития деятельности их таможенных служб.

«Опоры» Рамочных стандартов ВТамО указывают на необходимость информационного взаимодействия между таможенными органами и другими лицами, которые участвуют в перемещении товаров, содержащих ОИС, через таможенную границу и осуществляют кон-

троль за такими действиями. На основании Рамочных стандартов ВТамО российские таможенные органы применяют риск-категорирование товаров, содержащих ОИС, перед тем как назначить в отношении них ту или иную форму таможенного контроля. Это ускоряет процесс совершения с товарами, содержащими ОИС, таможенных операций и таможенного контроля, что приносит пользу, как таможенным органам, так и декларантам товаров, содержащих ОИС.

Международная классификация подобных товаров определяется в Конвенции от 14.07.1967 «Об утверждении Всемирной организации интеллектуальной собственности». То есть, именно в данной Конвенции дается понятие термина «объекты интеллектуальной собственности», которое используется в российском и международном праве. [1]

Российская Федерация является с 2010 года членом ЕАЭС, это означает то, что порядок совершения с товарами, содержащими ОИС, таможенных операций и таможенного контроля должен быть унифицирован на всем пространстве ЕАЭС. Об этом свидетельствуют положения Договора от 29.05.2014 «О Евразийском экономическом союзе». Договор «О Евразийском экономическом союзе» является общим НПД в сфере таможенного дела, который действует на территории ЕАЭС [2].

Так же используется ТК ЕАЭС, в котором определяются виды таможенных платежей, подлежащих уплате при таможенном декларировании товаров, содержащих ОИС; раскрывается перечень таможенных операций, которые могут совершаться с товарами, содержащими ОИС; регламентируются таможенные процедуры, под которые могут быть помещены товары, содержащие ОИС; определяется порядок проведения таможенного контроля в отношении товаров, содержащих ОИС [3].

ТК ЕАЭС определяет применение более узких НПД при защите таможенными органами прав на ОИС. Например, ТК ЕАЭС определяет методы определения таможенной стоимости товаров, содержащих ОИС, при этом возникает вопрос о необходимости включения в таможенную стоимость при импорте данных категорий товаров лицензионных и иных платежей за использование ОИС.

Данный вопрос разъясняют Рекомендации Коллегии ЕЭК от 15.11.2016 № 20 «О Положении о добавлении лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной стоимости к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары». На основании данного НПД при определении таможенной стоимости импортируемых в ЕАЭС товаров, содержащих ОИС, в нее включаются лицензионные платежи; платежи за право на воспроизведение (тиражирование) товаров, содержащих ОИС; платежи за право перепродажи товаров, содержащих ОИС, на таможенной территории ЕАЭС [4].

К товарам, содержащим ОИС, применяются инструменты таможенно-тарифного и нетарифного регули-

рования, а также запреты и ограничения. При этом все названные инструменты применяются к товарам, содержащим ОИС на основании кода по ТН ВЭД ЕАЭС. То есть, для того чтобы определить алгоритм совершения с товаром, содержащим ОИС, таможенных операций и таможенного контроля, необходимо его классифицировать в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. Сама ТН ВЭД ЕАЭС содержится в Решении Совета ЕЭК от 14.09.2021 № 80 «Об утверждении Единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» [5].

Национальным НПП, который регулирует защиту таможенными органами прав на ОИС, является Федеральный закон Российской Федерации от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Он регламентирован на основе ТК ЕАЭС и в некоторой степени дополняет его. В данном НПП определяются обоснования для включения ОИС в ТРОИС России; инструменты по защите прав правообладателей; сроки защиты прав правообладателей на ОИС; обоснования для отказа во включении ОИС в ТРОИС России; меры по защите прав на ОИС [6].

Алгоритм ведения ТРОИС России определяются Приказом ФТС России от 28.01.2019 № 131 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности». На основании данного Приказа устанавливаются формы основных документов, которые используются таможенными органами при включении ОИС в ТРОИС России, при ведении ТРОИС России и исключении ОИС из ТРОИС России [7].

За совершение административных правонарушений при перемещении товаров, содержащих ОИС, через таможенную границу ЕАЭС предусматриваются различные меры наказания, которые устанавливаются Главой 16 КоАП РФ. На основании КоАП РФ в отношении недобросовестного участника ВЭД может применяться предупреждение, административный штраф и (или) конфискация предмета правонарушения (товара). Применение той или иной меры наказания будет применяться в зависимости от степени тяжести правонарушения. [8]

Для включения ОИС в ТРОИС России правообладатель должен зарегистрировать ОИС в Роспатенте, что дает ему исключительное право на использование ОИС на территории нашей страны. Для этого помимо заявления на включение ОИС в ТРОИС России в таможенные органы необходимо представить: информацию о правообладателе (коммерческое наименование и уставные документы); полное коммерческое и техническое описание ОИС; документы, которые подтверждают коммерческое и техническое описание ОИС; патенты, лицензионные соглашения и иные документы, подтверждающие право правообладателя на защиту ОИС; договор страхования

ответственности заявителя перед правообладателем; особенности транспортировки товаров, содержащих ОИС, идентификационные номера, ярлыки, штрих-коды, знаки сертификации; сведения о выявленных случаях нарушения прав правообладателя на ОИС.

Заявление и документы рассматриваются таможенными органами в течение одного месяца с момента их регистрации. По результатам рассмотрения заявления таможенные органы могут принять либо решение о включении ОИС в ТРОИС России, либо решение об отказе во включении ОИС в ТРОИС России.

После того как ОИС включен в ТРОИС России таможенные органы вносят информацию об этом в электронный вид реестра, который используется уполномоченными должностными лицами таможенных органов (ЦЭД и постов фактического контроля) при идентификации товаров, содержащих ОИС и проведения различных форм таможенного контроля.

В 2021 году в ТРОИС России было включено 5645 ОИС, при этом за последние годы динамика ОИС, включенных в ТРОИС России незначительно, но увеличивалась.

В ТРОИС России включено достаточно большое количество ОИС, при этом к основным категориям товаров, содержащих ОИС, которые включены в ТРОИС России, относятся: алкогольная и табачная продукция; продовольственные товары; одежда, обувь и аксессуары; косметические средства; электроника; парфюмерия и декоративная косметика; игрушки и товары для детей.

Контроль соблюдения прав интеллектуальной собственности при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС осуществляется таможенными органами, для которых обеспечение контроля является стратегической задачей. Сама потребность общества и государства в обеспечении защиты и контроля ОИС вызвана неблагоприятными последствиями перемещения контрафактных товаров для государства на международном уровне, что позже сказывается на авторитете и деловой репутации страны при торговле контрафактом.

Международные и национальные нормативно-правовые документы регулируют защиту таможенными органами прав на ОИС на территории Российской Федерации. ТРОИС России выступает же в данном случае как инструмент защиты прав на объекты интеллектуальной собственности при перемещении через таможенную границу Союза. Для гарантии защиты прав на ОИС и включения ОИС в ТРОИС России правообладатель должен подготовить заявление и дополнительные документы к заявлению и отправить в таможенные органы.

Таким образом, ОИС — это полноценные предметы оборота в России. Как факт, именно товары, обладающие свойствами объектов интеллектуальной собственности, оказываются контрафактными предметами, которые нарушают права правообладателей. По этой причине одной из важнейших задач для государственных контролирующих органов является защита объектов интеллектуальной собственности.

Литература:

1. Конвенция от 14.07.1967 «Об утверждении Всемирной организации интеллектуальной собственности» // СПС «Консультант Плюс».
2. Договор от 24.05.2014 «О Евразийском экономическом союзе» // СПС «Консультант Плюс».
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // СПС «Консультант Плюс».
4. Рекомендации Коллегии ЕЭК от 15.11.2016 № 20 «О Положении о добавлении лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной стоимости к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары» // СПС «Консультант Плюс».
5. Решение Совета ЕЭК от 14.09.2021 № 80 «Об утверждении Единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» // СПС «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
7. Приказ ФТС России от 28.01.2019 № 131 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности» // СПС «Консультант Плюс».
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «Консультант Плюс».

Проблематика квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта

Гаджиев Заур Шихтемирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Питулько Ксения Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

На современном этапе преступные посягательства, совершенные в состоянии аффекта, не являются достаточно распространенными, однако их весьма тяжело квалифицировать и с психологической и криминологической стороны определить аффективное состояние субъекта преступления в момент его осуществления. Такие особенности и определяют необходимость изучения поставленного вопроса.

Само явление аффекта представляет собой достаточно сложное явление, под которым принято понимать специфический процесс, происходящий в психолого-эмоциональной составляющей человека и позволяющий последнему действовать быстро и необдуманно [3, с. 55]. Во время состояния аффекта личность теряет способность действовать исходя из своих волевых качеств, не может ясно осознавать опасность своих действий, то есть, по сути, утрачивается нормальная жизнедеятельность организма.

Аффективное состояние является важной категорией для правовой сферы, так как именно оно показывает особенности психолого-эмоциональных состояний субъекта, которые соответствуют требованиям, предъявляемым конкретными правовыми нормами [2, с. 38].

На протяжении длительного времени пристальное внимание уделяется вопросам соотношения таких категорий, как «аффект» и «сильное душевное волнение». Вплоть до принятия ныне действующего Уголовного кодекса РФ в 1996 году, «сильное душевное волнение» рас-

сматривалось значительно шире, нежели «аффект». При этом, уже после принятия нового уголовного законодательства данные категории стали использоваться в качестве синонимов, в частности, в ст. 107 УК РФ [1] упоминается сразу два вышеупомянутых термина. При этом, один из них обозначается в скобках. Однако сильное душевное волнение может сопровождать эмоциональное состояние человека не только в состоянии аффекта, но и в иных психологических состояниях, проявляющихся в момент совершения противоправного деяния.

Соответственно, особенность формулировки ст. 107 УК РФ приводит к разночтению и, как следствие, к отсутствию единообразной судебной практики относительно применения данной нормы.

Таким образом, на наш взгляд, было бы целесообразным убрать из положений ст. 107 УК РФ словосочетание «сильное душевное волнение», оставив только «аффект», так как первая категория отражает не только аффективное состояние, но и ряд иных эмоциональных состояний [6, с. 725].

Для того чтобы осуществить правильную квалификацию убийства, совершенного в состоянии аффекта, необходимо отличать друг от друга физиологический и патологический аффекты.

Так, появление физиологического аффекта обусловлено эмоциональной вспышкой и взрывным характером. В таком состоянии человек не может фактически оценивать свои действия, не может в полной мере проявлять

волевою составляющую своего характера. Помимо этого, у лица в значительной степени понижается возможность оценивать негативные последствия своих поступков. Соответственно, общественная опасность от совершения такого преступления является ниже, нежели от того, которое совершено в состоянии спокойной психики.

Под патологическим аффектом понимается временное расстройство психики человека, в результате чего он не может осознанно отдавать отчет своим действиям. В таких случаях лицо, совершившее преступление, признается невменяемым.

Для того, чтобы с точностью установить в состоянии какого именно из вышеназванных аффектов было совершено преступление, назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

Убийство, совершенное в состоянии аффекта, может иметь смягчающие обстоятельства только в том случае, если имели место следующие два обстоятельства:

1. Внезапное возникновение сильного душевного волнения и умысла на совершение преступления.
2. Вышеуказанное состояние субъекта преступления возникает в результате противоправных и аморальных действий потерпевшего лица.

То есть внезапное сильное душевное волнение возникает у субъекта преступления в результате несоответствующего поведения потерпевшего, оно возникает в качестве ответной реакции на такие действия. В большинстве случаев, между аморальным поведением потерпевшего и его убийством не наблюдается большого разрыва во времени. Однако в практике имеются и случаи, при которых между деяниями потерпевшего и субъекта преступления проходит определенное количество времени. К примеру, можно указать на совершение убийства отцом случайно встреченного лица, который ранее изнасиловал его ребенка.

Исходя из положений ст. 107 УК РФ, следует выделить следующий перечень провокационных действий потерпевшего, на основании которых у лица возникает аффективное состояние [4, с. 229]:

1. Насилие.
2. Издевательство.
3. Тяжкое оскорбление.
4. Иные противоправные действия (бездействия) потерпевшего.
5. Аморальные действия (бездействия) потерпевшего.
6. Систематические противоправные и аморальные действия потерпевшего.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2022) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Гришанина, В. С. Проблемы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология). Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Под редакцией Н. Г. Карнишиной. — Пенза, 2020. — с. 37-41.

Насилие в таком случае может быть как физическим, так и психическим. При этом, нужно понимать, что такое насилие действительно является противоправным и субъект преступления не находится в состоянии необходимой обороны. То есть насилие уже должно быть оконченным.

Вопрос тяжкого оскорбления является достаточно сложным, так как данное обстоятельство относится к оценочным категориям и может быть рассмотрено судебными инстанциями по-разному. Соответственно, вопрос о тяжести оскорбления решается в каждом конкретном случае индивидуально.

Аморальные поступки характеризуются в качестве такого поведения потерпевшего, которое не соответствует нормам морали. К примеру, супружеская измена.

Если рассматривать убийство, совершенное в состоянии аффекта, то оно может быть как с прямым, так и с косвенным умыслом. Как уже было отмечено выше, аффект всегда предполагает наличие внезапно возникшего умысла [5, с. 68]. При этом нельзя исключать в таком случае, к примеру, наличие неприязненных отношений между потерпевшим и виновным лицом ранее.

Мотивы в рамках совершения рассматриваемого преступления могут быть различные. Изучение судебной практики дает основание полагать, что наиболее часто встречающиеся мотивы — месть и ревность. Однако, важно отметить, что мотивы в таком случае не влияют на квалификацию преступления [7, с. 134].

Субъектом убийства, совершенного в состоянии аффекта, является лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Правильная оценка субъективных и объективных признаков содеянного позволяет верно квалифицировать убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Таким образом, на основании проведенного исследования следует сделать некоторые выводы. Так, под аффектом следует понимать специфическое эмоциональное состояние субъекта преступления. Важным для квалификации содеянного по ст. 107 УК РФ — Убийство, совершенное в состоянии аффекта, необходимо наличие внезапно возникшего ненормального психического состояния человека — физического аффективного состояния, вызванного противоправными действиями потерпевшего.

Отметим, что рассматриваемая нами тематика требует своего дальнейшего тщательного изучения в целях устранения возникающих проблемных вопросов.

3. Заботкина, Е. М. Отдельные вопросы понятия «аффект» в уголовном праве и психологии // Проблемы современной науки и образования. — 2017. — № 28. — с. 54-58.
4. Кабанко, А. Ю. Проблемы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Инновационные механизмы и стратегические приоритеты научно-технического развития. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. — Стерлитамак, 2021. — с. 229-232.
5. Кесаонова, В. Л. Проблемы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Наукосфера. — 2020. — № 7. — с. 67-70.
6. Курбатова, А. О. Уголовно-правовое значение аффекта // Аллея науки. — 2019. — № 1. — с. 724-729.
7. Малиновская, К. Ю. Убийство, совершенное в состоянии аффекта. Проблемы квалификации убийства // Актуальные проблемы экономики, управления и права. Сборник научных работ (статей) обучающихся. Хабаровский государственный университет экономики и права. Под общ. ред. И. В. Зикунной. — Хабаровск, 2018. — с. 131-135.

Бюджетно-правовая ответственность за нецелевое использование бюджетных средств на примере Китая

Глушкова Ольга Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Нецелевое расходование бюджетных средств является предметом правового регулирования во всех странах мира. В связи с тем, что российско-китайские отношения характеризуются высокой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой, стоит рассмотреть данный институт более подробно на примере Китая.

Ключевые слова: нецелевое использование, нарушение бюджетного законодательства, бюджетно-правовая ответственность

Budgetary and legal responsibility for misuse of budgetary funds on the example of China

Glushkova Olga Vladimirovna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

Misappropriation of budgetary funds is the subject of legal regulation in all countries of the world. Russian-Chinese relations are characterized by high dynamics of development, so let's consider this institution on the example of China.

Keywords: misuse, violation of budget legislation, fiscal liability

На сегодняшний день бюджетная система Китайской Народной Республики полностью соответствует административно — территориальному устройству КНР, является централизованной, её иерархия состоит из пяти уровней.

Первый уровень — государственный бюджет (бюджет правительства); второй уровень бюджета — это бюджеты муниципалитетов, провинций и автономных районов; третий уровень — бюджеты крупных городов, которые сами имеют административно-территориальное деление на префектуры и районы; четвёртый уровень — это бюджеты небольших городов, не имеющих такого деления, как крупные; пятый уровень — бюджеты мелких городов, посёлков и национальных поселений [1, с. 2].

Согласно Конституции Китайской Народной Республики и Закону о бюджете КНР от 1994 года, общегосударственный бюджет принимается на съезде Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и утверждается Указом Председателя КНР. Бюджеты нижестоящих уровней принимаются собраниями представителей (СНП), соответствующих этим уровням. Законом о бюджете запрещено принимать решения по увеличению бюджетных расходов без одобрения ПК ВСНП или СНП соответствующего уровня.

В бюджетном законодательстве Китая так же упоминаются бюджеты отделов и входящих в них подразделений органов власти. Однако такие бюджеты не включаются в бюджетную систему КНР, так как они являются

частью консолидированных бюджетов какого-либо пяти уровней.

В КНР существует несколько органов, обладающих бюджетными полномочиями:

а) ВСНП и СНП, принимающие проверки по проектам и отчётам об исполнении бюджетов, принимающие и одобряющие бюджеты соответствующих уровней (ВСНП — государственный бюджет, СНП — бюджеты уровня соответствующих уровню Собрания Народных Представителей);

б) Постоянный комитет ВСНП (ПК ВСНП) и постоянные комитеты нижестоящих СНП (ПК СНП) занимаются проверкой и контролем исполнения своего и нижестоящего бюджетов, проводят проверку и рекомендуют к одобрению ВСНП или СНП итогового отчёта по исполнению бюджетов;

в) Госсовет КНР — работает над составлением бюджета на предстоящий период, отвечает за итоговый отчёт по исполнению бюджета за истекший период, следит за исполнением консолидированного центрального (государственного) и нижестоящих бюджетов отделами правительства и органами местной власти, докладывает на сессиях ВСНП и ПК ВСНП по итогам исполнения бюджетов всех уровней;

г) Местные органы власти на всех уровнях обладают полномочиями, аналогичными полномочиям Госсовета в отношении бюджетов, соответствующих их и нижестоящих уровням

д) Финансовый отдел Госсовета и финансовые отделы нижестоящих уровней занимаются непосредственно составлением проектов бюджетов, отчётам по их исполнению, соответствующих их компетенции;

е) Государственное казначейство КНР — орган, занимающийся учётом и хранением средств бюджета, подчиняющийся организационно Народному Банку Китая, но руководствующийся в своей деятельности инструкциями Госсовета КНР [1, с. 6].

Расходы бюджета КНР классифицируются по функциональному признаку и делятся на расходы: на развитие экономики, образование, науку, культуру, здравоохранение, национальную оборону, государственное управление и прочее. Для преодоления последствий стихийных бедствий, катастроф и другие непредвиденные расходы предписывается резервировать от 1% до 3% бюджетных средств. Кроме того, в бюджетах всех уровней в обязательном порядке предусматриваются средства на оборотные фонды.

Контрольными полномочиями в процессе составления и исполнения бюджета кроме ВСНП, СНП, ПК ВСНП, ПК СНП и Госсовета наделены отдельные депутаты СНП или члены ПК СНП, имеющие право направлять запросы и включать в повестку обсуждений вопросы, связанные с бюджетом.

По существующему в КНР правилу органы любого уровня власти обязаны контролировать исполнение бюджета нижестоящего уровня и не реже двух раз в год

должны отчитываться по этим вопросам перед Собранием Народных Представителей своего уровня.

Глава 10 Закона о бюджете КНР от 1994 г. устанавливаются меры административной ответственности за нарушения, связанные с бюджетным процессом:

«п. 73. В случае, когда органы исполнительной власти любого уровня произвольно меняют бюджет без получения требуемого Законом разрешения, что приводит к увеличению расходов или долговых обязательств принятого сбалансированного бюджета, то расследуется вопрос о привлечении к административной ответственности руководителя исполнительного органа и лиц, несущих за данное действие прямую ответственность.

п. 74. В случаях использования бюджетных средств казначейства в произвольном порядке, если средства используются в нарушении законов, правил и инструкций, органы власти, отвечающие за финансы, дают распоряжение о возврате потраченных средств или их возмещении, а органы власти более высокого уровня принимают решение о привлечении к административной ответственности руководителей и лиц, прямо ответственных за данное нарушение.

п. 75. В случае выявления сокрытия бюджетных доходов либо применения внебюджетных расходов в качестве бюджетных, вышестоящие органы власти (или финансовые органы соответствующего уровня) отдают распоряжение об устранении данных нарушений и применении к руководителям и лицам, несущим за это ответственность, административных санкций» [3, с. 26].

Как мы видим, помимо мер административной ответственности за несанкционированное увеличение расходов и долговых обязательств и нецелевое использование бюджетных средств существует пункт за сокрытие бюджетных доходов и проведение внебюджетных расходов в качестве бюджетных, не имеющий аналогов в российском праве.

Закон о бюджете КНР базируется на общих принципах российских и зарубежных финансовых законов, хотя и имеет некоторые отличительные черты. Большая часть различий, в частности с Бюджетным кодексом РФ, заключается в том, что бюджетный процесс КНР больше всего напоминает бюджетную систему СССР. Например, основным принципом составления бюджета КНР является его бездефицитность и включает в себя бюджеты всех уровней. Кассовое исполнение госбюджета СССР осуществлялось Госбанком СССР, а кассовое исполнение государственного бюджета КНР — Государственным казначейством, которое подчиняется Народному банку КНР. Полномочия финансовых органов СССР и КНР так же являются близкими по сути.

Под нецелевым расходованием бюджетных средств принято понимать использование, употребление, трату бюджетных финансовых ресурсов не по их прямому назначению. Данный вид нарушения является наиболее часто выявляемым в ходе проведения финансовых проверок в сфере бюджетных правоотношений. Законода-

тельством КНР применяется понятие «использование казенных средств не по назначению», которое лингвистически тождественно понятию, используемому в российском праве, как «нецелевое расходование бюджетных средств».

В отличие от российского законодательства, законодательством КНР предусматриваются более серьезные санкции за нецелевую растрату государственных средств, как административного, так и уголовного характера. В случае произвольного использования казенных средств, или же в случае их использования каким-либо другим образом, с нарушением законов или административных правил и инструкций, органы власти, отвечающие за финансы, дают распоряжение о возврате потраченных средств или их возмещении, а органы власти более высокого уровня принимают решение о привлечении к административной ответственности руководителей и лиц, прямо ответственных за данное нарушение.

В Законе КНР «Об административных наказаниях» предусмотрены следующие виды санкций к нарушителям в бюджетной сфере: 1) предупреждение; 2) штраф; 3) конфискация незаконных доходов, конфискация незаконно нажитых ценностей; 4) решение о приостановлении деятельности; 5) приостановление либо аннулирование действия лицензии, аннулирование либо временное приостановление действия патента; 6) административный арест [2, с. 4].

С приходом к власти в 2012 году Си Цзиньпина была развёрнута масштабная кампания по борьбе с экономическими преступлениями, а на 18 съезде Компартии Китая была принята Государственная программа по борьбе с формализмом, бюрократизмом и нецелевым использованием бюджетных средств.

Только в период с января по ноябрь 2015 года проверкам подверглись более 100 тысяч государственных компаний и структур, в ходе которых аудиторами были выявлены нарушения в законности расходования бюджетных средств на сумму в 380 млрд юаней или 58,6 млрд долларов.

В 2016 году руководство КНР вводит ужесточение в уголовное наказание за нецелевое расходование бюджета — вводится понятие «смертный порог» размера нецелевой траты государственных средств, который составил трем миллионам юаней или, в пересчёте на валюту США, приблизительно 460 тысяч американских долларов. В случае обнаружения смягчающих обстоятельств, приговоренному может быть предоставлена отсрочка исполнения приговора, но не более, чем на два года. С 2016 года несколько тысяч китайских чиновников разного уровня уже понесли уголовную ответственность за нецелевую трату бюджетных средств.

Стоит обратить внимание ещё на одно существенное отличие в китайском законодательстве от российского. В КНР за нецелевое использование бюджетных средств может понести наказание любой государственный слу-

жащий любого государственного учреждения, который воспользовался преимуществами своего служебного положения. При этом само понятие «государственный служащий» в законодательстве КНР включает в себя очень широкий круг лиц, которые не обязательно имеют доступ к осуществлению самих финансовых операций. По российскому же законодательству субъектом нецелевого расходования бюджетных средств может считаться только должностное лицо — получатель бюджетных средств.

Уголовный кодекс КНР в сфере защиты бюджетных средств не ограничивается одной статьёй. Законом так же установлена уголовная ответственность за конкретные виды преступлений: за использование не по назначению средств для ликвидации стихийных бедствий, для служб оперативного реагирования, для предупредительных мер против паводка и других природных явлений, для оказания помощи малоимущим, переселенцам и пострадавшим, для оказания иной помощи, при отягчающих обстоятельствах, с причинением значительного вреда государственным и народным интересам, в отношении лиц, несущих за это непосредственную ответственность.

Так, например, статья 272 УК КНР гласит: «Сотрудники компании, предприятия или иной организации, воспользовавшись преимуществами своего служебного положения, потратившие средства компании не по назначению, а в личных целях, или ссудившие их третьему лицу в сравнительно крупном размере и не вернувшие их по истечении трех месяцев; либо в течение срока менее трех месяцев, но в сравнительно крупном размере использовавшие их для деятельности, связанной с получением прибыли или для противозаконной деятельности, — наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или краткосрочным арестом; те же деяния, повлекшие за собой использование не по назначению средств организации в крупном размере, или в сравнительно крупном размере, но без производства их возврата, — наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет».

А статья 384 УК КНР: «Государственные служащие, воспользовавшиеся преимуществами своего служебного положения, использовавшие казенные средства в личных целях для ведения противозаконной деятельности, либо использовавшие сравнительно крупную сумму казенных средств для ведения деятельности с целью получения прибыли, либо пользовавшиеся сравнительно крупной суммой казенных средств в течение более 3 месяцев и не возвратившие указанную сумму, — считаются совершившими преступление, именуемое как использование казенных средств не по назначению, и наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или краткосрочным арестом; при отягчающих обстоятельствах — наказываются лишением свободы на срок свыше 5 лет. Безвозвратное использование не по назначению казенных средств в крупном размере — наказывается лишением свободы на срок свыше 10 лет или бессрочным лишением свободы.

Использование в личных целях средств, предназначенных для помощи во время стихийных бедствий, для служб оперативного реагирования, для принятия предупредительных мер против паводков, для оказания материальной помощи, поддержки малоимущих, переселенцев, для оказания иной экстренной помощи — наказываются максимально суровым наказанием из предусмотренных настоящей статьей».

Также интересна статья 397 УК КНР: «Злоупотребление служебными полномочиями или халатное отношение к служебным обязанностям сотрудников государственных органов, причинившие значительный ущерб общественному имуществу или государственным и народным интересам, — наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или краткосрочным арестом; те же деяния при наличии особо серьезных обстоятельств — наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет. Если указанные действия подпадают под другие статьи данного Кодекса, наказание определяется в соответствии с данными статьями.

Сотрудники государственных органов, совершившие указанные в части первой настоящей статьи действия из корыстных побуждений, — наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или краткосрочным арестом; те же деяния при наличии особо серьезных обстоятельств — наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет. Если указанные действия подпадают под другие статьи данного Кодекса, наказание определяется в соответствии с данными статьями» [4, с. 32].

Литература:

1. Комягин, Д. Л. О бюджетной системе и современном бюджетном законодательстве Китая // Мудрый юрист 2017 № 1
2. Бойко, Н. А. Ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств в России и Китае: сравнительный анализ // Россия, запад, восток: диалог культур и цивилизаций Стерлитамак, 2018: международная научно-практическая конференция (г. Стерлитамак, 25 октября 2018 г.). Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2018
3. Закон о бюджете Китайской Народной Республики (Принят на второй сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей 8-го созыва 22 марта, 1994 года, обнародован указом № 21 Президента Китайской Народной Республики, вступил в силу с 1 января, 1995 года) URL: <http://law.uglc.ru/budget.htm> (дата обращения: 12.04.2021)
4. Уголовный кодекс КНР (ред. от 14.03.1997 г.) // Информационно-политический портал Бизнес в Китае URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/criminal/> (дата обращения: 13.04.2021)

По имеющейся статистике только до 2017 года в Китае ответственность за нецелевое использование государственных бюджетных средств понесли 8200 чиновников и членов партии КПК. В большинстве своём государственные служащие тратили бюджетные средства на покупку подарков, оплату банкетов в ресторанах, дорогостоящий отдых и другие развлекательные мероприятия, что подрывало авторитет власти в глазах народа.

Таким образом можно отметить, что сам механизм применения мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, как в России, так и в Китае, исходит из того, что эти правонарушения посягают на законы и правила финансового обеспечения, порядок расходования бюджетных средств и отношения, возникающие в процессе их расходования.

Подводя итог, можно сделать определённые выводы относительно мер регулирования и противодействия правонарушениям в сфере нецелевого расходования бюджетных средств в РФ. Полагаем, что с целью повышения эффективности вышеназванных мер необходимо расширить список субъектов, привлекаемых к уголовной ответственности, включить в него получателей субсидий, должностных лиц и главных распорядителей, руководителей госкомпаний, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, контрольный пакет акций в которых принадлежит государству или муниципальным образованиям.

Уголовная ответственность за взяточничество: вопросы теории и практики

Головцова Александра Владиславовна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье исследуются вопросы теории и практики уголовной ответственности за взяточничество. В статье также рассматриваются вопросы разграничения взяточничества со смежными составами преступлений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, взяточничество, коррупция, государственная служба.

Criminal responsibility for bribery: questions theory and practice

The article examines the theory and practice of criminal liability for bribery. The segregation items of bribery along with allied bodies of crime are covered in the article too.

Keywords: criminal liability, bribery, corruption, public service.

В современное время проблема взяточничества со стороны представителей государственных органов является достаточно насущной.

Взяточничество относится к одному из видов коррупционных преступлений.

М.А. Подгрушный говорит о том, что «взяточничество и коррупция — явления взаимосвязанные и взаимообусловленные, сопутствующие, следующие друг за другом» [7].

При этом встречаются спорные моменты относительно квалификации взяточничества, и в первую очередь сложности возникают относительно разграничения данного преступления от смежных составов других преступных деяний.

В первую очередь получение взятки следует отделять от злоупотребления должностными полномочиями. Данные составы преступлений обладают перечнем общих признаков:

- противоправные посяательства затрагивают интересы, возникающие в области государственной службы;
- совершение противоправных действий должностным лицом, который обладает конкретным набором служебных полномочий;
- корыстный мотив;
- наличие прямого умысла.

Отличия же указанных преступлений проявляются в следующем:

- корыстная цель при получении взятки выступает в качестве обязательного признака, а при должностном злоупотреблении — альтернативного;
- состав должностного злоупотребления является материальным, т.е. для его наличия необходимо возникновение определенных последствий — существенного нарушения охраняемых российским законодательством интересов, в то время как состав получения взятки является формальным.

Приведем пример из судебной практики.

С. Был осужден за получение взятки в значительном размере, а также за покушение на использование своих служебных полномочий вопреки интересам военной

службы, совершенных из корыстной и личной заинтересованности, повлекшем существенное нарушение охраняемых законом интересов подчиненного.

С., зная о совершении подчиненным Ф. грубого дисциплинарного проступка, решил использовать данный факт для получения денежных средств от последнего, намереваясь их потратить на нужды воинской части. Реализуя задуманное, С. дал указание иному лицу сообщить Ф. о необходимости передачи ему 200 тыс. руб. для ремонта помещений воинской части, пояснив, что в противном случае тот будет уволен с военной службы. Через некоторое время размер требуемой суммы С. был снижен до 100 тыс. руб., о чем по указанию последнего иное лицо сообщило Ф., а тот, в свою очередь, с этим согласился.

Указанные действия С. были квалифицированы органами следствия как получение взятки по ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Однако суд первой инстанции не согласился с такой юридической оценкой действий С., а расценил их как покушение на злоупотребление должностными полномочиями.

В обоснование суд указал, что требуемые деньги С. планировал потратить на ремонт помещений в подразделении войсковой части 40105. Доказательств обратного стороны обвинения представлено не было [3].

Также получение взятки следует отличать от мошенничества, поскольку указанные преступления также являются достаточно схожими.

Критерии для разграничения получения взятки и мошенничества приведены в пункте 24 ППВС № 24 от 9 июля 2013 [2].

Так, например, когда лицо принимает от другого лица ценности для передачи их должностному лицу в качестве взятки, но при этом заранее не собирается осуществлять свое обещание и оставляет их себе, подобного рода действия следует квалифицировать, как мошенничество. То есть в данном случае происходит введение в заблуждение лица, передающего взятку.

Также квалификации в качестве мошенничества подлежит принятие должностным лицом ценностей, когда он

вводит в заблуждение другое лицо, что обладает определенными служебными полномочиями, а на самом деле таковые отсутствуют.

Таким образом, следует достаточно внимательно относиться к вопросу разграничения преступлений коррупционной направленности.

Предполагается необходимым провести достаточно четкое правовое регламентирование уголовных правоотношений, которые имеют место в области государственной службы.

В заключении следует сказать, что в статье были рассмотрены определенные моменты, которые возникают в квалификации взяточничества и вызывающие сложности, как в теории, так и в правоприменении. На практике необходимо устанавливать четкое соответствие между фактическими обстоятельствами осуществленного общественно опасного деяния и признаками состава преступления, установленного уголовным законом для того, чтобы не осуществить ошибку в квалификации преступного деяния.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»/Бюллетень Верховного Суда. РФ No 9, сентябрь, 2013.
3. Обзорная справка о практике рассмотрения военными судами уголовных дел о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий воинскими должностными лицами, совершенными из корыстной или иной личной заинтересованности (статьи 285, 286 УК РФ). Москва, 2021.
4. Балаев, А. Ш. Взятничество как система и составная часть коррупции: понятие, социальная и правовая характеристика и вопросы совершенствования уголовного законодательства/Балаев А. Ш., Сидоров Б. В. // Вестник экономики, права и социологии. — 2014. — № 2. — с. 157-165;
5. Арямов, А. А., Басова Т. Б., Благов Е. В. и др. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник/отв. ред. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. М.: КОНТРАКТ, 2017.
6. Гармаев, Ю. П., Степаненко Д. А., Степаненко Р. А. Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве и коммерческом подкупе // СПС КонсультантПлюс, 2017.
7. Подгруппный, М. А. Взятничество и коррупция: вопросы терминологии и средства противодействия // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2015. — № 2 — с. 138-143.

Актуальные вопросы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений

Голуб Полина Александровна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье рассматриваются актуальные вопросы, возникающие в теории уголовного права и в правоприменительной практике, связанные с отграничением вымогательства от смежных составов преступлений, таких как разбой, грабёж и самоуправство. Кроме того, проведено соотношение характерных для указанных составов преступлений признаков. Теоретические положения подкрепляются примерами судебной практики.

Ключевые слова: вымогательство, собственность, угроза, грабёж, разбой, самоуправство, квалификация преступления.

Actual issues delineation extortion from related compositions crimes

Golub Polina Aleksandrovna, student master's degree
Khabarovsk State University of Economics and Law

Keywords: extortion, property, threat, robbery, arbitrariness, qualification of the crime.

Проблемы квалификации вымогательства и его отграничение от смежных составов как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике вызывают спорные вопросы. Это обусловлено многообъ-

ектностью данного состава преступления, так как вымогательство посягает на собственность, и одновременно направлено против законных прав и интересов личности.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является отграничение вымогательства от смежных составов преступлений.

В первую очередь вымогательство имеет наиболее схожие признаки с такими составами преступлений, как разбой и грабёж, о чём свидетельствуют ошибки, возникающие в правоприменительной деятельности.

Первым критерием отграничения вымогательства от грабежа и разбоя является предмет. Э.Ж. Чхвимиани отмечает, что «если при разбое и грабеже предметом преступления выступает только имущество, то при вымогательстве ещё право на имущество и действия имущественного характера» [1]. Поэтому, как справедливо отметил Д.В. Гэрелбаатар в своём исследовании, «проблема в разграничении этих составов возникает только в том случае, если предметом является имущество» [2].

Следующим отграничивающим анализируемые составы признаком является отличие в угрозе. На это также обращает внимание Верховный Суд Российской Федерации в пункте 10 постановления от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 уголовного кодекса российской федерации)» разъяснив, что «при грабеже и разбое насилие является средством завладения имуществом или его удержания, тогда как при вымогательстве оно подкрепляет угрозу» [3]. При грабеже и разбое насилие или угроза его применения носят определенные формы: при грабеже это применение насилия, не опасного для жизни и здоровья или угроза применения такого насилия, то при разбое это насилие, опасное для жизни и здоровья, либо угроза применения такого насилия. В вымогательстве угроза имеет более широкий характер и может проявляться в угрозе уничтожения или повреждения имущества, в распространении сведений, позорящих потерпевшего или его близких, или иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и интересам потерпевшего или его близким, а также допускает угрозу применения насилия как опасного, так и неопасного для жизни и здоровья потерпевшего и его близких.

Кроме того, данные составы отличаются и по способу получения преступником имущества потерпевшего. Так, при вымогательстве виновный требует от потерпевшего передачи имущества, посредством угроз, которое потерпевший сам ему и отдаёт, а при грабеже и разбое это имущество переходит к преступнику против воли потерпевшего.

Отметим, что грабёж и разбой совершаются в непосредственном контакте с потерпевшим, вымогательство может быть совершено и без прямого контакта с потерпевшим, к примеру, через телефонный разговор, по переписке.

Отличается также и момент окончания данных преступлений.

Так, Е.А. Елец отмечает, что «разбой закончен с момента нападения, а вымогательство считается окончательным преступлением в момент предъявления требования передачи имущества, права на имущество либо выполнения действий имущественного характера» [4]. Аналогичной точки зрения придерживаются Э.Ж. Чхвимиани, Д.В. Гэрелбаатар.

Проанализировав характерные отличия данных преступлений приведем в качестве примера приговор Ленинского районного суда города Чебоксары от 14 марта 2017 года по делу № 1-40/2017 по обвинению Я. в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 163, ч. 2 ст. 325, п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, и А. в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 163, п. «а» ч. 2 ст. 161, ст. 264.1 УК РФ [5]. Из материалов уголовного дела следует, что А., Я. и потерпевший И. совместно проводили время и употребляли спиртные напитки, находясь в квартире. На почве личных неприязненных отношений А. и Я. умышленно, каждый в отдельности, стали наносить потерпевшему И. многочисленные удары по различным частям тела, после чего А. стал требовать у потерпевшего И. деньги за баню и спиртные напитки, последний выполнить требования не согласился, после чего А. и Я. продолжили применять к нему насилие. Затем Я. и А., обыскав потерпевшего, открыто похитили денежные средства, банковскую карту, принадлежащие потерпевшему личные документы и имущество. Далее, реализуя свой преступный умысел на хищение денежных средств, А. и Я. связали потерпевшему И. руки веревкой и на автомобиле отвезли его в отделение банка, где А., используя банковскую карту потерпевшего, ввел пин-код, который ему сообщил последний, похитил со счёта денежные средства. Однако суд пришел к выводу, что действия виновных ошибочно квалифицированы по ст. 163 УК РФ, мотивируя это тем, что по смыслу закона, мотивируя это тем, что по смыслу уголовного закона, применение насилия при вымогательстве является средством принуждения потерпевшего к совершению в будущем действий имущественного характера. Вывод об отсутствии умысла на вымогательство сделан судом на основании показаний потерпевшего, а также предшествующего поведения виновных А. и Я., которые наносили удары в результате возникших неприязненных отношений, а умысел на завладение денежными средствами возник у них значительно позже и не сопровождался угрозой применения насилия.

Чаще всего в правоприменительной практике возникает проблема разграничения составов преступления вымогательства и самоуправства. Исходя из смысла диспозиции ч. 1 ст. 330 УК РФ под самоуправством понимается «самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред» [6].

Данные составы преступления в первую очередь различаются по объекту. Как отмечает Е. В. Клементьева, «в качестве основного объекта при самоуправстве выступают отношения в области порядка управления, а дополнительным объектом являются собственность и здоровье» [7]. Вместе с тем, основным объектом вымогательства выступает собственность, а дополнительным объектом — здоровье, права и законные интересы личности.

Второй отличительной чертой является то, что при самоуправстве обязательным признаком объективной стороны является причинение существенного вреда интересам потерпевшего, в то время как в составе вымогательства такой признак отсутствует.

Третьей отличительной чертой можно выделить то, что, исходя из смысла диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ незаконные требования вымогателя сопровождаются угрозами применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких. Такие требования вымогателя являются обязательным признаком объективной стороны вымогательства и представляют собой психическое насилие. Диспозиция ч. 1 ст. 330 УК РФ, как отмечает Е. В. Клементьева, «исключает какое-либо насилие в отношении потерпевшего, а психическое насилие по ч. 2 ст. 330 УК РФ, в отличие от вымогательства, ограничено лишь нарушением телесной неприкосновенности потерпевшего» [7].

Кроме того, вымогательство можно отграничить от самоуправства по предмету. Предметом вымогательства выступает чужое имущество, на которое виновный не имеет никаких прав. Однако, если виновный требует передачи принадлежащего ему имущества, с помощью угроз или применения насилия, то его действия содержат состав самоуправства.

В данных составах имеются отличия и по субъективной стороне. Вымогательство совершается только с прямым умыслом, виновным движет корыстный мотив, он осознает, что не имеет прав на требуемое имущество, стремится получить его безвозмездно от потерпевшего или его близких, право на имущество или действий имущественного характера, тем самым незаконно обогатиться за его счёт. «Субъективная сторона самоуправства также предполагает прямой умысел, но при этом корыстный мотив отсутствует» [8].

Кроме того, вымогательство считается оконченным преступлением с момента выдвижения требования передачи имущества, прав на него или совершения действий имущественного характера. Самоуправство же считается оконченным в момент наступления последствий в виде существенного вреда (имущественного или неимущественного характера).

Рассмотрим в качестве примера приговор Железнодорожного районного суда от 20 ноября 2018 года № 1-630/2018 по обвинению Р. и Б. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ Из материалов уголовного дела следует, что в ходе встречи Р., Б., Ф., потерпевший П. договорились о том, что потерпевший П. за ранее нанесенные побои Ф. передаст последнему к определенному сроку денежные средства в счёт компенсации морального вреда. Спустя какое-то время Р. и Б., встретившись с потерпевшим П. потребовали от него передачи денежных средств для Ф. На отказ передать им указанную сумму, Р. нанес потерпевшему несколько ударов, причинив ему тем самым физическую боль [9]. Суд, изучив собранные по делу доказательства пришел к выводу, что Р. и Б. самовольно, вопреки установленному законом порядку, требовали от потерпевшего передачи денежных средств в виде компенсации морального вреда в пользу Ф., то есть совершили действия, правомерность которых оспаривается потерпевшим, что не может быть расценено как стремление извлечь материальную выгоду, а, следовательно, их действия не носят корыстный характер. В то же время Р. и Б. причинили потерпевшему существенный вред, выразившийся в нанесении ущерба его душевному состоянию, в виде унижения как личности, предвидели возможность или неизбежность наступления указанных последствий для потерпевшего и желали этого. Также судом не было установлено применения насилия в отношении потерпевшего, как и не были представлены доказательства предварительного сговора между подсудимыми. В связи чем действия подсудимых были переклассифицированы на ч. 1 ст. 330 УК РФ.

Подводя итоги, скажем, что вымогательство имеет свои отличительные черты, которые позволяют отграничить его от таких преступлений как разбой, грабёж и самоуправство, однако выявленные в теории уголовного права проблемы, вызывают сложности в правоприменительной деятельности, что приводит к неверной квалификации преступных деяний.

Литература:

1. Чхвимиани, Э. Ж. Отграничение вымогательства от смежных составов преступлений: вопросы теории и правоприменительной практики // Общество и право. 2010. № 2. — 141-147 с.
2. Гэрелбаатар, Д. В. Проблемы отграничения разбоя от смежных составов преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 4. — 38-45 с.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 уголовного кодекса российской федерации)» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Елец, Е. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты вымогательства (по материалам Северо-Кавказского региона). Дис. ... канд. юрид. наук/Е. А. Елец // Краснодар, 2000. — 183 с.

5. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 14 марта 2017 г. по делу № 1-40/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/UDHg2B8GJbdv/>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1996.
7. Клементьева, Е. В. Проблемы разграничения вымогательства и самоуправства по Российскому Уголовному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 9. — 63-66 с.
8. Жариков, Р. А. Отграничение вымогательства от самоуправства в уголовном праве России // Право: Теория и практика. 2009. № 12. — 34-39 с.
9. Приговор Железнодорожного районного суда от 20 ноября 2018 года № 1-630/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/fpH90rxaKfNw/>

Понятие и сущность мирового соглашения в деле о банкротстве

Деревянко Виталина Александровна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В рамках данной статьи автором на основании анализа мнений ученых, норм Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и материалов судебной практики исследуется понятие и сущность мирового соглашения в деле о банкротстве. Отмечается ряд положительных аспектов, связанных с заключением мирового соглашения в деле о банкротстве. На основании проведенного анализа выделяются признаки мирового соглашения как процедуры в деле о банкротстве, указывается на существующую дискуссию относительно правовой природы мирового соглашения в деле о банкротстве.

Ключевые слова: мировое соглашение, мировое соглашение в деле о банкротстве, признаки мирового соглашения в деле о банкротстве.

Институт мирового соглашения широко применяется в исковом производстве, в административном производстве, а также в производстве по делам о несостоятельности (банкротстве). Однако, если говорить о первых двух видах судопроизводства, то институт мирового соглашения является способом разрешения и урегулирования спорных правоотношений. Для процедуры банкротства мировое соглашение — это, в первую очередь, способ восстановления хозяйствующего субъекта, финансовой устойчивости, платежеспособности.

Согласно официальным сведениям, из 18794 прекращенных производств за 2019 отчетный год, 1306 дел были прекращены в связи с утверждением мирового соглашения (6,9% от общего числа прекращенных дел по банкротству). За 2020 отчетный год было прекращено 27969 дел, среди которых 1437 дел — в связи с заключением мирового соглашения (5,1% от общего числа прекращенных дел по банкротству) [3]. Исходя из вышеприведенной статистики, утверждение мирового соглашения — довольно редкая процедура, применяемая для финансового оздоровления.

Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» закрепил легальное определение понятию мирового соглашения. Так, согласно статье 2 настоящего закона, мировое соглашение представляет собой процедуру банкротства, осуществляемую на любой стадии рассмотрения дела путем достижения соглашения

между кредитором и должником с целью прекращения производства по делу о банкротстве.

Тем не менее, данная законодательная позиция породила ряд дискуссий в научной среде о правовой природе мирового соглашения. С одной стороны, мировое соглашение — это отдельная процедура банкротства, которая включает в себя процесс заключения и утверждения соглашения между участниками в ходе какой-либо иной процедуры банкротства. С другой стороны, мировое соглашение имеет природу гражданско-правовой сделки. Такое соглашение заключается между должником (либо внешним или конкурсным управляющим) и кредиторами (конкурсными кредиторами, уполномоченными органами), требования которых включены в реестр требований кредиторов. Кроме того, участниками мирового соглашения могут выступать третьи лица. Таким образом, мировое соглашение представляет собой примирение между сторонами, где участники добровольно разрешают взаимные претензии в форме различных уступок. Такие уступки могут выражаться в прощении долга, предоставлении скидки с долга, отсрочке исполнения обязательств должника и т. д. [4].

Обратимся к рассмотрению понятия мирового соглашения в первой его ипостаси — как процедуры банкротства. Российское законодательство не содержит понятия процедуры банкротства. В научной литературе также сложно встретить точное определение данному понятию. Несмотря на это, правовой подход законодателя,

некоторые теоретические подходы смогли сформировать определенный круг обязательных правовых характеристик. Исходя из них, можно выделить следующие признаки процедуры банкротства:

— введение и прекращение процедуры банкротства актом арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве;

— установленные законом основания введения и прекращения процедуры;

— установленные законом сроки проведения процедуры;

— контроль проведения процедуры со стороны арбитражного суда;

— установленные законом содержание процедуры (определенная последовательность действий/бездействий, совершаемых участниками процедуры);

— установленные законом последствия введения процедуры.

Первому признаку мировое соглашение как процедура, применяемая в деле о банкротстве, не соответствует, поскольку для ее введения требуется только утвердить сделку. Да, для утверждения мирового соглашения требуется вынести определение. Однако данное определение только прекращает процедуру, в ходе которой было заключено соглашение, но формально не вводит новую.

Третьему признаку мировое соглашение также не соответствует. Сроки для настоящей процедуры не определены и в отношении каждого должника они различны. Однако, в противовес данной позиции, стоит отметить, что все процедуры несостоятельности имеют подобные характеристики.

Арбитражный суд не устанавливает контроль за исполнением мирового соглашения. По мнению многих юристов, это недостаток правового механизма, поскольку в условиях отсутствия какого-либо контроля должнику существенно «развязывают руки». Шершеневич Г.Ф. утверждал: «никакие угрозы строгих наказаний не в состоянии удержать от подложного переукрепления его имущества в ущерб кредиторам» [5]. Согласно действующему законодательству исполнение мирового соглашения — сделки — происходит в условиях полного отсутствия контроля за действиями должника со стороны кредиторов или арбитражного управляющего. Следует отметить, что дореволюционное законодательство предусматривало заключение мирового соглашения с правом участия кредиторов в управлении должника.

Пархоменко И.К. рассматривает мировое соглашение в четырех аспектах: как гражданско-правовую сделку в условиях обычного коммерческого оборота (гражданско-правовой договор — п. 1 ст. 154 ГК РФ [6]); как гражданско-правовую сделку в процессуальных отношениях; как процедуру банкротства и как гражданско-правовую сделку (гражданско-правовой договор в процедуре банкротства) [7]. Однако автор не придерживается определенной позиции. По ее мнению, каждый приведенная позиция имеет ряд противоречий.

Существует и иное мнение, касающееся природы мирового соглашения. Так, например, С.Ю. Вандраков утверждает, что мировое соглашение в деле о банкротстве имеет публично-правовую природу, в то время как понятию сделки присуща частная природа. Именно поэтому положения о гражданско-правовых договорах не может применяться к мировым соглашениям, заключенных в процедуре банкротства [8].

Власова К.Ю. утверждает, что мировое соглашение в деле о банкротстве имеет смешанный характер и включает в себя как материально-правовой аспект, так и процессуальную составляющую. Данный автор исходит из следующего: во-первых, мировое соглашение нельзя назвать процедурой, применяемой в деле о банкротстве, так как сама сущность такого соглашения заключается в согласовании, урегулировании, примирении и обсуждении, что отличает ее от всех процедур банкротства; во-вторых, несмотря на то, что мировое соглашение нельзя причислить к процедуре в деле о банкротстве, ее также нельзя отнести и к гражданско-правовой сделке. Данную позицию автор аргументирует отличительной особенностью правовой природы соглашения. Участниками мирового соглашения могут выступать не только конкурсные кредиторы (физические и юридические лица — субъекты гражданского права), но и уполномоченные органы — органы публичной власти. В этом смысле такая сделка будет иметь частно-публичную (т.е. смешанную) природу [15].

Акты высших судебных органов, которые представляют официальное толкование норм законодательства, также не выработали единой позиции по вопросу правовой природы мирового соглашения. Так, например, Конституционный Суд РФ толкует мировое соглашение как соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок [16]. Данную позицию поддержал Высший Арбитражный Суд РФ [17]. Согласно Постановлению Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50, примирение в процессе может осуществляться путем заключения мирового соглашения. Таким образом, под мировым соглашением суд понимает способ примирения сторон в судопроизводстве [18].

Сущность заключения мирового соглашения исходит из того, что стороны уже урегулировали свой спор и осознанно пришли к результату, который их обоюдно устраивает, после чего мировое соглашение подлежит утверждению арбитражным судом.

Среди положительных моментов заключения мирового соглашения авторы выделяют следующие:

— экономия финансовых средств (например, экономия судебных расходов и издержек), ресурсов, времени;

— большая диспозитивность, что дает возможность сторонам согласовывать порядок, сроки и иные условия сделки (в том числе условия об объеме исполнения обязательств);

— весомость интересов каждой из сторон (сделка будет иметь смысл только при симбиозе интересов участников соглашения);

— положительное психологическое воздействие. Некоторые специалисты отмечают, что при заключении мирового соглашения стороны зачастую на подсознательном уровне удовлетворены исходом дела, поскольку такая процедура не сопровождается каким-либо конфликтом. В отличие от ситуации при вынесении судебного решения, в мировом соглашении нет выигравших дело или проигравших его [9].

К признакам мирового соглашения можно отнести двусторонность и обоюдность. Обоюдность представляет собой ситуацию, когда спор разрешается на основе компромисса сторон, когда интересы каждой из них в полном объеме удовлетворены [10].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что термин «мировое соглашение» полисемичен, несмотря на то, что существует легальное определение данного термина. Кроме того, следует разграничивать институт мирового соглашения в гражданском и арбитражном процессе. Применимо к процедуре несостоятельности (банкротства) данный институт имеет свои процессуальные особенности, которые будут рассмотрены далее.

Термин мирового соглашения и процедура его регулирования регламентируется различными актами — это законодательство о банкротстве, гражданское процессуальное законодательство, арбитражное процессуальное законодательство. Таким образом, законодатель разграничил соглашение в делах о банкротстве и в гражданских делах. В связи с этим в науке возникла дискуссия о соотношении данных соглашений.

Попондопуло В. Ф., рассматривая данные термины, выделяет особый характер мирового соглашения в деле о банкротстве. В отличие от мирового соглашения, заключаемого в гражданских делах, сделка в рамках банкротства носит одностороннюю направленность — в пользу должника. Ведь все преимущества предоставляются именно должнику: скидка с суммы долга, рассрочка и отсрочка погашения платежей, прощение долга и т. д. Данные преимущества стимулируют должника восстановить свой бизнес, удовлетворяя требования кредиторов [11].

Следует отметить, что мировое соглашение, которые заключаются в делах о банкротстве, имеет иную юридическую природу, что существенно отличает его от соглашения, заключаемого в исковом производстве. Об этом в свое время писал Конституционный Суд РФ в своем постановлении. Он отметил превалирование публично-правового начала мирового соглашения, заключаемого в рамках дела о банкротстве. Такие отношения основываются на принуждении меньшинства кредиторов большинством. В таком случае выработка единого мнения невозможна, воля некоторых участников соглашения не учитывается, а, следовательно, свобода до-

говора — важнейший принцип гражданского права — приобретает иной характер, отличным от искового производства. Использование при заключении мирового соглашения иных принципов голосования влечет неоправданное предоставление преимуществ одной группе кредиторов в ущерб другим [12]. То же было указано и в ином определении Конституционного суда РФ от 01.10.2002 г. [13].

Также важно отметить, что мировые соглашения в гражданских делах заключают стороны (истец и ответчик), и сделка будет иметь место только в том случае, когда воля каждой из сторон будет учтена. Действие мирового соглашения, заключенного в процедуре банкротства, распространяется не только на тех кредиторов, которые проголосовали на собрании кредиторов за заключение мирового соглашения, но и на тех кредиторов, которые голосовали против или вовсе не явились на собрание. Все эти отличия дают основания полагать, что мировые соглашения, заключенные в исковом производстве и заключенные в процедуре банкротства, имеют отличную правовую природу. В первом случае мировое соглашение имеет диспозитивные начала: свобода договора, равноправие участников и т. д. Во втором случае мировое соглашение характеризуется публично-правовыми началами: принуждение меньшинства кредиторов большинством.

В соответствии с п. 1 ст. 150 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», заключение мирового соглашения возможно на любой стадии дела о банкротстве. Кроме того, как установил ВАС РФ в Информационном письме Президиума от 20.12.2005 г. № 97, соглашение невозможно заключить до проведения первого собрания кредиторов [14]. Это связано с тем, что проект мирового соглашения выносится на рассмотрение и принимается конкурсными кредиторами и уполномоченными органами непосредственно на собрании кредиторов. Так как первое собрание кредиторов проводится на стадии наблюдения, то, следовательно, решение о заключении мирового соглашения принимается не ранее данной стадии.

Кроме того, законодательство допускает заключение мирового соглашения до принятия судом акта о введении процедуры банкротства в отношении должника. В этом случае Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не подлежит применению. Как пишет суд Республики Башкортостан в своем определении от 23.05.2017 г.: «порядок утверждения, и соответственно, порядок расторжения мирового соглашения регулируется исключительно нормами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» [19].

Подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что мировое соглашение по делам о несостоятельности (банкротстве) можно назвать гражданско-правовой сделкой, со сложным субъектным составом, обусловленной множественностью лиц, влияющих на дальнейшую судьбу должника, и влекущей прекра-

щение производства по делу. Анализируя природу мирового соглашения в делах о банкротстве, автор настоящей работы считает, что современное регулирование института мирового соглашения в делах о несостоятельности не имеет преобладания материально — правовых, либо

процессуально — правовых элементов. Мировое соглашение в делах о несостоятельности (банкротстве) — это результат слияния процессуального и материального мировой сделки как договора и судебного акта утверждающего эту сделку.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Судебная статистика // Режим доступа: www.cdep.ru. Дата обращения: 17.04.2022 г.
4. Коцубин, Ю.М. Отказ истца от иска как условие мирового соглашения // Мировой судья. 2015. № 6. с. 25.
5. Шершеневич, Г.Ф. Учение о несостоятельности. М.: Книга по Требованию, 2013. с. 155.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Пархоменко, И.К. Отдельные аспекты заключения мирового соглашения в рамках института несостоятельности (банкротства) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 2 (35). с. 49.
8. Вандраков, С.Ю. Мировое соглашение — процессуальный факт или гражданско-правовая сделка? // Мировой судья. 2015. № 9. с. 29.
9. Кальгина, А.А. Мировое соглашение в судебном процессе: практические рекомендации кредиторам // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. с. 46.
10. Мрастьева, О.С. Мировое соглашение среди примирительных процедур // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2 (115). с. 132.
11. Попондопуло, В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. с. 49.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 г. № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2002 г. № 228-О // Собрание законодательства РФ. 2002. № 13. Ст. 2217.
14. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве): Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2005 № 97 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 3.
15. Власова, К.Ю. Проблемы понимания сущности мирового соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) // Молодой ученый. 2016. № 18 (122). с. 326.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 г. № 1-О // Собрание законодательства РФ. 2004. № 16. Ст. 1644.
17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8035/12 от 30.10.2012 г. // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 17.04.2022 г.
18. О примирении сторон в арбитражном процессе: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 № 50 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 9.
19. Определение Арбитражного Суда республики Башкортостан от 23.05.2017 г. по делу № А07–11237/2015 // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 17.04.2022 г.

Правовые особенности, связанные с отказом в переводе земли и земельных участков из одной категории в другую

Дмитриева Екатерина Александровна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор анализирует проблемы правового регулирования института отказа в переводе земельных участков из одной категории в другую.

Ключевые слова: категория земель, институт отказа, законодательство, перевод земель.

На всём протяжении существования человечества земля выступает важнейшим фактором производства, что предопределяет и подчеркивает ее ценность. Конституция Российской Федерации закрепляет важнейшее положение, согласно которому земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [2]. В настоящее время земля и отдельные земельные участки должны относиться к определенной категории целевого назначения и использоваться в соответствии с этим назначением. Однако, может возникнуть необходимость изменения целевого назначения земли. К таким случаям можно отнести, например, строительство дорог или транспортных сетей, производстве расширение границ земельного участка, строительство новых населенных пунктов или застраивание земельных участков, не предназначенных для таких целей.

При возникновении подобного рода обстоятельств существует важнейший институт земельного права — институт перевода земли и земельных участков из одной категории в другую. Если проанализировать законодательство, которое регулирует данный перевод, то можно сделать вывод о том, что процедура перевода земли является достаточно простой. Основным нормативным правовым актом, регулирующим такую процедуру, является Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172 — ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (далее — Закон № 172) [3]. Однако, вышеназванный нормативный правовой акт содержит ряд противоречивых положений и мне бы хотелось подробнее остановиться на проблемах, возникающих при отказе в переводе земли из одной категории в другую.

Основания отказа в рассмотрении ходатайства о переводе земель из одной категории в другую закрепляются в ч. 2 ст. 3 Закона № 172. Казалось бы, оснований для отказа всего два, но споров по ним возникает большое количество.

Так, в качестве основания для отказа в рассмотрении ходатайства о переводе земли, выступает тот факт, что с подобным ходатайством обращается ненадлежащее лицо. При этом, ни в одной статье этого закона не раскрывается определение понятия «ненадлежащее лицо». В виду его отсутствия, возникает проблема, кого же стоит отно-

сить к данной категории: лиц, которые вообще не имеют никаких прав на землю или соответствующий ее участок либо можно отнести также лиц, которые являются титульными владельцами соответствующего участка земли, фактически владеющих им на основании закона или договора? Такая неопределенность позволяет органам, которые непосредственно занимаются процедурой перевода земель из одной категории в другую по-своему интерпретировать это понятие, например, два одинаковых титульных владельца обратились с ходатайством о переводе земли в разных субъектах РФ, но ходатайство удовлетворили, а другому отказали, ссылаясь на то, что он не является собственником земельного участка. Таким образом, указанная проблема бесспорно проливает зеленый свет на нарушение базовых конституционных принципов, в первую очередь, принципа равноправия.

Отказать в рассмотрении ходатайства о переводе земель можно также в случае, если к нему приложены документы, состав, форма или содержание которых не соответствует требованиям земельного законодательства. Данное положение, в свою очередь, также порождает ряд проблем. Нельзя не согласиться с тем, что неправильно составленные документы или содержащие не ту информацию либо вообще отсутствие документов, прилагаемых к ходатайству, выступает причиной для отказа в принятии такого ходатайства к рассмотрению и возвращению направившему его лицу. Но, если посмотреть с другой стороны, то такие документы могут быть составлены в нарушение федерального законодательства либо органом, уполномоченным составлять такие документы, либо самими заявителями. Из этого следует, что правовая неграмотность населения и некомпетентность органов, осуществляющих процедуру перевода земель, являются главной проблемой, вытекающей из такого вида основания отказа в переводе земель.

В судебной практике также встречаются случаи, когда отказ в принятии к рассмотрению ходатайства аргументирует тем, что такое ходатайство подано в орган, к компетенции которого не относится осуществление процедуры перевода земель из одной категории в другую.

Так, Шпагин А. В. обратился в суд и просил признать незаконным отказ Администрации сельского поселения Липецкое Серпуховского муниципального района Московской области в принятии к рассмотрению ходатайства

о переводе земельного участка сельскохозяйственного назначения в земли промышленности. Администрация сельского поселения ссылалась на то, что решение вопросов перевода земель из одной категории в другую не относится к ее компетенции, поскольку данные вопросы решаются Правительством субъекта, а не муниципального образования. В результате рассмотрения подобного спора, Серпуховский городской суд принял решение, в котором признал отказ в рассмотрении ходатайства о переводе земли законным [5].

На наш взгляд, правовое регулирование института отказа в переводе земли и земельных участков спо-

собствует появлению большого количества правовых споров. Считаем целесообразным создание широкой доступной для граждан системы, которая будет направлена на базовое обучение правовой грамотности населения и полное преодоление правового нигилизма. Именно поэтапной политикой обучения можно будет добиться положительных результатов. Необходимо закрепление в федеральном законе подачу соответствующего ходатайства в орган, который не уполномочен рассматривать и разрешать вопросы, связанные с переводом земельных участков из одной категории в другую, как самостоятельное основание отказа в рассмотрении ходатайства.

Литература:

1. Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172 «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»». — Текст: электронный // Правительство России: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102090201> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Конституция Российской Федерации — Москва: Проспект 2020. — 64 с.
3. Земельный кодекс Российской Федерации. — г. Москва: Проспект, 2021. — 288 с.
4. Миллер, В. И., Невструева, В. С. Проблема перевода земельного участка из одной категории в другую / В. И. Миллер, В. С. Невструева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 48 (234). — с. 181-182.
5. Решение Серпуховского городского суда Московской области от 8 октября 2012 г. по делу № 2-2650/2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://base.garant.ru/102416675/> (дата обращения: 20.04.2022).

Структура нормативно-правового регулирования экспорта лесоматериалов с территории Российской Федерации

Дронникова Софья Эдуардовна, студент

Научный руководитель: Кудрявицкая Татьяна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье раскрываются нормативно-правовые основы экспорта лесоматериалов с территории Российской Федерации. Также рассмотрены такие правовые акты как товарная номенклатура, Киотская конвенция и множество федеральных законов, регулирующих данную направленность.

Ключевые слова: лесоматериал, древесина, нормативно-правовое регулирование, экспорт, регулирование экспорта.

Актуальность данной статьи заключается в том, что существует определенный ряд правил оформления документов для транспортировки лесоматериалов и древесины. Для перемещения лесоматериалов характерно наличие всех уровней таможенного законодательства: от международного до формирующегося на его основе национального законодательства Российской Федерации. Система нормативно-правовых актов, регулирующих перемещение лесоматериалов, составляет в основном акты национального уровня (акты российского законодательства), т.к. лесоматериалы являются стратегически важными экономическими ресурсами нашей страны и регулирование вопросов вывоза — это основа безопасности и стабильности развития.

Среди международных нормативно-правовых актов, регулирующих перемещение и таможенный контроль

лесоматериалов, можно выделить Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года (далее — Киотская конвенция).

Так, на основании Киотской Конвенции проведение таможенного контроля основано на принципе выборочности и достаточности, т.е. должностным лицам таможенных органов следует применять те формы таможенного контроля, которые будут достаточны для обеспечения соблюдения таможенного законодательства Евразийского экономического союза [17].

На сегодняшний день основным документом, который регулирует таможенные правоотношения в рамках функционирования ЕАЭС, является Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС).

ТК ЕАЭС регулирует порядок, основные принципы перемещения товаров, а также совершение таможенных операций в отношении перемещаемых товаров, как участниками внешнеэкономической деятельности, так и должностными лицами таможенных органов [4].

Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза (далее — ТН ВЭД ЕАЭС) в настоящее время закреплены — Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80. Товары исследуемой категории относятся к Разделу IX «Древесина и изделия из нее; древесный уголь; пробка и изделия из нее; изделия из соломы, альфы или из прочих материалов для плетения; корзиночные и другие плетеные изделия», группе 44 ТН ВЭД ЕАЭС «Древесина и изделия из нее; древесный уголь» [5].

Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования» установлен перечень товаров, в отношении которых государствами — членами ЕАЭС применяются ограничения в соответствии с обязательствами, принятыми при присоединении к Всемирной торговой организации. К указанным товарам относятся лесоматериалы хвойных пород: ель, пихта, сосна [6].

Решением Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 № 257» Об Инструкциях по заполнению таможенных деклараций и формах таможенных деклараций» установлен Перечень сведений, указываемых в отношении отдельных категорий товаров, помещаемых под таможенную процедуру экспорта [7].

В соответствии с Решением Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 318 «Об обеспечении карантина растений в Евразийском экономическом союзе» к подкарантинной продукции, подлежащей карантинному фитосанитарному контролю (надзору) относятся товары, классифицируемые в товарных подсубпозициях 4403 ТН ВЭД ЕАЭС «лесоматериалы необработанные, с удаленной или не удаленной корой или заболонью или грубо окантованные или неокантованные» и 4407 «Лесоматериалы, распиленные или расколотые вдоль, разделенные на слои или лущенные, строганные или не строганные, шлифованные или не шлифованные, имеющие или не имеющие торцевые соединения, толщиной более 6 мм» [8].

Рассмотрим нормативно-правовые акты в исследуемой сфере на национальном уровне Российской Федерации.

В первую очередь, следует отметить, что Конституцией Российской Федерации предопределено свободное перемещение товаров и поддержка экономической деятельности [9].

Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополняет положения ТК ЕАЭС,

а также устанавливает общие правила предоставления документов и сведений при вывозе товаров с таможенной территории, необходимые для проведения таможенного контроля [10].

Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» определяет основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности в целях обеспечения благоприятных условий для внешнеторговой деятельности, а также защиты экономических и политических интересов Российской Федерации [11].

Федеральный закон от 28.12.2013 № 415-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» внес существенные изменения в правовое регулирование вопросов учета и оформления сделок с древесиной. Так, ст. 50.5 «Лесного кодекса Российской Федерации» от 04.12.2006 № 200-ФЗ [12] в редакции Закона № 415-ФЗ обязывает юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, совершивших сделки с древесиной, в том числе в целях ввоза в РФ, вывоза из РФ, представлять оператору предусмотренной ст. 50.6 ЛК РФ единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней декларацию о сделках с древесиной (далее — декларация) в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, включая единый портал государственных и муниципальных услуг [13].

При возникновении правонарушений при перемещении леса и лесоматериалов, участник внешнеэкономической деятельности может быть привлечен к административной или уголовной ответственности, в зависимости от тяжести правонарушения, таким образом, к источникам регулирования также относятся:

— «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ [15];

— «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

Отдельные виды лесоматериалов являются стратегически важными ресурсами, незаконный вывоз которых из Российской Федерации образует состав уголовного преступления, предусмотренного статьей 226.1 Уголовного кодекса РФ, уже при превышении стоимости в 100 тыс. рублей, в частности, это: 4401 (древесина топливная); 4403 (лесоматериалы необработанные, с удаленной или не удаленной корой или заболонью или грубо окантованные или неокантованные); 4404 (древесина бондарная); 4407 (лесоматериалы, полученные распиловкой, толщиной более 6 мм); 4408 (листы для облицовки, толщиной не более 6 мм) [1].

«Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ регулирует отношения

в области международного частного права. Термин «внешнеэкономическая сделка» встречается в ст. 1209, определяющей право, подлежащее применению к форме сделки [16].

Таким образом, лесоматериалы и продукция из древесины остаются одним из важнейших экспортных про-

дуктов России, в основном это необработанный или незначительно обработанный лес. В то же время экспорт древесины и изделий из древесины является одной из самых преступных областей внешнеэкономической деятельности. Именно это тесно связано с высокой ликвидностью в лесопромышленной сфере.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021)
2. «Конвенция о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения» (Вместе с «Перечнем видов млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий, рыб, беспозвоночных и растений, экспорт, реэкспорт и импорт...») (Заключена в г. Вашингтоне 03.03.1973)
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021)
4. «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза)
5. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80 (ред. от 07.12.2021) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии»
6. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 № 134 (ред. от 09.11.2021) «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования»
7. Решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 № 257 (ред. от 29.11.2021) «Об Инструкции по заполнению таможенных деклараций и формах таможенных деклараций»
8. Решение Комиссии Таможенного союза от 18.06.2010 № 318 (ред. от 02.12.2021) «Об обеспечении карантина растений в Евразийском экономическом союзе»
9. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
10. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
11. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»
12. «Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021)
13. Федеральный закон от 28.12.2013 № 415-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»
14. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О валютном регулировании и валютном контроле»
15. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021)
16. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 21.12.2021)
17. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года (в ред. от 26 июня 1999 года)

Административная ответственность юридических лиц в связи с нарушением рекламной деятельности

Зайтов Эмиль Ильясович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности административной ответственности к юридическим лицам за нарушение рекламной деятельности.

Ключевые слова: административная ответственность, реклама, предпринимательская деятельность, юридическое лицо.

Самыми многочисленными административными правонарушениями юридических лиц являются правонарушения в сфере предпринимательской деятельности, поскольку большая часть юридических лиц — это коммерческие организации. Основной целью их деятельности является извлечение прибыли.

В главе 14 КоАП РФ [1] закреплены составы административных правонарушений в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций.

В системе административно-правовых отношений, особенно в предпринимательском аспекте, значимое место занимает реклама. В последнее время довольно часто происходит нарушение общих и специальных требований, предъявляемых к рекламе Федеральным законом от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» [2] (далее — Закон о рекламе). Поэтому происходит распространение и размещение ненадлежащей рекламы, нарушающей как права потребителей рекламы, так и права и законные интересы рекламодателей-конкурентов.

Прежде всего, «административная ответственность за нарушение в сфере рекламы выражается в обязанности физических и юридических лиц, совершивших такое правонарушение, претерпевать ограничения личного и материального характера, посредством применения судом или антимонопольным органом в установленном порядке производства по делам об административных правонарушениях мер административного наказания» [5, с. 60].

Привлечение к административной ответственности за нарушение требований законодательства о рекламе осуществляется по юридическим составам статей 6.3, 13.25, 14.3, 14.37, 14.38, 15.24, 19.31 КоАП РФ. Административно-правовая ответственность субъектов рекламной деятельности выражается в виде наложения административного штрафа на граждан и должностных лиц, причем размеры штрафных санкций строго дифференцированы, для должностных лиц штраф ощутимо выше по размеру.

В зависимости от волевого момента различают прямой умысел, когда лицо желает наступления последствий, и косвенный, когда оно лишь сознательно допускает их наступление [7, с. 165]. Для юридических лиц примером может быть статья 14.3.1 КоАП РФ «Спонсорство

табака, стимулирование продажи табака, табачной продукции или табачных изделий и (или) потребления табака либо реклама табака, табачной продукции, табачных изделий или курительных принадлежностей», вред наносится общественным отношениям по охране здоровья населения.

Приведем пример. Так, например, в рамках осуществления контрольно-надзорных полномочий, Управлением Роскомнадзора по Республике Крым выявлено нарушение МУП «Три Штурма» требований части 3 статьи 16 Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», а именно, на рекламном мониторе транслировался сюжет, в котором содержится сцена потребления табака без социальной рекламы.

Должностным лицом управления составлен протокол об административном правонарушении, действия заявителя квалифицированы по части 5 статьи 14.3.1 КоАП РФ — неисполнение обязанности трансляции социальной рекламы о вреде потребления табака при демонстрации аудиовизуальных произведений, в которых осуществляется демонстрация табачных изделий или процесса потребления табака.

Предприятие было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 14.3.1 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа в размере 100000 руб.

Не согласившись с этим предприятие (заявитель) обратилось в Арбитражный суд Республики Крым с заявлением об отмене постановления Управления Роскомнадзора по Республике Крым о привлечении к административной ответственности.

В обоснование заявленных требований заявитель указывает на то, что предприятие сразу же после выявления нарушения приняло меры, направленные на устранение недостатков, данный трейлер был удален с трансляции в день получения уведомления о составлении протокола об административном правонарушении.

Однако, устранение выявленного нарушения после его обнаружения, не может являться безусловным основа-

нием для отмены вынесенного постановления, поскольку факт совершения нарушения, установлен и подтвержден материалами дела, а также не был оспорен заявителем.

Рассмотрев вопрос о соразмерности и справедливости назначенного наказания, суд пришел к выводу о необходимости снижения штрафных санкций. В рассматриваемом деле суд с учетом заявления предприятия принял в качестве исключительных смягчающих обстоятельств, влияющих на размер финансовых санкций, неумышленный характер нарушения, а также устранение выявленных нарушений до вынесения оспариваемого постановления [3].

Статья 14.37 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение требований к установке и (или) эксплуатации рекламной конструкции.

Так, например, Красноперекопский районный суд Республики Крым рассмотрел дело об административном правонарушении, предусмотренном статьей 14.37 КоАП РФ в отношении должностного лица МУП «Три Штурма». Судом установлено, что должностное лицо разместило и эксплуатировало на стене дома рекламную конструкцию. Свои действия он осуществил без разрешения органов местного самоуправления. Должностное лицо отметило, что между МУП «Три Штурма» и УК «Центр коммунального обслуживания» был заключен договор на установку и эксплуатацию рекламной конструкции, тогда же была предпринята попытка получить разрешение, однако в выдаче было отказано, поскольку не было утвержденной схемы размещения рекламных конструкций. Это не отменяет, того факта, что для установки и эксплуатации рекламной конструкции требуется разрешение, поэтому, должностному лицу МУП «Три Штурма» был назначен штраф 3000 рублей [4].

Срок давности привлечения к ответственности за нарушение законодательства о рекламе ограничен одним годом (статья 4.5 КоАП РФ). При этом момент начала те-

чения данного срока зависит от того, признается правонарушение длящимся или нет.

Юрисдикционным органом, уполномоченным выдавать обязательные для исполнения предписания о прекращении нарушения законодательства о рекламе, а также рассматривать дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 14.3 КоАП РФ является федеральный антимонопольный орган и его территориальные подразделения. Все иные правоприменительные органы вправе (а иногда и обязаны) лишь оказывать содействие антимонопольному органу в предупреждении и пресечении фактов ненадлежащей рекламы.

Так, например, в 2021 году Крымским УФАС России рассмотрено 88 обращений (в 2020 году — 87 обращений). По результатам рассмотрения обращений возбуждено 16 дел по признакам нарушения рекламного законодательства Российской Федерации (в 2020 году — 14 дел).

По результатам рассмотрения дел об административном правонарушении Крымским УФАС России по 14 делам вынесены постановления о назначении административного наказания за нарушение рекламного законодательства, из них по 6 делам — административный штраф, по 8 делам — предупреждение. Рассмотрение 2 дел прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности [6].

Итак, для упорядочивания общественных отношений в сфере рекламы в российском законодательстве сложилась определенная система норм. Применение юридической ответственности за нарушение данных норм является составляющей механизма правового регулирования общественных отношений. Поэтому наказание должно быть соразмерным тяжести и последствиям правонарушению и справедливым, как для потерпевшей стороны, так и для общества в целом.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1.
2. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. — 20.03.2006. — № 12. — ст. 1232.
3. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 29.03.2021 по делу № А04–1034/2021 «О признании незаконным постановления» // Официальный сайт Арбитражного суда Республики Крым. URL: <https://crimea.arbitr.ru/> (дата обращения 21.04.2022).
4. Решение Красноперекопского районного суда Республики Крым по делу № 5-331/2019 от 02.04.2019 «По делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Красноперекопского районного суда Республики Крым. URL: <http://krasnoperekopskiy.krm.sudrf.ru/> (дата обращения 21.04.2022).
5. Баранова, М. В. Юридическая ответственность за правонарушения в сфере рекламного бизнеса: состояние, проблемы, перспективы // М. В. Баранова // Государственно-правовые исследования. — 2018. — Вып. 1. — с. 55-61.
6. Официальный сайт Крымского УФАС России. URL: <https://krym.fas.gov.ru/> (дата обращения 21.04.2022).
7. Стахов, А. И. Административное право России: учебник. — М.: Юрайт, 2020. — 481 с.

Медиация как альтернативная форма урегулирования споров. Понятие, формы, процедура

Зиатдинов Эдуард Аркадьевич, студент магистратуры
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

Ключевые слова: процедура медиации, внесудебная медиация, сторона конфликта, форма медиации, медиация, сторона.

На сегодняшний день процедура медиации как способ урегулирования споров является очень актуальным вопросом.

Медиация — это один из альтернативных способов урегулирования конфликтов [2, с. 49]. Для решения конфликта необходима третья сторона или лицо, не заинтересованное в данном споре, которое по факту обладает полным нейтралитетом по отношению к сторонам конфликта, таким лицом выступает медиатор. Он организует коммуникацию между сторонами конфликта, создаёт комфортное поле для переговоров, вырабатывает и оценивает различные варианты решения возникшей ситуации.

Сторонами являются лица, желающие урегулировать спор при помощи процедуры медиации.

Согласно пункту 3 статьи 2 Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 года, медиаторами именуются независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [1].

В процедуре медиации, согласно статье 2 Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 года используются, кроме вышеназванного, следующие понятия:

Организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации — юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является деятельность по организации проведения процедуры медиации, а также осуществление иных действий;

Соглашение о применении процедуры медиации — соглашение сторон, заключенное в письменной форме до возникновения спора или споров (медиативная оговорка) либо после его или их возникновения, об урегулировании с применением процедуры медиации спора или споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением;

Соглашение о проведении процедуры медиации — соглашение сторон, с момента заключения которого начинает применяться процедура медиации в отношении спора или споров, возникших между сторонами;

Медиативное соглашение — соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме.

Шамликашвили Ц. А. выделяет следующие формы медиации [3]:

- 1) внесудебная;
- 2) досудебная;
- 3) внутрисудебная (или медиация при суде).

Внесудебная медиация происходит по инициативе сторон и может носить абсолютно неформальный характер, хотя стороны по своему усмотрению могут придать медиативному соглашению формальный статус.

Она осуществляется по инициативе сторон, по совету или рекомендации родственников, друзей, коллег, консультантов, юристов и т.д. Медиация между соседями, родственниками, одноклассниками, общинная медиация и т.п. чаще всего носит неформальный характер. Любой спор, если стороны не обращались для его разрешения в суд или не заключали соглашения о применении процедуры медиации (медиативная оговорка), разрешается в форме внесудебной медиации.

Досудебная медиация — это обязательная процедура, которая практически всегда носит формализованный характер и применяется в двух видах:

- 1) в форме медиации, предписанной судом по определенным категориям споров, когда до обращения в суд стороны обязаны попытаться урегулировать спор с помощью медиации;
- 2) в форме медиации как обязательства сторон друг перед другом, которое они приняли на себя и оформили в виде соглашения о применении процедуры медиации (медиативная оговорка) еще до возникновения спора.

Таким образом, досудебная медиация является своего рода переходной формой от принудительной и (или) рекомендованной судом процедуры к внесудебной медиации.

Внутрисудебная медиация — медиация, инициируемая или осуществляемая в рамках судопроизводства, после обращения сторон в суд. Под самим понятием «внутрисудебная медиация» скрывается множество различных форм участия, вовлеченности самого суда и его работников, в той или иной степени применяющих знания о медиации, медиативные навыки при рассмотрении дел, поступивших в суд.

Процедура медиации, как процессуальное действие делится на основные этапы:

1. Подготовка к медиации. На данном этапе одна сторона или несколько сторон конфликта предлагают урегулировать спор путём медиации. В случае согласия всех участников стороны информируются о порядке проведения данной процедуры, расходах, которые они могут понести в ходе процесса медиации, а также дальнейшем развитии событий в рамках выбранной ими процедуры урегулирования конфликта. На данном этапе одна или несколько сторон спора могут отказаться от медиации, в таком случае, спор будет решаться в судебном порядке, гражданское судопроизводство в суде первой инстанции.

2. Проведение процедуры. На данном этапе независимое лицо — медиатор, организует переговоры между конфликтующими сторонами. Устанавливает истинные причины и мотивы конфликта, а стороны, в ходе проведения переговоров, обозначают свои условия и (или варианты) разрешения конфликта.

3. Завершение. Является окончательным этапом процедуры медиации, предполагает примирение сторон и определяет дальнейшее развитие отношений между участниками конфликта.

В заключение хотелось бы отметить, что законодательство Российской Федерации рассматривает процедуру медиации, как альтернативу судебному разбирательству, однако данная процедура не является обязательной.

Литература:

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации): федер. закон от 27 июля 2010 № 193-ФЗ [в ред. от 25.10.2019] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
2. Новиков, А. В. Процедура медиации. Функции, типы и стадии медиации / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая. — Текст: непосредственный // Вопросы российского и международного права. — 2021. — № 1-1. — с. 48-54.
3. Шамликашвили, Ц. А. Медиация — современный метод внесудебного и досудебного разрешения споров / Ц. А. Шамликашвили. — Текст: непосредственный // «Библиотечка «Российской Газеты». — 2021. — № 1. — с. 35-36.

Медиативное соглашение в процедуре медиации: понятие, содержание и виды

Зиатдинов Эдуард Аркадьевич, студент магистратуры

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

Ключевые слова: соглашение, спор, третейский суд, передача спора, процедура медиации, рассмотрение суда.

На сегодняшний день процедура медиации является прогрессивным институтом гражданского права. Она введена Федеральным законом от 27 июля 2010 Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) [1].

К. Д. Сироткина отмечает, что «введение в российскую правовую систему данного института подготовило почву для широкого применения медиации при разрешении правовых споров и ввело понятие медиативного соглашения в Российской Федерации» [2, с. 73].

По мнению Ж. В. Эстерлейн и И. Ю. Загоруйко медиативное соглашение определяется «как достигнутое сторонами соглашение по результатам примирительной процедуры медиации к спору или спорам, отдельным разногласиям по спору» [3, с. 102].

Е. М. Нешко считает, что под медиативным соглашением следует понимать «договоренность сторон о передаче всех или определенных споров, которые возникли, или могут возникнуть между сторонами в связи с конкретным пра-

воотношением, независимо от того — носит ли оно договорный характер для урегулирования данных споров в рамках процедуры медиации или нет» [4, с. 225].

Что касается Закона о медиации, пунктом 7 статьи 2 медиативное соглашение определяется как соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору, заключенное в письменной форме [1].

Положения статьи 12 Закона о медиации указывают на то, что «медиативное соглашение должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения. Все эти элементы отражаются в его структуре. В конце оно подкрепляется подписями сторон, которые, в свою очередь, подтверждают их согласие с изложенными в его тексте положениями».

По мнению Ж. В. Эстерлейн и И. Ю. Загоруйко «в медиативном соглашении можно выделить три основных элемента:

— предмет — то, по поводу чего спор возник;
— субъекты — лица, являющиеся участниками спорного правоотношения;
— содержание — обязательства, принимаемые на себя сторонами для урегулирования спорной ситуации» [3, с. 103].

М. С. Иванова в своей работе раскрывает сущность медиативного соглашения как «состоящую из субъекта, объекта и содержания» [5, с. 23].

Она указывает, что «субъектами медиативного соглашения являются стороны, т.е. желающие урегулировать спор с помощью процедуры медиации субъекты отношений, указанных в статье 1 Закона о медиации».

По ее мнению, «объектами медиативного соглашения являются, исходя из буквы закона, спор, споры, отдельные разногласия по спору».

А также, исходя из анализа ее работы, можно указать, что «в результате применения процедуры медиации стороны достигают соглашения о взаимных правах и обязанностях, которые могут быть сохранены, изменены или прекращены. Права и обязанности, относительно которых достигнута договоренность, составляют содержание медиативного соглашения. В свою очередь содержание медиативного соглашения влияет на права и обязанности субъектов, изменяя, сохраняя, устанавливая или прекращая их» [5, с. 23].

Медиативные соглашения подразделяются на два вида. Первым видом медиативных соглашений являются соглашения, достигнутые сторонами по результатам медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда. Указанный вид медиативных соглашений утверждается судом либо третейским судом в качестве мирового соглашения согласно процессуальному законодательству, законодательству о третейских судах, а также законодательству о международном коммерческом арбитраже. В данном случае суд выносит опреде-

ление об утверждении мирового соглашения и производство по делу прекращает.

Вторым видом медиативных соглашений являются соглашения по возникшему из гражданских правоотношений спору, которые были достигнуты сторонами по результатам медиации, осуществленной без передачи спора на судебное рассмотрение. Медиативное соглашение в таком случае рассматривается в качестве гражданско-правовой сделки, направленной на установление, изменение либо прекращение прав и обязанностей сторон.

Е. М. Нешко считает, что «медиативное соглашение можно классифицировать по отраслевой принадлежности спорного правоотношения на:

— медиативные соглашения, заключенные по спорам, возникающим из гражданских правоотношений;

— медиативные соглашения, заключенные по спорам, отличным от гражданских правоотношений» [4, с. 227].

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, сделаем выводы:

Во-первых, нормативно, понятие медиативного соглашения установлено в пункте 7 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2010 Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Однако у ряда других исследователей имеются дополняющие данное определение понятия относительно медиативного соглашения.

Во-вторых, как и гражданско-правовой договор, медиативное соглашение имеет свою структуру — предмет, субъект и содержание (объект, субъект, содержание).

В-третьих, медиативное соглашение имеет свои виды, например, соглашения, достигнутые сторонами по результатам медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, либо до передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда и другие.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // «Собрание законодательства РФ», 02.08.2010, № 31, ст. 4162.
2. Сироткина, К. Д. Медиативное соглашение в механизме правового регулирования: понятие и значение / К. Д. Сироткина. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 6. — с. 72-76.
3. Эстерлейн, Ж. В. Медиативное соглашение: сущность, особенности заключения и исполнения / Ж. В. Эстерлейн, И. Ю. Загоруйко. — Текст: непосредственный // Право и наука в современном мире. — Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний (Пермь), 2019. — с. 101-104.
4. Нешко, Е. М. Гражданско-правовая природа медиативного соглашения / Е. М. Нешко. — Текст: непосредственный // Эпомен. — 2019. — № 27. — с. 221-233.
5. Иванова, М. С. Классификация медиативных соглашений / М. С. Иванова. — Текст: непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: право. — 2021. — № 2 (66). — с. 21-28.

Некоторые аспекты предоставления в собственность земельных участков, расположенных в пределах особо охраняемых природных территорий

Иванова Наталья Алексеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор анализирует изменения законодательства, касающиеся возможности предоставления в собственность земельных участков особо охраняемых природных территорий, расположенных в границах населенных пунктов.

Ключевые слова: охрана, особо охраняемые природные территории, земельный участок, территория, собственность.

Охрана окружающей среды является неотъемлемым аспектом экологической политики во всех странах современного мира. В целях охраны окружающей среды государства создают различные механизмы правового, политического и социально-экономического регулирования. В Российской Федерации закрепляется одно из направлений — охрана особо ценных природных объектов и заповедных природных территорий.

Понятие особо охраняемых природных территорий и их правовой режим в нашей стране закреплены в Федеральном законе от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Так, особо охраняемые природные территории (далее ООПТ) — участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны [1]. Данные территории имеют особое историческое, научное, культурное и иное уникальное значение, следовательно, требуют повышенной охраны и регулирования.

Законом закреплено шесть категорий рассматриваемых территорий, которые выделяются с учетом находящихся на них природных объектов и их особого режима. К таким особо охраняемым природным территориям в России относятся: государственные природные заповедники (в том числе биосферные); национальные парки; природные парки; государственные природные заказники; природные памятники; дендрологические парки и ботанические сады [1]. На указанных территориях запрещается любая деятельность, противоречащая их режиму и способная оказывать вредное и губительное воздействие. В специально выделенных участках, не включающих особо ценные экосистемы и объекты, может разрешаться хозяйственная деятельность и иная не противоречащая закону деятельность.

Особо охраняемые природные территории находятся в государственной, региональной и муниципальной собственности. Изначально законодатель шел по пути невозможности предоставления данных земельных участков физическим и юридическим лицам в собственность. Су-

ществовала и существует в настоящее время возможность передачи земельных участков такой категории в аренду гражданам и юридическим лицам для осуществления рекреационной деятельности, развития познавательного туризма, физической культуры и спорта на территориях национальных парков; в безвозмездное пользование в виде служебного надела работникам природоохранных объектов. На наш взгляд, этого было достаточно, чтобы осуществлять необходимые виды деятельности, без которых в современном мире не обойтись и в особо охраняемых природных территориях. Государство, оставляя за собой права собственника, имело более эффективную возможность защиты земельных участков, рассматриваемой нами категории. Ведь собственники имеют больше вариаций использования земли и механизмов ее защиты, чем те же арендодатели и землепользователи. Не случайно именно право собственности считается абсолютным вещным правом. Целесообразность закрепленных положений не вызывала сомнений.

Однако в 2020 году произошли изменения, повлиявшие на возможность предоставления земельных участков, расположенных в пределах особо охраняемых природных территорий. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.12.2017 № 505-ФЗ были внесены положения, позволяющие приватизацию земельных участков в населенных пунктах, расположенных в границах различных категорий ООПТ, кроме заповедников [2]. Аргументом к принятию данной нормы послужило положение о конституционном равенстве прав всех граждан, ведь в границах ООПТ невозможна их полная реализация, по мнению, некоторых политических деятелей. Например, на территории национальных парков, включающих населенные пункты, невозможно строительство школ, детских садов и т. п., что затрудняет доступ детей к получению образования, творческого развития. Приватизация разрешается при условии внесения границ населенных пунктов, находящихся в пределах ООПТ в Единый государственный реестр недвижимости, использование в хозяйственной деятельности участков ограничивается с учетом особого режима территорий. Новая редакция статьи 95 Земельного кодекса Российской Федерации предусматривает, что земельные участки населенных

пунктов, включенных в состав особо охраняемых природных территорий, относятся к землям населенных пунктов. Использование включенных в состав особо охраняемых природных территорий земель и земельных участков иных категорий ограничивается исходя из необходимости защиты природных комплексов указанных территорий от неблагоприятных антропогенных воздействий согласно названной статье.

Благодаря принятым изменениям, у населения в границах особо охраняемых природных территорий появились новые возможности использования своих земельных участков: разрешено вести садоводство и огородничество, индивидуальное жилищное строительство, продавать, передавать по наследству и т.д. Также это расширило возможности публичных образований, которые теперь могут реализовывать на данных территориях программы социально-экономического развития.

Тем не менее, у публичных образований так же появилась возможность использования новых положений закона в свою пользу для извлечения выгоды. Так, появились случаи неправомерного предоставления земельных участков, расположенных в пределах особо охраняемых природных территорий в собственность. Публичные образования избавляются от расходов и определенной доли ответственности, перекадывая земельный участок указанной категории в собственность граждан и юридических лиц.

Одним из проблемных аспектов является отсутствие достаточных данных о расположении границ некоторых особо охраняемых природных территорий. В связи с этим также происходит неправомерное предоставление, но уже при отсутствии заинтересованности органов государственной власти и местного самоуправления. Такие случаи довольно распространены в судебной практике. Например, Комитет по природным ресурсам Ленинградской области не предоставил в орган государственного кадастрового учета документов, содержащих сведения о границах и ограничениях по использованию земельных участков, входящих в пределы памятника природы «Гео-

логические обнажения на реке Оредеж у поселка Ям-Тесово», что могло повлечь причинение вреда уникальной природе природного заказника в связи с использованием его не по назначению. С иском суд обратился Ленинградский межрайонный природоохранный прокурор. Исковое заявление было удовлетворено судом, так как Комитет по природным ресурсам несет обязанность по представлению сведений о границах зон с особыми условиями использования и такое бездействие нарушает права неопределенного круга лиц [5].

Следует отметить, что фактически происходит уменьшение зоны особо охраняемых природных территорий. Юридически их границы остаются не измененными, но режим на земельном участке данной территории, предоставленном в собственность, трансформируется в иной. Собственником становится субъект не способный в полной мере реализовать защиту ООПТ и заинтересованный в собственной выгоде, а не защите окружающей среды. Возможность производства хозяйственных и иных видов деятельности, хоть и разрешенных законом, все равно оказывает влияние на природоохранные объекты, и часто негативное.

На наш взгляд, введенные изменения осложнили защиту особо охраняемых природных территорий, способствуют сокращению их территорий. Целесообразнее было бы предоставить гражданам, проживающим в населенных пунктах, расположенных в границах ООПТ, земельные участки взамен на иных территориях. У государства имеются территории, которые возможны для обмена, причем благоприятные для хозяйственной деятельности. Поэтапной политикой переселения можно было бы добиться результатов. Необходимо повысить экологические требования и контроль со стороны природоохранных структур в отношении земельных участков, предоставленных в собственность, чтобы избежать причинения вреда. Так же следовало бы предусмотреть ответственность за непредставление сведений в государственный кадастр о границах особо охраняемых природных территорий.

Литература:

1. Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». — Текст: электронный // Правительство России: [сайт]. — URL: <http://government.ru/docs/all/95885/> (дата обращения: 17.04.2022).
2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2021/01/12/priroda-dok.html> (дата обращения: 17.04.2022).
3. Земельный кодекс Российской Федерации. — г. Москва: Проспект, 2021. — 288 с.
4. Трегубова, И. О. Нарушение режима особо охраняемых природных территорий/И. О. Трегубова. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2012. — № 2. — с. 53-55.
5. Цветков, А. В. Приватизация земельных участков гражданами/А. В. Цветков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/6/24/privatizaciya_zemelnyh_uchastkov_grazhdanami (дата обращения: 17.04.2022)

Уголовно-правовая характеристика контрабанды наличных денежных средств и денежных инструментов

Ильенко Михаил Витальевич, студент магистратуры
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

В статье производится характеристика преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ. Проанализировав данные судебной статистики, автор выявляет некоторые признаки структуры и динамики данных преступлений, обозначает статистические закономерности и производит их интерпретацию с точки зрения науки уголовного права. Кроме этого, автором сделан акцент на основных элементах (признаках) указанного деяния, поскольку его правильная квалификация не всегда осуществляется правоприменителями верно.

Ключевые слова: контрабанда денежных средств, преступность, личность преступника, криминологическая характеристика, квалифицирующие признаки.

Criminal law characteristics smuggling cash cash funds and monetary instruments

The article provides a brief criminological description of the crime under Art. 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. After analyzing the data of judicial statistics, the author reveals some signs of the structure and dynamics of these crimes, identifies statistical patterns and interprets them from the point of view of the science of criminal law. In addition, the author focuses on the main elements (signs) of the specified act, since its correct qualification is not always carried out correctly by law enforcers.

Keywords: money smuggling, crime, the identity of the perpetrator, criminological characteristics, qualifying signs.

В условиях возрастающего контроля со стороны органов государственной власти над экономической ситуацией недобросовестные участники общественных отношений используют все более ухищренные инструменты для наиболее выгодной и незаметной легализации доходов, полученных преступным путем. При этом отмыwanie доходов является финальным этапом в преступном цикле, а в условиях ограниченных возможностей правоохранительных органов эффективно противостоять данным негативным социальным явлениям наступают общественно опасные последствия, выраженные в причинении существенного вреда внешнеэкономической деятельности, снижении инвестиционной привлекательности государственной экономики. Одним из основных способов легализации преступных доходов является контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, отслеживание которой на территории другого государства становится все труднее для правоохранительных органов.

Исследователи, отмечающие рост прежде всего преступлений, совершаемых в сфере оборота денежных средств, отмечают, что главными (объективными) факторами, непосредственно влияющими на транзакцию материального ресурса за рубеж, стали слабость правоохранительного контроля в указанной сфере и несовершенство механизмов, используемых контрагентами финансовой деятельности [1, с. 308]. Кроме того, на фоне общего ухудшения ситуации в мировой экономике, а также потери позиций со стороны нашей страны в различных сферах её развития, российский рынок оказался в зоне высокой

волатильности, что, как следствие, привело к давлению на национальную валюту. При этом такое давление сформировало необходимость, по сути, бесконтрольного перемещения денежных средств (денежных инструментов). В результате чего только за последние пять лет уровень перемещенных через таможенную границу денежных средств составил колоссальную сумму — 1 трлн. рублей [2, с. 89].

Как отмечает М.С. Марковский, анализ дел по контрабанде, рассмотренных в суде, а также данные, представленные Федеральной таможенной службой России за последнее время, наглядно свидетельствуют о том, что криминологическая обстановка вокруг процессов с незаконным оборотом денежных средств и денежных инструментов вызывает все больше опасений. В свою очередь, совершаемые правонарушения в указанной сфере носят откровенно транснациональный характер, последствия от которых наносят серьезный вред экономическим интересам страны [3, с. 17].

Между тем нормы об уголовной ответственности за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС денежных средств и (или) денежных инструментов введены в ст. 200.1 Уголовного Кодекса РФ [4] (далее по тексту — УК РФ) в 2013 году. Детальный анализ правоприменительной и судебной практики, связанной с привлечением к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 200.1 УК РФ, свидетельствует о ее незначительности. Однако представляется, что криминологическая и криминалистическая характеристика контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных

инструментов представляет особый интерес. Причина этого в том, что данная разновидность преступности характеризуется высокой степенью латентности, а соответствующие нормы уголовного закона еще далеки от идеала, что, естественно, приводит к затруднениям в правоохранительной деятельности.

В частности, затронем объект преступления, который, являясь одним из основных элементов состава общественно опасных деяний, связан с непосредственным определением самого правонарушения. Между тем точное установление объекта преступления, к которым, как правило, относятся охраняемые законом общественные отношения, влияет на установление одного из главных признаков объективной стороны — места совершения (происшествия), что в случае с контрабандой является особенно важным условием. С учетом того, что уголовная ответственность за контрабанду предусмотрена сразу четырьмя статьями — ст. ст. 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ, стоит отметить, что объект преступления, обусловленный именно ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», будет иметь выражение в двух формах: основной непосредственный и дополнительный непосредственный. То есть преступные действия будут направлены на две группы отношений [5, с. 17]. В свою очередь, для более точного уяснения, что в данном случае будет представлять из себя именно основной непосредственный объект, а также иные элементы состава преступления, необходимо обратиться к некоторым актам международного права. В частности, именно совместным решением таких стран, как Казахстан, Белоруссия, Россия, Таджикистан, а также Кыргызстан, была создана специальная таможенная зона, перемещение товаров через которую подчинено специальным правилам такого органа, как ЕврАзЭС [6]. Соответственно, в данных государствах были предприняты меры, направленные на исключение контрабанды, вследствие чего в нашей стране и была принята специальная уголовная норма. Однако впоследствии данный таможенный союз прекратил свое действие, и сама по себе конфигурация под эгидой указанного союзного образования утратила свою силу. Вместе с тем в диспозиции приведенного выше уголовного предписания упоминание про ЕврАзЭС осталось, что в определенной степени нарушает представление об объекте преступления по ст. 200.1 УК РФ до настоящего времени.

Предметом преступления по указанной статье выступают денежные средства или, как определено, денежные инструменты. Если в отношении первого все более или менее ясно, так как само понятие «денежные средства» является достаточно распространенным и, что самое главное, законодательно закрепленным, то в отношении такого явления, как «денежный инструмент», у исследователей так и не сложилось единого мнения. В частности, одни утверждают, что подобное расслоение предмета преступления, по сути, является игрой законодателя в прогрессивность уголовного права, так как деньги и есть инструмент оборота, а также расчета в любых финансовых

операциях [7, с. 107]. Другие настаивают на том, что такое понимание предметности по делам о контрабанде неслучайно, поскольку понятие «деньги» в настоящее время, особенно по причине плодотворного использования электронных средств платежа, может стать узкоспециализированным. В то время как проявление контрабанды может быть достаточно опосредованным и представлять из себя, к примеру, репатриацию незаконных доходов и их перемещение через границы с помощью транспортных средств, таких как коммерческие и частные самолеты, пассажирские и коммерческие автомобили, морские суда и через пешеходные переходы на наших сухопутных границах [8, р. 117]. Несмотря на предложенные позиции, в уголовном законодательстве понятие «денежные инструменты» закреплено в качестве отнесения к таковым следующих видов средств гражданского оборота: банковские и дорожные чеки, векселя, а также любые ценные бумаги, удостоверяющие право на получение денежных средств.

Вместе с тем субъект преступления по ст. 200.1 УК РФ определяется по правилам ст. 19 УК РФ, в соответствии с которой виновным в совершении преступления может быть признано только физическое вменяемое лицо, возрастной ценз которого составляет 16 и более лет. Диспозиция предписания, предусматривающего ответственность за контрабанду, специальной правосубъектности не устанавливает.

Субъективная сторона указанного правонарушения выражается в умышленном (прямой умысел), то есть сознательном перемещении денежных средств и денежных инструментов через границы ЕврАзЭС в рамках действия вышеупомянутого таможенного союза. При этом ответственность по данной статье может наступать только в том случае, если размеры вышеуказанных предметов будут составлять крупный и особо крупный.

Так, в примечании 1 к ст. 220.1 УК РФ указано, что крупным размером может считаться такой, который образует, например, денежную сумму, превышающую двукратный размер денежного объема, установленного для перемещения через границы Таможенного союза без соответствующей декларации. В свою очередь, особо крупным размером признается тот, который превышает вышеобозначенные границы определения размера установленной денежной суммы не в два, а в пять раз (примечание 2 к ст. 200.1 УК РФ).

Немаловажным будет отметить, что ответственность, которая установлена за нарушение положений затронутого исследованием уголовного предписания, вводит рассматриваемое противоправное деяние в разряд небольшой тяжести (не превышает пять лет лишения свободы).

Отдельно необходимо обратить внимание на порядок применения специальных оснований для освобождения от уголовной ответственности по ст. 200.1 УК РФ. Так, в соответствии с примечанием к приведенному положению злоумышленник освобождается от установленной законом ответственности, если добровольно сообщит уполномоченным органам о факте перемещения через границу уста-

новленных денежных ресурсов и также без давления сдаст указанные средства. Однако указанный принцип не будет иметь действия, если будет установлено, что в процессе незаконного перемещения данным лицом было совершено еще какое-либо преступление. Также специальное основание неприменимо к тем, кто передает перемещенные денежные средства или инструменты уже после того, как избобличен в совершении преступления на стадии прохождения таможенного контроля или производства следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что несмотря на сравнительно невысокие пока-

затели по привлечению к уголовной ответственности по ст. 200.1 УК РФ, существующий уровень противодействия анализируемой категории преступлений нельзя безусловно назвать эффективным. Это связано с высокой латентностью данных преступлений, а также с тем, что некоторые элементы состава указанного преступления необходимо корректировать. Кроме этого, законодателю, с учетом последних экономических трансформаций в мире, скорее всего, следует провести частичную корреляцию диспозиций приведенной нормы, внося в неё дополнительные квалифицирующие признаки.

Литература:

1. Сухов, А. О. Обстановка совершения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов как элемент криминалистической характеристики/А. О. Сухов // Теория и практика расследования преступлений: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 15 апреля 2021 года/Редколлегия: Э. С. Данильян [и др.]. — Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2021. — с. 307-311.
2. Кобец, П. Н. Криминальная деятельность, как один из источников финансирования международного терроризма/П. Н. Кобец // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий: Сборник научных статей по итогам X международной научно-практической конференции, Москва, 15-16 октября 2021 года. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «КОНВЕРТ», 2021. — с. 89-90.
3. Марковский, М. С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: дисс... канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. Екатеринбург. 2018. 170 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. ст. 2954.
5. Федоров, А. В. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: научно-практический комментарий к статье 200.1 УК РФ/А. В. Федоров // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2020. — № 2 (24). — с. 13-35.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2015.
7. Кудратов, М. С. Перемещение активов и незаконный вывод капиталов: актуальные проблемы противодействия/М. Кудратов, Д. А. Печегин // Журнал российского права. — 2020. — № 1. — с. 101-111.
8. About structure of criminalistic research of documents/K. Aratuly, R. B. Tapalova, S. Sh. Daubassova, A. A. Tolegenova // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. — 2020. — Vol. 94. — No 2. — P. 113-122.

Переход от упрощенного производства к рассмотрению дела по общим правилам искового производства

Кикоть Ольга Владимировна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье описываются участие третьих лиц в упрощенном производстве.

Ключевые слова: упрощенное производство, гражданский процесс, арбитражный процесс, ГПК РФ, АПК РФ.

Суды при рассмотрении искового заявления в упрощенном порядке могут в дальнейшем перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового произ-

водства. Данный переход от упрощенного к искомому производству допускается по ходатайству сторон или по инициативе суда.

По этому поводу дается разъяснения в п. 4 ст. 232.2 Гражданском процессуальном Кодексе Российской Федерации (далее — «ГПК РФ»), а также в Постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 г. N 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального Кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (далее — «ППВС РФ № 10»).

Переход от рассмотрения дела в упрощенном производстве к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, исходя из п. 31 ППВС РФ № 10 возможен по инициативе суда или по ходатайству лиц, участвующих в деле, при наличии оснований, которые перечислены в п. 4 ст. 232.2 ГПК РФ. При принятии решения о переходе суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства, в котором должен указать обоснованные выводы о невозможности рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. Помимо этого в данном определении должно быть указано: действия, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, и сроки совершения этих действий. Что касается обжалования данного определения, то оно не подлежит обжалованию.

Обстоятельства, препятствующие рассмотрению дела в порядке упрощенного производства, указанные в ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ, могут быть выявлены как при принятии искового заявления к производству, так и в ходе рассмотрения этого дела, о чем говорится в п. 33 ППВС РФ № 10.

При выявлении обстоятельств, перечисленных в ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ, суд обязан **перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.**

К указанным обстоятельствам относятся следующие:

- удовлетворение ходатайства третьего лица о вступлении в дело;
- принятие встречного иска, который не может быть рассмотрен по правилам, установленным главой 21.1 ГПК РФ;
- выявление необходимости выяснения дополнительных обстоятельств;
- выявление необходимости исследования дополнительных доказательств;
- установление необходимости осмотра и исследования доказательств по месту их нахождения;
- заявление сторонами ходатайства или установление судом необходимости назначения экспертизы;
- заявление сторонами обоснованного ходатайства о заслушивании показаний свидетелей;
- установление судом того, что заявленное требование связано с иными требованиями, в том числе к другим лицам, или судебным актом, принятым по данному делу, могут быть нарушены права и законные интересы других лиц [1].

Также в ППВС РФ № 10, говорится о том, что суд переходит к рассмотрению дела в общем исковом порядке, если в ходе рассмотрения дела установлено, что **дело**

не подлежит рассмотрению в порядке упрощенного производства. Это может быть следствием:

— ошибочного возбуждения дела в порядке упрощенного производства, например, если в порядке упрощенного производства возбуждено дело по имущественным требованиям на сумму свыше 100000 рублей; [2]

— изменения исковых требований в процессе рассмотрения дела.

Если в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства истец увеличит размер исковых требований, в результате чего цена иска превысит пределы, установленные п. 1 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ, суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. Если же в результате увеличения размера исковых требований цена иска не превысит установленные пределы, вопрос о необходимости перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства решается судом с учетом фактической возможности обеспечения права ответчика представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 232.3 ГПК РФ (п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. N 10).

Как уже говорилось ранее, суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового заявления, в случае удовлетворения ходатайства лица, участвующего в деле, указавшего на наличие одного из обстоятельств, предусмотренных п. п. 1 и 2 ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ. Данное ходатайство может быть подано до окончания рассмотрения дела по существу (п. 33 ППВС РФ N 10).

После вынесения определения о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства **рассмотрение дела производится с самого начала.** Следовательно, с момента вынесения определения **заново начинается исчисление процессуального срока рассмотрения дела.**

Рассмотрение дела может **не производиться с самого начала** в следующих случаях:

- если переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства вызван необходимостью произвести осмотр и исследование доказательств по месту их нахождения;
- если переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства вызван необходимостью назначить экспертизу;
- если переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства вызван необходимостью заслушать свидетельские показания.

В указанных случаях суд после вынесения определения о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства может продолжить его рассмотрение с учетом уже полученных возражений, документов и доказательств, назначить судебное заседание, известить о его проведении участвующих в деле лиц, исследовать в судебном заседании объяснения участников процесса, представленные ими ранее письменные материалы и доказательства, а также совершить недостающие процессуальные

действия (осмотреть и исследовать доказательства по месту их нахождения, назначить экспертизу, допросить свидетелей), после чего разрешить спор и постановить решение, соответствующее общим требованиям ст. 198 ГПК РФ.

При установлении любого из перечисленных обстоятельств на любом этапе рассмотрения дела до принятия решения судья должен вынести определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства со стадии подготовки дела к судебному разбирательству по правилам главы 21.1 ГПК РФ.

Пример: АО «СМП Банк» обратилось в суд с иском к К. о взыскании задолженности по кредитному договору, указав, что между АО «ИнвестКапиталБанк» и К. был заключен договор о предоставлении овердрафта по счету

банковской карты, ответчик имеет задолженность по договору. Судом в порядке упрощенного производства было принято решение об удовлетворении иска и взыскании с К. задолженности.

Суд апелляционной инстанции решение суда отменил, а дело направил на новое рассмотрение по общим правилам искового производства в связи с тем, что до вынесения решения в суд поступило встречное исковое заявление К. к АО «СМП Банк» о признании договора недействительным. С учетом этого дело подлежало рассмотрению по общим правилам искового производства, что судом учтено не было (Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 15 ноября 2016 г. N 33-22998/2016) [2].

Литература:

1. Текст: электронный //: [сайт]. — URL: <https://www.law.ru/article/21537-qqq-17-m5-03-05-2017-obshchiy-poryadok-vmesto-uproshchennogo> (дата обращения: 21.04.2022).
2. П. 32 Постановление Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 г. N 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального Кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»
3. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 15 ноября 2016 г. N 33-22998/2016).

Теоретические основы применения таможенной проверки в Российской Федерации

Кириллова Вероника Павловна, студент;

Степаненко Михаил Васильевич, старший научный сотрудник, зав. кафедрой

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор определяет понятие таможенной проверки и ее порядок проведения.

Ключевые слова: таможенный контроль после выпуска товаров, таможенная проверка.

Актуальность данной работы заключается в том, что таможенная проверка является основным инструментом таможенного контроля после выпуска товаров.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС) трактует понятие «таможенная проверка» следующим образом — форма таможенного контроля, проводимая таможенным органом после выпуска товаров с применением иных форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля в целях проверки соблюдения лицами международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании [1].

Рассматривая принципы проведения таможенной проверки, Лузина Т.В. в своем учебном пособии выделяет основные и комплементарные. Среди основных выделяют следующие принципы: независимости, законности, объективности, системности, выборочности.

К комплементарным относятся принципы: конфиденциальности, документирования, профессиональной компетенции [3].

Иная классификация принципов, делит таможенные проверки на следующие три категории:

1. Принципы, основанные на международном праве.
2. Общие принципы, основанные на национальном праве.
3. Специальные принципы, основанные на национальном праве.

На основе положений, содержащихся в книге К.В. Басараевой и В.В. Коварды можно определить следующие задачи таможенной проверки:

1. проверка сведений в подтверждение выпуска товаров. Таможенный орган вправе осуществлять контроль товаров, находящихся на таможенной территории ЕАЭС, при наличии информации, что они были ввезены или находятся на данной территории с нарушением междуна-

родных договоров и актов в сфере таможенного регулирования.

2. проверка соблюдения условий включения организаций в реестры лиц, ведущих деятельность в таможенной сфере, а также контроля деятельности юридических лиц, уже включенных в такие реестры.

3. проверка соблюдения юридическим лицом, претендующим на включение в реестр уполномоченных экономических операторов, условий включения в такой реестр и контроля соблюдения таких условий [2].

В. В. Соловьев приводит свою классификацию задач, которая делит их на три категории, а именно, охватывающие проверочную, нормативно-правовую и информационно-аналитическую сферы деятельности [4].

ТК ЕАЭС закрепляет два вида таможенных проверок: камеральная и выездная, делящаяся на: плановую, внеплановую и встречную внеплановую.

В отношении следующего перечня лиц может осуществляться выездная таможенная проверка:

- декларанта,
- перевозчика,
- лиц, осуществляющих временное хранение товаров в местах, не являющихся складом временного хранения,
- лиц осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, а так же обладающих полномочиями в отношении товаров после их выпуска,
- уполномоченного экономического оператора,
- лица напрямую или косвенно участвовавшего в сделках с товарами, помещенными под таможенную процедуру,
- лица, в отношении которого имеется информация, свидетельствующая о том, что в его владении или пользовании находятся (находились) товары в нарушение международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования, законодательства государств-членов, в том числе товары, незаконно перемещенные через таможенную границу Союза.

Выездная таможенная проверка назначается руководителем таможенного органа путем принятия решения о проведении выездной таможенной проверки. Проверя-

емому лицу направляется соответствующее уведомление перед началом проведения данных проверочных мероприятий. Датой начала проведения проверки считается дата вручения решения. Плановая выездная проверка может быть начата не ранее чем через 15 календарных дней со дня получения уведомления. Срок проведения выездной таможенной проверки не превышает 2 месяца, однако может быть продлен на 1 месяц по решению таможенного органа. В связи с проведением таможенных проверок у таможенного органа, а также у проверяемого лица возникают права и обязанности. Так, например, должностные лица таможенного органа при проведении имеют право:

— требовать от проверяемого лица предъявления товаров, в отношении которых проводится выездная таможенная проверка;

— налагать арест на товары или изымать их на срок проведения выездной таможенной проверки для пресечения действий, направленных на отчуждение товаров;

— запрашивать у государственных органов государств-членов и получать от них необходимые документы и сведения, включая коммерческую, банковскую и иную охраняемую законом тайну и иные права.

По итогам проведения составляется акт выездной таможенной проверки, где указывается виды проверенных документов, формах таможенного контроля и иных действий, проведенных в ходе проверки, описание выявленных фактов, свидетельствующих о нарушении таможенного законодательства, либо об отсутствии данных нарушений и иные сведения.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось отметить, что каждый автор, эксперта дает свою классификацию задач и принципов, так как на законодательном уровне они не закреплены. ТК ЕАЭС устанавливает перечень проверяемых лиц, срок проведения таможенных проверок, порядок предоставления доступа должностных лиц таможенных органов на объект проведения выездной таможенной проверки, права и обязанности должностных лиц таможенного органа, а также проверяемого лица при проведении проверочных мероприятий.

Литература:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 19.04.2022 г.
2. Басараева, К. В., Коварда В. В., Минакова И. В., Цуканова Н. Е. Таможенный контроль после выпуска товаров: учебное пособие — СПб: ИЦ «Интермедия», 2017. — 124 с.
3. Лузина, Т. В. Таможенный контроль после выпуска товаров: учебное пособие — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014. — 160 с.
4. Соловьев, В. В. Таможенный контроль после выпуска товаров: понятие, сущность, содержание: учебное пособие/В. В. Соловьев. — Ростов н/Д: Российская таможенная академия, 2012. — 159 с.

Проблемы реализации полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением

Кононова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Discusses the functions and powers of the Prosecutor in criminal proceedings, which he realizes not only in the pre-trial stage, but in the course of the trial and court proceedings. From the proper resolution of this issue depends not only on the determination of the status of the Prosecutor in the criminal process, but also the correct processing of criminal cases. It is proposed to clarify the terms «Prosecutor», «closing indictment», «powers of attorney».

Ключевые слова: прокурор, обвинительное заключение, полномочия прокурора.

Problems of exercising the powers of the prosecutor in a criminal case filed with an indictment

Kononova Anastasiya Aleksandrovna, student master's degree
Baikal State University (Irkutsk)

Discusses the functions and powers of the Prosecutor in criminal proceedings, which he realizes not only in the pre-trial stage, but in the course of the trial and court proceedings. From the proper resolution of this issue depends not only on the determination of the status of the Prosecutor in the criminal process, but also the correct processing of criminal cases. It is proposed to clarify the terms «Prosecutor», «closing indictment», «powers of attorney».

Keywords: prosecutor, closing indictment, powers of attorney.

Законодательные изменения, существенно сократившие полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, стали предметом среди ученых и практических работников прокуратуры оживленной дискуссии по вопросу о достаточности процессуальных и надзорных полномочий прокурора [1].

Мы придерживаемся точки зрения исследователей о том, что изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [2], повлекли негативные последствия. Хотя разработка законопроекта и его принятие были направлены прежде всего на разграничение функций в сфере осуществления надзора за соблюдением законности при производстве дознания, предварительного следствия и рассмотрении уголовных дел в судах, с одной стороны, и в сфере организации и производства следственных действий в рамках процессуальных полномочий, имеющих у органов прокуратуры, — с другой.

Несмотря на отрицательные оценки законопроекта, данные Комитетом Государственной Думы Федерального Собрания РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству в заключении, утвержденном решением от 15 марта 2007 г. № 112, и Правовым управлением Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ, указанный законопроект был принят, и в настоящее время, как свидетельствует практика, предусмотренные в нем требования крайне негативно сказываются на качестве расследования уголовных

дел. Это, в свою очередь, затрудняет полноценную реализацию ряда принципов уголовного судопроизводства.

В частности, лишение прокурора возможности возбуждать уголовные дела, давать согласие на их возбуждение, принимать уголовные дела к своему производству, производить по ним расследование, осуществлять отдельные следственные действия и т.п. противоречит объему компетенции прокурора, установленному УПК РФ. Прокурор, с одной стороны, участвует в уголовном процессе, в том числе в досудебном производстве, в качестве стороны обвинения, с другой — выступает государственным гарантом обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений [3].

Сужение полномочий прокурора, как отмечалось выше, в сфере уголовного преследования неверно, ибо, по сути, исключает осуществление прокурором полноценного надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Хотя именно такая обязанность возложена на прокурора как Законом о прокуратуре, так и действующей редакцией ст. 37 УПК РФ.

Не умаляя профессиональных качеств следователя, необходимо отметить, что именно прокурор наделен федеральным законом полномочиями по осуществлению надзора за соблюдением законов, за обеспечением прав и свобод человека и гражданина, в том числе в уголовном судопроизводстве. Кроме того, нужно учитывать, что зачастую следователям, не имеющим достаточного практи-

ческого опыта и профессиональных навыков, безусловно придерживающимся принципа полной процессуальной самостоятельности, нередко сложно оперативно и качественно расследовать уголовные дела. При этом допущенные просчеты при расследовании уголовного дела нередко определяют его перспективу, поскольку неполнота расследования и нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные до направления уголовного дела прокурору, не могут быть выявлены и устранены руководителем следственного органа по причине его загруженности, поэтому прокурор должен быть надзирающим авторитетом, чьи указания для следствия должны быть неоспоримы

В настоящее время прокурор не вправе и не может своевременно и действенно реагировать на допускаемые органами предварительного следствия нарушения закона. Это умножает волокиту, существенно снижая оперативность устранения нарушений, выявленных на начальных этапах расследования уголовного дела, негативно сказывается не только на оценке значения деятельности прокурора по обеспечению законности и соблюдению прав граждан, но и на решении задач уголовного судопроизводства [4].

По нашему мнению, невозможность прокурора оперативно реагировать на нарушения закона, допущенные при производстве предварительного следствия, принимать незамедлительные и исчерпывающие меры по их устранению нарушает и гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина, закрепленные Конституцией Российской Федерации в ч. 2 ст. 50 («при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона») и ст. 52 («права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»).

Отстранение прокурора от участия в осуществлении уголовного преследования, изъятие у него полномочий по осуществлению процессуального контроля повлекли за собой рост числа частных постановлений, вынесенных судами в адрес следователей, а также количества уголовных дел, возвращенных прокурорами для производства дополнительного следствия. Вместе с тем количество уголовных дел, возвращенных прокурором для производства дополнительного дознания, снижается, что, на наш взгляд, обусловлено объемом полномочий прокурора по надзору за органами дознания, достаточным для того, чтобы на ранних этапах расследования дела выявить нарушения и принять меры к их устранению [5].

Согласно действующей редакции УПК РФ только при принятии решения в порядке ст. 221 УПК РФ прокурор впервые получает возможность гарантированно и в полном объеме проверить правильность квалификации действий обвиняемого, объективность, полноту и всесторонность проведенного расследования, соответствие имеющихся в деле доказательств требованиям

относимости, допустимости, достоверности, достаточности [6]. Несмотря на это, в силу внесенных в уголовно-процессуальное законодательство изменений роль прокурора на стадии принятия решения по уголовному делу, поступившему для принятия решения в порядке ст. 221 УПК РФ, фактически сведена к констатации факта выявления нарушений. Так, в настоящее время прокурор, установив, что уголовное дело не может быть направлено в суд, а подлежит прекращению, не вправе принять такое процессуальное решение. В этой ситуации он вынужден направить уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия с соответствующими указаниями.

Не уполномочен прокурор и изменить квалификацию преступления, которое инкриминировано обвиняемому органами предварительного следствия. Чтобы исправить это нарушение, прокурор также вынужден направить уголовное дело для производства дополнительного следствия, даже если необходимо переквалифицировать действия обвиняемого на менее тяжкое преступление. Как известно, ранее прокурор вправе был это сделать сам — путем вынесения соответствующего постановления. В частности, УПК РСФСР 1960 г. (ст. 214) были закреплены полномочия прокурора по принятию следующих решений по делу, поступившему с обвинительным заключением:

- вернуть дело органу дознания или следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительного дознания или следствия (п. 2);
- прекратить дело, составив о том постановление в соответствии со ст. 209 УПК РСФСР (п. 3);
- составить новое обвинительное заключение, а ранее составленное — из дела изъять и вернуть органу дознания или следователю с указанием обнаруженных неправомерностей (п. 5).

Как справедливо утверждает Рыжаков А. П., не нуждается в обосновании тот факт, что возврат прокурором уголовного дела для дополнительного расследования влечет ряд негативных последствий: дополнительную нагрузку на следователя, увеличение сроков расследования и, как результат, необходимость продления срока содержания обвиняемого под стражей, срока домашнего ареста. В результате решение одной из существенных задач уголовного судопроизводства — восстановление социальной справедливости в разумные сроки — оказывается под вопросом [7].

Таким образом, предусмотренная уголовно-процессуальным законодательством «процедура» устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела судом, силами и средствами прокурорского надзора не только несовершенно, но и влечет нарушение гарантированного Конституцией Российской Федерации права на судебную защиту, а также процессуальных прав участников уголовного производства, в том числе на разумные сроки судопроизводства. В настоящее время прокурор лишен возможности принимать отдельные решения, позволявшие

ранее оперативно устранять нарушения, допущенные на стадии предварительного следствия. Можно говорить о недостаточности полномочий прокурора для осуществления эффективного и качественного прокурорского надзора за соблюдением законности органами предварительного следствия. Прокурор в настоящее время лишен возможности обеспечить качественное расследование уголовных дел, соблюдение прав и законных интересов участников процесса, соблюдение разумных сроков на стадии предварительного следствия. При изучении уголовного дела в порядке ст. 221 УПК РФ прокурор вынужден лишь констатировать недостатки и допущенные нарушения, но не принимать меры по их устранению, как это было ранее. Вместе с тем ни у кого не вызывает сомнения, что именно от проверки прокурором полноты собранных доказательств, которые отвечают условиям допустимости и относимости, зависит качество предварительного следствия, а значит, и последующее эффективное поддержание прокурором государственного обвинения. Утверждая обвинительное заключение, прокурор фактически не только определяет пределы предстоящего

судебного разбирательства, но и обеспечивает справедливое судебное разбирательство, направленное на неотвратимость наказания за содеянное.

Некоторые ученые-процессуалисты предлагают расширить полномочия прокурора, предусмотренные в ст. 221 УПК РФ, путем приравнивания их к полномочиям, которыми наделен прокурор при принятии решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом (постановлением).

Полномочия прокурора, реализуемые при принятии им решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, безусловно требуют расширения. С этой целью в ст. 221 УПК РФ необходимо закрепить право прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, принимать следующие решения: о переквалификации действий обвиняемого на менее тяжкое преступление, о прекращении уголовного дела (либо уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) при наличии оснований для прекращения преследования в отношении одного из субъектов).

Литература:

1. Каретников, А. С., Коретников С. А. Сущность полномочий прокурора по надзору за предварительным следствием: прошлое и настоящее // Рос. юстиция. 2015. № 5. с. 49.
2. Грашичева, О. Н. Проблемы правового регулирования полномочий прокурора на этапе окончания предварительного расследования // Рос. следователь. 2015. № 6. с. 16.
3. Терентьева, Е. Е. Проблема достаточности полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // Российский юридический журнал. 2018. № 4. с. 115.
4. Седелников, П. В., Коробкова Е. Е., Бескембиров Р. А. Полномочия прокурора по обращению в суд с ходатайством о продлении срока избранной в отношении обвиняемого меры пресечения // Законность. 2019. № 1. с. 49.
5. Ковтун, Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. с. 123.
6. Шигуров, А. В., Шигурова Е. И. Правовые позиции российских судов по вопросам реализации прокурором полномочий по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (ст. 221 УПК РФ) // Соврем. науч. исслед. и инновации. 2016. № 3. с. 44.
7. Рыжаков, А. П. Элемент надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие // Законность. 2018. № 9. с. 55.

Международный трибунал по морскому праву как одна из процедур, предусмотренных Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, для урегулирования международных морских споров государств

Коротаев Владимир Николаевич, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

Целью данной статьи является рассмотрение организации урегулирования международных морских споров с использованием такой процедуры, определенной Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, как Международный трибунал по морскому праву (Трибунал, МТМП). Рассматриваются категории дел, рассмотренных Трибуналом, в том числе с участием Российской Федерации, и вынесенные решения. Дается оценка возможности и необходимости использования данной процедуры Российской Федерацией при появлении спорных ситуаций в дальнейшем.

Вопрос является актуальным в связи с произошедшими за последнее время геополитическими изменениями и значительным укреплением позиций Российской Федерации на международной арене, стремлением ряда ведущих мировых держав любыми способами ослабить Россию, бросить ей вызов.

Международные споры по вопросам морского права часто являются причинами напряженных отношений между государствами, эскалации нестабильности в соответствующем регионе и нередко становятся причиной военных конфликтов между государствами.

В связи с этим актуальной становится тема мирного правового урегулирования возникших между государствами споров.

Для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, а также развития сотрудничества между государствами 24 октября 1945 года была создана Организация Объединённых Наций (ООН). Государствами членами ООН в декабре 1982 года в ямайском городе Монтего-Бей (Ямайка) подписана Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву, которая вступила в действие 16 ноября 1994 года (далее — Конвенция). По последним данным, Конвенцию подписали и ратифицировали 168 стран и Европейский союз (28 стран). Конвенция состоит из 17 частей (320 статей) и 9 приложений (125 статей).

Конвенция определила статус морских пространств и установила принципы их использования государствами-членами Конвенции, а одна часть Конвенции (XV) полностью посвящена теме урегулирования международных морских споров. В этой части указаны процедуры мирного урегулирования международных морских споров.

Одной из процедур мирного урегулирования международных морских споров является Международный трибунал по морскому праву, образованный 10 декабря 1982 года, т. е. одновременно с подписанием странами-членами одноименной Конвенции.

Организация и деятельность Трибунала определены его Статутом (Приложение VI к Конвенции).

В статье 1 Статута (Общие положения) указывается, что:

«1. Международный трибунал по морскому праву образуется и действует в соответствии с положениями настоящей Конвенции и настоящего Статута.

2. Местопребыванием трибунала является вольный и ганзейский город Гамбург в Федеративной Республике Германии.

3. Трибунал может заседать и выполнять свои функции в других местах всякий раз, когда он считает это желательным. ...».

«Трибунал состоит из коллегии в составе 21 независимого члена, избранных из числа лиц, пользующихся самой высокой репутацией беспристрастности и справедливости и являющихся признанными авторитетами в области морского права» (п. 1, ст. 2 Статута). Представителем Трибунала от России с 2017 года является Роман Анатольевич Колодкин — российский дипломат, юрист,

кандидат юридических наук, чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Нидерландах в период с 2009 по 2015 годы.

«Члены Трибунала избираются на девять лет и могут быть переизбраны с тем, однако, что срок полномочий семи членов первого состава истекает через три года, а срок полномочий еще семи членов истекает через шесть лет» (п. 1, ст. 5 Статута). Распределение членов Трибунала по срокам определяет по жребию сам Генеральный секретарь ООН.

«Члены Трибунала при исполнении ими обязанностей в трибунале пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетом» (ст. 10 Статута).

В соответствии со статьей 16 Статута Трибунал устанавливает регламент, определяющий порядок осуществления им своих функций, в частности, устанавливает правила производства дел.

Споры передаются на рассмотрение Трибунала в зависимости от обстоятельств, либо путем уведомления Секретаря о специальном соглашении, либо путем подачи заявления на его имя. В обоих случаях указывается предмет спора и стороны. Секретарь незамедлительно извещает все заинтересованные стороны, а также все государства-участники (ст. 24 Статута).

Согласно статье 15 Статута Трибунал может формировать специальные Камеры (Палаты), которые состоят из трех или более избираемых членов Трибунала для разбирательства конкретных категорий споров (касающихся морского дна, окружающей среды, рыболовным спорам и др.)

По просьбе сторон Трибунал может образовать Камеру для разбирательства конкретного спора. Также, в целях ускоренного рассмотрения дел Трибунал ежегодно образует камеру в составе пяти его избираемых членов, для рассмотрения и разрешения споров в порядке упрощенного производства.

В соответствии со статьей 290 Конвенции Трибунал и его Камера по спорам, касающимся морского дна, вправе предписывать временные меры.

Трибунал выносит распоряжения относительно ведения дела, определяет в какой форме и в какие сроки каждая сторона должна изложить свои доводы, и принимает меры к получению доказательств (ст. 27 Статута).

Неявка стороны или не представление своих доводов не является препятствием к рассмотрению спора. Однако, прежде чем вынести решение Трибунал должен удостовериться, что ему подсуден данный спор, что иск обоснован, как с фактической, так и юридической стороны (ст. 28 Статута). Решение принимается большинством голосов, голос Председателя или замещающего его члена является решающим (ст. 29 Статута). Решение Трибунала является

окончательным и выполняется всеми сторонами в споре. Решение имеет обязательную силу только для сторон и только в отношении данного спора (ст. 33 Статута).

Компетенция МТМП согласно статье 288 Конвенции (Компетенция):

«1. Суд или арбитраж, указанные в статье 287, обладают компетенцией в отношении споров, касающихся толкования или применения настоящей Конвенции, которые передаются им в соответствии с настоящей Частью.

2. Суд или арбитраж, указанные в статье 287, также обладают компетенцией в отношении споров, касающихся толкования или применения международного соглашения, связанного с целями настоящей Конвенции, которые передаются им в соответствии с соглашением.

3. Камера по спорам, касающимся морского дна, Международного трибунала по морскому праву, учрежденная в соответствии с Приложением VI, и любая другая камера или арбитраж, упомянутые в Разделе 5 Части XI, обладают компетенцией в отношении любого вопроса, который передается им в соответствии с упомянутыми Разделом и Приложением.

4. В случае разногласия относительно того, обладает ли суд или арбитраж компетенцией, этот вопрос разрешается этим судом или арбитражем» [6].

Таким образом, МТМП это специализированный международный суд в сфере международного морского права, который уполномочен решать споры между государствами-членами Конвенции, юридическими и физическими лицами этих государств по вопросам, связанным с толкованием или применением Конвенции, либо заключенных соглашений на основании Конвенции. Кроме того, Трибуналу подсудны споры с участием Международного органа по морскому дну, юридических и физических лиц государств-участников Конвенции, осуществляющих деятельность в международном районе морского дна, и государств-участников других соглашений, касающихся вопросов, охватываемых Конвенцией по морскому праву или предусматривающих обращение в Трибунал.

Наибольшее число обращений в Трибунал связано с вопросами невыполнения государствами-членами статьи 292 Конвенции о незамедлительном освобождении судна или его экипажа. Такая популярность Трибунала по данной категории дел объясняется тем, что Трибунал — это постояннодействующий судебный орган, поэтому необходимое решение принимается быстро, к тому же судебная практика свидетельствует о том, что Трибунал успешно отстаивает права государства флага, судно или экипаж которого подверглись задержанию.

Менее успешно рассматриваются дела, связанные с разрешением территориальных проблем, особенно при участии стран, лидирующих на мировой политической арене, таких как США и Китай.

Для примера можно привести результаты рассмотрения Трибуналом территориального спора между Филиппинами и КНР о принадлежности ряда островов из архипелага Спратли в Южно-Китайском море. При-

чина спора заключается в том, что эти необитаемые острова, на которых даже нет воды, находятся вблизи торговых путей и, соответственно, имеют стратегическое положение в Южно-Китайском море. Также предполагают, что в районе островов имеются запасы нефти и газа. Все это необходимо как развивающемуся Китаю, так и другим странам региона, таким как Вьетнам, Малайзия, в меньшей степени Брунею и Филиппинам, также претендующих на предмет спора. Китай же объявил, что острова исторически принадлежат ему и предпринял действия по их занятию. Филиппины в январе 2013 года обратились в Трибунал. Однако КНР не признала юрисдикцию Трибунала. «Директор договорно-правового департамента МИД КНР Сюй Хун заявил: «Китай и дальше будет твердо придерживаться своей позиции не участвовать в международном трибунале. Неважно, каким образом Филиппины будут продолжать спор, неважно, какое решение примет международный трибунал, это не изменит факта суверенитета Китая над островами в Южно-Китайском море, также как и над прилегающими водами» [3] [4].

Но уклонение от рассмотрения вопроса Трибуналом не помогло КНР. Международный Суд в Гааге 12 июля 2015 г. удовлетворил иск Филиппинских властей и постановил, что КНР не имеет «исторического права» на спорные территории в Южно-Китайском море. В итоге на КНР усилилось давление о соблюдении международного права со стороны США. КНР вынуждены проводить переговоры с Филиппинами и идти им на частичные уступки, в обмен на острова предлагают построить сеть железных дорог.

С различным успехом рассматривались Трибуналом дела с участием России.

Так в 2002 году Российская Федерация обращалась в Трибунал в связи с задержанием с 19 февраля 2002 г. властями Австралии двух рыболовецких судов «Лена» и «Волга», которые вели промысел патагонского клякача в районе острова Херд (Herd Island), находящегося в районе подводного плато Кергелен в 4 тысячах километров от Австралии (Дело № 11 «Volga» по нумерации трибунала) [14]. Российские суда были задержаны в открытом море и отконвоированы в порт Фримэнтл. Власти Австралии обвинили экипажи в незаконном лове ценной породы рыбы (без соответствующей лицензии), утверждали, что лов осуществлялся в территориальном море, однако не смогли оформить задержание судов согласно требованиям статей 87 и 111 Конвенции. Российская Федерация предоставляла залог, но договориться об освобождении судов и экипажей так и не смогли, т.к. власти Австралии назначили астрономическую сумму залога, т.к. оценили 200 тонн рыбы в 1,25 млн долларов США, еще 550 тыс. австралийских долларов штраф, и, наконец, конфискация судна. Трибунал удовлетворил требование Российской Федерации о немедленном освобождении под банковскую гарантию судов и экипажей.

В 2007 году Япония дважды обращалась в Трибунал с требованиями к России по вопросу немедленного осво-

бождения задержанных Российской Федерацией рыбо- ловецких судов Японии по обвинению в нарушении национального рыболовного законодательства в связи выловом рыбы в исключительной экономической зоне РФ (дела № 14 «Hoshinmaru» [15] и № 15 «Tomimaru» [16] по нумерации трибунала). Оба раза в слушаниях приняла участие делегация РФ и назначался специальный представитель России Е.Т. Загайнов, работник постоянного представительства РФ в ООН. Необходимо заметить, что командам японских судов было позволено убыть на родину задолго до подачи Японией заявления в Трибунал об освобождении судов. Трибунал констатировал отсутствие объекта спора, учитывая, уже принятые Верховным судом Российской Федерации судебные постановления, поддержавшие решения судов первой инстанции о конфискации судов. При этом, однако, он также отметил недопустимость принятия решений, лишающих судовладельца права обращения за доступными внутренними средствами правовой защиты или лишающих государство флага возможности добиваться незамедлительного освобождения судна в рамках Конвенции [1].

В 2013 году Нидерланды обратились в Трибунал с требованием к России (дело № 22 «Arctic Sunrise» [17] по нумерации трибунала). В связи с этим Министерство иностранных дел РФ опубликовало комментарий, что «Российская сторона исходит из того, что ситуация с судном «Арктик Санрайз» не подпадает под юрисдикцию Международного трибунала по морскому праву и обращает внимание на оговорку, сделанную Россией при ратификации Конвенции 1982 года, согласно которой, среди прочего, «она не принимает предусмотренные в разделе 2 части XV указанной Конвенции процедуры, ведущие к обязательным для сторон решениям, в отношении ... споров, касающихся деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении ... споров, касающихся деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав и юрисдикции». [10]. Аналогичное обращение поступило в Трибунал по дипломатическим каналам. Трибунал учел мнение, полученное от РФ, и принимая решение, отметил, что исключения, на которые ссылается РФ в своих заявлениях *prima facie* применимы только в части, касающейся статьи 297, абзацев 2 и 3 Конвенции ООН по морскому праву, а именно — морских научных исследований и рыболовства. 22 ноября Трибунал обязал РФ немедленно освободить судно и экипаж с выводом в воды вне юрисдикции РФ под залог банковской гарантии в 3.6 млн. Евро [10]. МИД РФ опубликовало заявление, в котором выразило надежду, что Трибунал рассматривал дело объективно и сообщило, что «Российская Федерация безусловно изучит решение Международного трибунала по морскому праву и сформулирует своё отношение к нему». [7]. После подписания закона об амнистии все члены команды судна «Арктик Санрайз» получили от СКР постановления о прекращении уголовного дела по амнистии. К 29 декабря 2013 года все иностранные члены экипажа «Арктик Санрайз» покинули Россию. В ян-

варе 2014 года Россия начала возвращать «Гринпис» залоговые суммы, внесённые за активистов, в то же время ледокол «Арктик Санрайз» продолжал находиться в порту Мурманска, пока 6 июня 2014 года Следственный комитет России не сообщил, что снимает арест с судна: 27 июня 2014 года экипаж «Гринпис» был допущен на корабль. В то же время значительная часть электронного оборудования, изъятого с корабля, владельцам не была возвращена. 9 августа 2014 года ледокол вернулся в Амстердам. В октябре 2014 года Следственный комитет прекратил дело в связи с амнистией.

25 мая 2019 года Международный трибунал по морскому праву потребовал от России освободить украинских военных моряков и корабли, задержанные перед входом в Керченский пролив в ноябре 2018 года, и позволить им вернуться на родину, удовлетворив тем самым требования Украины [7]. Трибунал также призвал обе стороны избегать действий, которые могли бы привести к обострению отношений между Россией и Украиной по ситуации в Керченском проливе. Россия в слушаниях не участвовала — она ранее заявляла, что Трибунал не обладает юрисдикцией для рассмотрения украинского иска. Решение Трибунала прокомментировал российский МИД. Ведомство указало, что при разрешении инцидента в Керченском проливе исключена возможность задействовать Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года. Относительно спорной ситуации было заявлено, что: «Избежать ее возникновения можно было при условии соблюдения требований российского законодательства, касающихся судоходства в этом районе. Призываем украинскую сторону действовать именно так впредь». [7] Также указывается, что, ратифицируя Конвенцию, Россия сделала важную оговорку о том, что юрисдикция Трибунала не распространяется на те вопросы, которые связаны с суверенитетом и национальной безопасностью России. А после воссоединения Крыма с Россией, все, что касается Керченского пролива, относится к вопросам внутреннего суверенитета, и, поэтому, будет решаться нами самостоятельно.

Вынесенные Международным трибуналом по морскому праву решения показывают, что Трибунал, как процедура Конвенции ООН по морскому праву, является важным инструментом международного права, в деле мирного разрешения морских споров между государствами. Данная процедура достаточно регламентирована. Решения, принятые на её основе, в большинстве случаев строго соответствуют нормам международного морского права, одинаково удовлетворительно восприняты сторонами спора. Россия в целом старается выполнять решения Трибунала, даже в тех случаях, когда не согласна с ними, и считает, что решения вынесены в отсутствие юрисдикции Трибунала. Главным фактором в этом является то, что решения Трибунала если и не беспристрастны, то пока не были сильно политизированы, и не носили по отношению к России односторонний характер. Однако последние споры, например с Украиной, показы-

вают, что отказ в принятии участия в рассмотрении дела позиция неправильная, и от нее нужно отходить. Необходимо активно участвовать во всех рассмотрениях и квалифицированно представлять позицию России.

Литература:

1. Вопрос о конфискации в деле «Томимару» — Практика международного трибунала..., интернет сайт: <https://bstudy.net> > 706677/pravo...tomima..., Дата обращения 13 апреля 2022, 15.00.
2. Гудев, П. А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. — М.: ИМЭМО РАН, 2014. — 201 с.
3. Китай отказался обсуждать вопрос о спорных водах, 8 декабря 2014/Политика/, интернет сайт: <https://politinform.su/10098-kitay-otkazalsya-obsu...> Дата обращения 13 апреля 2022, 15.00
4. КНР отказалась обсуждать в МТМП вопрос о спорных с Филиппинами водах // РИА Новости // 7 декабря 2014, 11.47 интернет сайт: <https://ria.ru> Дата обращения 13 апреля 2022, 18.50.
5. «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS), интернет сайт: <https://Consultant.ru> > document/cons_doc... Дата обращения 13 апреля 2022, 15.00.
6. «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS), ст. 288, интернет сайт: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_Low_121... Дата обращения 16 апреля 2022, 16.20.
7. Мальгавко, А. Морской трибунал потребовал от России освободить украинских моряков // РИА Новости // 25 мая 2019, 13.57 интернет сайт: <https://ria.ru> Дата обращения 13 апреля 2022, 19.18.
8. Международный трибунал по морскому праву., интернет сайт: <https://vuzlit.com/2297426/mezhdunarodnyy-tribunal...> Дата обращения 16 апреля 2022, 16.35.
9. Международный трибунал по морскому праву (МТМП)..., интернет сайт: <https://mobi-scripts.ru/stati/18764-me-zhdunarodnyu...> Дата обращения 16 апреля 2022, 17.10.
10. МИД России, Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с решением Международного трибунала по морскому праву о временных мерах по делу «Арктик Санрайз», 22.11.2013, № 2355-22-11-2013, интернет сайт: <https://www.mid.ru/print/?id=165525...> Дата обращения 16 апреля 2022, 16.18.
11. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву..., интернет сайт: <https://Pravo.gov.ru> > proху/ips/... Дата обращения 21 апреля 2022, 20.16.
12. Организация Объединенных Наций и морское право. Органы, учрежденные в рамках Конвенции ООН по морскому праву. Международный трибунал по морскому праву. Интернет сайт: <https://www.un.org/ru/low/lowsea/bodies.shtml> Дата обращения 16 апреля 2022, 16.47.
13. Органы, учрежденные в рамках Конвенции ООН по морскому праву...
14. www.itlos.org: Case No. 11.
15. www.itlos.org: Case No. 14.
16. www.itlos.org: Case No. 15.
17. www.itlos.org: Case No. 22.

Виды судебного представительства в гражданском судопроизводстве

Лещинский Олег Валерьевич, студент
Тюменский государственный университет

Институт судебного представительства в гражданском процессе России играет важную роль в обеспечении эффективной организации судопроизводства, обеспечивая конституционные права граждан на качественную юридическую помощь и судебную защиту. При этом механизмы судебного представительства в гражданском судопроизводстве охватывают как оказание юридической помощи лицам с недостаточной дееспособностью или лишенным возможности лично защищать свои права, так и возможности наиболее полной защиты интересов дееспособных участников гражданско-правовых споров.

Особенности реализации судебного представительства во многом зависят от существа конкретных гражданских (в широком смысле) правоотношений, к которым оно применяется. Поэтому изучение основных видов судебного представительства в гражданском судопроизводстве и особенностей их применения постоянно находится в центре внимания науки и юридической практики.

Наиболее распространенной для современной теории процессуального права является классификация судебного представительства в гражданском процессе на виды по основаниям его возникновения. Так Е.А. Нефедьева, выде-

ляет добровольное и обязательное (основанное на законе) судебное представительство в гражданском судопроизводстве, отмечая, что первое является основой развития профессионального представительства, осуществляемого специализированными субъектами, имеющими статус адвоката [8, с. 256]. Э. С. Алоян делит судебное представительство на законное, добровольное и специализированное [4, с. 17]. Другие исследователи выделяют императивное (обязательное в силу указания в законе, независимо от волеизъявления сторон представительских отношений) и факультативное (добровольное или необязательное, наступающее по взаимному волеизъявлению представляемого и представителя) и представительство по назначению суда [5, с. 37].

Наглядно соотношение выделяемых в гражданском судопроизводстве видов судебного представительства представлен на Рисунке 1. В представленную классификацию не включено ведение дел от имени организаций физическими лицами на основании п. 2 ст. 51 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, являющееся разновидностью представительства по закону.

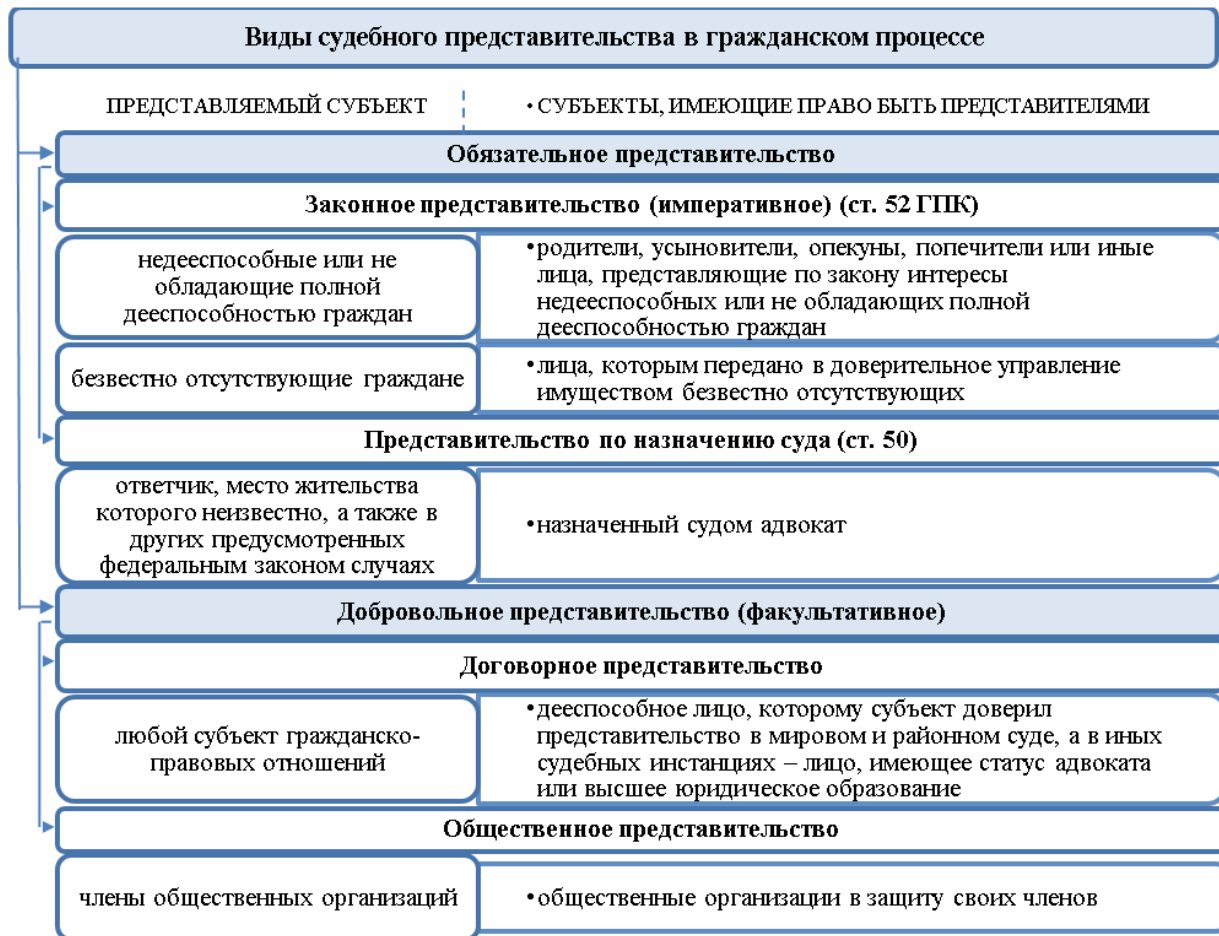

Рис. 1. Виды судебного представительства в гражданском судопроизводстве РФ

Выделенные в классификации три основных вида представительства в гражданском судопроизводстве позволяют проанализировать основные случаи и особенности применения института представительства на практике.

Прежде всего, необходимо обратиться к обязательному представительству, применение которого неизбежно в ряде установленных законом случаев и без него не может быть обеспечена эффективное представление и защита прав определенно стороны гражданско-правового спора. Разделение обязательного представительства на два вида (законное и по назначению суда) основано на различиях в основаниях и механизмах возникновения представительства. Так законное представительство (императивное), возникает в силу правовых норм

процессуального законодательства (ст. 52 ГПК) при наличии официально подтвержденного статуса у представителей в соответствии с нормами других отраслей права [1]. В юридической литературе совершенно обоснованно указывается на следующие основные особенности законного представительства в гражданском судопроизводстве:

— возникновение на основании закона, без дополнительных действий со стороны участников гражданского спора и процесса;

— возможность привлечения законными представителями иных лиц (на условиях добровольного представительства) для представления и защиты интересов представляемого ими лица.

Так первым и основным случаем возникновения в гражданском судопроизводстве законного представительства является выступление в качестве стороны гражданско-правового спора недееспособных или не обладающих полной дееспособностью в силу возраста или иных причин граждан. Право законного представительства в отношении таких субъектов по закону принадлежит их родителям, усыновителям, опекунам, попечителям или иным лицам, имеющим или получившим по закону соответствующий официальный статус. Они могут при необходимости привлекать дополнительно к делу профессионального или общественного представителя с соблюдением установленных процессуальным законом требований добровольного представительства.

Другим основанием возникновения отношений законного представительства в гражданском судопроизводстве выступает наличие в интересах дела интересов безвестно отсутствующих граждан. Такое представительство осуществляется лицом, которому передано в доверительное управление имуществом безвестно отсутствующего (п. 2 ст. 52 ГПК РФ). Вместе с тем, данная норма применима только в случае, если отсутствующее лицо было признано безвестно отсутствующим в официальном порядке. В случае же, когда место жительства ответчика просто неизвестно, запускается в действие механизм обязательного представительства по назначению суда (ст. 50): суд назначает для защиты прав и интересов ответчика, место жительства которого неизвестно, адвоката. При данном виде представительства ст. 50 ГПК РФ

установлено обязательно наличие статуса адвоката у назначаемого представителя и обязательное его назначение судом. Основанием возникновения представительства по назначению суда является «Определение суда о назначении адвоката».

Вместе с тем, неизвестность места жительства ответчика не является единственным основанием для назначения судебного представительства судом. Под действие нормы ст. 50 ГПК, предусматривающей такое представительство «в других предусмотренных федеральным законом случаях» [1] попадают в частности правовые ситуации, когда юридическая помощь должна быть оказана гражданам бесплатно согласно нормам Федеральных законов № 63-ФЗ от 31.05.2002 (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ст. 26) [2] и № 324-ФЗ от 21.11.2011 (ред. от 01.07.2021) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [3].

Второй из двух основных выделенных типов судебного представительства, добровольное представительство, также включает в себя два вида: это договорное представительство и общественное представительство. Договорное судебное представительство является достаточно широко распространенным явлением в гражданском процессе России. При этом данный тип правоотношений можно разделить в зависимости от наличия профессиональных требований к представителю на договорное добровольное представительство и профессиональное договорное представительство (Рисунок 2).

Рис. 2. Основные виды добровольного договорного судебного представительства в гражданском процессе РФ

Первое в современном российском гражданском процессе используется, как уже отмечалось ранее, только на уровне рассмотрения дел у мировых судей и в районном суде. Основанием возникновения такого пред-

ставительства является доверенность субъекта гражданско-правовых отношений на представление его интересов в суде, форма и порядок оформления которой закреплены ст. 52 ГПК РФ.

Применение же профессионального договорного представительства возможно на любой стадии гражданского судопроизводства. Отдельной разновидностью профессионального договорного представительства выступает в современном гражданском процессе адвокатское представительство, то есть представительство в гражданском судопроизводстве интересов субъекта лицом, имеющим официальный статус адвоката.

Основанием возникновения профессионального договорного представительства является также доверенность субъекта гражданско-правовых отношений на представление его интересов в суде, однако, для допуска лица к судебному процессу ему в соответствии с п. 3 ст. 49 ГПК РФ ему необходимо предоставить документы, подтверждающие статус адвоката или получение высшего юридического образования или об ученой степени по юридической специальности. Закрепление в законе четкого порядка проверки профессионального уровня судебного представителя в ходе судебного процесса является механизмом обеспечения права граждан на квалифицированную юридическую помощь и судебную защиту [7, с. 196].

Общественное представительство является более узкоспециализированным сегментом гражданских правоотношений, нацеленных преимущественно на сегмент трудовых и профессиональных спорах, в которых заинтересованные стороны согласно п. 4 ст. 49 ГПК РФ могут воспользоваться помощью своих профсоюзов и иных профильных общественных организаций.

Оценивая виды судебного представительства в современном гражданском судопроизводстве России, эксперты отмечают, что в российском процессуальном праве реализуется концепция постепенного расширения обязательного применения «адвокатского представительства», которое в настоящий момент ограничивается только случаями представительства по закону [6, с. 67]. В перспективе возможно полное поглощение «адвокатским представительством» сегмента добровольного (договорного) и общественного представительства. С одной стороны, постепенное совершенствование норм правового регулирования нацелено на эффективную юридическую защиту участников гражданского процесса, с другой стороны, оно может иметь ряд негативных последствий, связанных

с развитием «адвокатской монополии», ростом стоимости услуг добровольного договорного представительства, снижением для ряда слоев граждан возможности привлечения представителей.

Частичное закрепление «профессионального ценза» для судебных представителей в гражданском процессе на текущем этапе развития российского гражданского процесса, как отмечает Т.С. Рожкова, соответствует текущей стадии становления российской правовой системы, при этом, такое решение, с одной стороны, пресекло развития «адвокатской монополии», а, с другой стороны, сохранило активную конкуренцию на рынке юридических услуг, повысив доступность и возможности защиты прав для граждан [9, с. 193]. Однако, вопросы дальнейшего расширения «профессионального ценза» либо внедрение обязательного адвокатского представительства в судах всех уровней требуют тщательного анализа и осмысления, так как на практике могут существенно осложнить защиту субъектами гражданских правоотношений своих прав в судебном процессе.

Таким образом, в зависимости от оснований возникновения судебного представительства в гражданском судопроизводстве можно разделить на обязательное, включающее в себя законное представительство и представительство по назначению суда, и добровольное, включающее в себя договорное и общественное представительство. Профессиональное и адвокатское представительство являются неотъемлемыми элементами современного договорного представительства в гражданском судопроизводстве, связанными с развитием «профессионального ценза», как основы обеспечения прав граждан на качественную юридическую защиту и обеспечения устойчивости развития гражданских правоотношений. В зависимости от воли сторон судебное представительство в гражданском судопроизводстве можно разделить на императивное, факультативное и назначаемое судом. Намечившаяся тенденция на внедрение профессиональных цензов и расширение обязательного применения «адвокатского представительства», поглощения «адвокатской монополий» всех сегментов судебного представительства требует дальнейшего анализа и оценки возможных последствий.

Литература:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022).
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021)
3. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 01.07.2021)
4. Алоян, Э.С. Институт представительства в цивилистическом процессуальном праве: автореферат.. кандидата юридических наук. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2021. 163 с.
5. Богомолов, М.В. Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: диссертация... кандидата юридических наук. Москва, 2014. 202 с.

6. Коршачек, Е.О. Пробелы правового регулирования допуска и участия адвоката в гражданском судопроизводстве // Наука через призму времени. 2021. № 11 (56). с. 67-69.
7. Кувшинов, Д. А. Институт представительства в гражданском и хозяйственном процессе в условиях реформирования судебной системы // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 1 (17). с. 196-212.
8. Нефедьева, Е. А. Институт профессионального представительства в гражданском процессе (Россия и Китай) // Актуальные вопросы цивилистики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Научный редактор С. В. Доржиева. 2019. с. 256-261.
9. Рожкова, Т.С. О тенденциях развития института представительства // Гражданское законодательство РФ: история и современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник научно-практических статей V Национальной научно-практической конференции (симпозиума). Краснодар: ФГБОУ ВО «КГАУ имени И. Т. Трубилина», 2020. с. 192-195.

Договор поставки для государственных и муниципальных нужд

Молчанова Светлана Леонидовна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: государственный контракт, государственный заказчик, поставка товаров, договор поставки, договор, поставщик.

Правовые отношения по поставке товаров для федеральных государственных нужд являются одной из наиболее распространенных форм участия государства в гражданском обороте.

Одним из видов купли-продажи является поставка товаров для государственных нужд. Особенности данных правоотношений вызваны участием в них такого своеобразного субъекта гражданского права как государство, — Российской Федерации и ее субъектов (ст. 124 ГК).

В настоящее время сфера действия договоров поставки товаров для государственных нужд — «это отношения, связанные с поставками товаров, предназначенных для удовлетворения потребностей Российской Федерации и ее субъектов, для обеспечения обороны и безопасности страны, жизни и здоровья граждан» [4, с. 266].

Потребности государства определяются исходя из — «необходимости реализации федеральных государственных программ;

— обеспечения необходимого уровня обороноспособности;

— формирования государственных материальных резервов;

— реализации экспортных поставок во исполнение международных соглашений с участием Российской Федерации» [1].

Обеспечение заказчиков товарами, работами и услугами осуществляется путем заключения соответствующих договоров на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг.

Обеспечение заказчиков товарами, работами и услугами осуществляется путем заключения соответствующих договоров поставки товаров, работ или услуг. «Договор

поставки товара» — это термин, используемый Гражданским кодексом Российской Федерации.

В статье 525 ГК РФ изложено определение договора поставки для государственных и муниципальных нужд [2].

Договор поставки — договор, по которому поставщик обязуется поставить товар покупателю или иному лицу по его поручению для удовлетворения государственных нужд, а заказчик обязуется оплатить доставку товара.

В соответствии со статьей 506 ГК РФ, договор поставки товара — договор купли-продажи, по которому продавец (поставщик), занимающийся предпринимательской деятельностью, обязуется передать покупателю в определенный срок изготовленный или приобретенный им товар для использования в предпринимательской или иной, не связанной с этим целью, для личного, семейного, домашнего и иного подобного использования.

Из данного определения следует, что договор поставки: — консенсуальный, т.е. считается заключенным, когда между его сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям;

— возмездный, т.е. содержит обязательство оплаты поставленных товаров;

— двусторонне обязывающий, т.е. предполагает взаимные обязательства поставщика (передача товара) и заказчика (оплата товара).

Государственные или муниципальные контракты, договоры на поставку товаров для нужд государства или муниципального образования отличаются от иных договоров поставки товаров для реализации, участия в поставках государственных или муниципальных заказчиков или их уполномоченных лиц, обеспечивающих

оплату товаров от бюджет и внебюджетные источники финансирования.

Государственный контракт — «договор на поставку товаров для государственных нужд, в соответствии с которым поставщик (исполнитель) обязуется передать производимые им товары государственному заказчику либо по его указанию иному лицу, а заказчик обязуется обеспечить оплату поставленных товаров. Государственный контракт заключается на основе государственного заказа, принятого поставщиком (исполнителем). Для государственного заказчика заключение контракта является обязательным всегда, а для исполнителя — лишь в случаях, установленных законом, и при условии, что заказчик возместит все убытки, которые могут быть причинены поставщику (исполнителю) в связи с выполнением контракта» [6, с. 84].

Государственному или муниципальному контракту присущи черты, свойственные обычным договорам поставки. Его предметом, как правило, являются действия по передаче вещей определяемых родовыми признаками; срок исполнения договора отдален от момента его заключения; передача товаров осуществляется в определенные договором сроки и периоды.

Существенные отличия государственного или муниципального контракта от иных видов договора купли-продажи:

— «покупателем является государственный или муниципальный заказчик или уполномоченные им юридические лица;

— наименование договора — государственный или муниципальный контракт, заключающийся на основе государственного заказа, формируемого в установленном законом порядке;

— основной способ размещения заказов на закупки товаров для государственных или муниципальных нужд — проведение открытых торгов (конкурсов, аукционов, запросов котировок, запросов предложений);

— общий порядок и сроки заключения государственного или муниципального контракта (договора поставки) на основе заказов определены Гражданским кодексом Российской Федерации;

— государственный или муниципальный Заказчик обеспечивает оплату товаров за счет средств бюджета, в том числе возмещение убытков, которые могут быть причинены поставщику (исполнителю) в связи с выполнением государственного или муниципального контракта;

— законодательством о поставках для государственных или муниципальных нужд предусмотрена неустойка за отдельные нарушения договоров;

— споры, возникающие при заключении государственного или муниципального контракта (договора поставки), рассматриваются Арбитражным Судом независимо от того, имеется ли обязанность одной из сторон заключить договор» [5, с. 317].

Для полного понимания договорной природы государственных закупок, направленных на удовлетворение зна-

чимых потребностей и требований современного государства, необходимо углубиться в особенности условий такого договора.

Все условия гражданско-правового договора следует разделить на две группы. Как справедливо отмечают исследователи, «к первым относятся существенные условия, которые должны быть включены в текст договора, без которых договор будет считаться незаключенным.

Эти условия устанавливаются либо императивной нормой права, либо изменением диспозитивной нормы по инициативе одной из сторон договора, либо как условие, выдвинутое стороной и не отраженное ни в одной норме.

Ко второй группе относятся условия, которые не являются необходимыми или не предназначены для отражения в письменном тексте договора и не имеют никаких последствий для факта его заключения. Когда они не включены в текст, они также используются для регулирования отношений сторон, поскольку определяются диспозитивной нормой и всегда вступают в силу автоматически после заключения того или иного договора [3, с. 60].

Согласование существенных условий гражданско-правового договора является не только необходимой стадией его заключения, но и достаточной для признания его заключенным.

В государственном контракте (договоре) обе стороны вправе указать порядок предоставления экономических и иных льгот, финансовых и материально-технических ресурсов, порядок и основания осуществления государственным заказчиком контроля за ходом работ, государственный контракт, содействие поставщику и другие условия поставки товаров для государственных нужд. В случаях, когда необходимость отсутствует в соответствующих товарах, государственный заказчик имеет право полностью или частично отказаться от товаров.

Государственный заказчик может воспользоваться этим правом только в случае возмещения поставщику всех убытков, понесенных в результате его отказа. Поставщик также имеет право в одностороннем или частичном порядке отказаться от договора поставки общественных товаров. Ущерб, причиненный покупателем при расторжении или изменении договора поставки государству, также возмещается государственным заказчиком.

Отличительной особенностью договора публичной поставки на поставку товаров только государству и муниципальным образованиям является наличие дополнительного поставщика (подрядчика), включаемого в его правовой режим в качестве стороны экономически более слабого договора (в зависимости от заказчика).

Одним из основных принципов хозяйственного права является принцип равноправия сторон договора, который выражается в договоре для нужд государства и муниципальных образований в виде преимущественного правового режима такого изменения и расторжения контракта.

По настоящему договору расходы, понесенные поставщиком, который также является экономически слабой

стороной, в связи с неисполнением государственного контракта, покупателем в соответствии с государственным контрактом не возмещаются, поставщик вправе отказаться от для выполнения контракта, требовать возмещения ущерба, причиненного государственным контрактом, и расторжения государственного контракта. Расходы, понесенные покупателем в связи с отказом поставщика, несет государственный заказчик. Именно это правило доказывает, что стороны договора полностью равноправны в представленных правоотношениях.

Таким образом, договор на поставку товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд формируется государственным заказчиком и предоставляется поставщику, который принимает решение о сотрудничестве.

Литература:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // СЗ РФ. — 2013.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Крашенинников, Е. А. Заключение договора/Е. А. Крашенинников, Ю. В. Байгушева // Вестник ВАС РФ. — 2013. — № 5. — с. 60-104.
4. Назарова, Т. В. Сущность договора поставки товаров для государственных нужд/Т. В. Назарова // Молодой ученый. — 2019. — № 48 (286). — с. 266-269.
5. Гражданское право. Часть 2. Обязательственное право: учебник/Ю. М. Алпатов, В. Е. Белов, Н. И. Беседкина и др.; под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Ивановой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2021. — 626 с.
6. Свечникова, И. В. Гражданское право. Практикум: учебное пособие для вузов/И. В. Свечникова, Т. В. Величко. — М.: Издательство Юрайт, 2021. — 336 с.

При этом возможны следующие варианты такого решения:

1. Согласие заключить государственный контракт на условиях, которые предложены. В данном случае поставщик (исполнитель) подписывает государственный контракт.

2. Согласие заключить контракт, но на условиях, которые в некоторых моментах отличаются, что предложены государственным заказчиком. В таком случае в обязательном порядке должен быть согласован и передан вместе с контрактом протокол разногласий.

3. Отказ от заключения государственного контракта, о чем поставщик (исполнитель) должен уведомить государственного заказчика в течение 30 дней.

Проблемы обстоятельств, исключающих преступность деяния, в российском законодательстве и перспективы их развития

Монахова Лариса Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент;
 Михайлов Андрей Анатольевич, студент
 Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье авторы пытаются выявить основные проблемы обстоятельств, исключающих преступность деяния, в Российском законодательстве и определить перспективы их развития.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, ОИПД, проблемы ОИПД, признаки, реформирование ОИПД.

На данный момент законодатель не сформулировал точное понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния (далее — ОИПД). В таком случае обратимся к теории уголовного права. Так, Сушков О. Э. в ходе своего исследования установил, что ОИПД — это такие обстоятельства, при которых причинение вреда охраняемым законом интересам подпадает под признаки какого-либо преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса, но в силу признания со стороны законодателя общественно полезным либо социально до-

пустимым не является преступлением [9, с. 546]. Данная дефиниция действительно важна в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), поскольку понятие будет способствовать выражению законодательной мысли и отражать его основные свойства. Также дефиниция будет служить ясным критерием для включения в УК РФ иных обстоятельств, которые остаются вне поля правовой видимости, такие как: согласие потерпевшего на причинение вреда; юридическая ошибка; вовлечение в «ловушку» и т. д.

Поговорим о каждом виде ОИПД отдельно.

Президиумом Верховного Суда Российской Федерации в обзоре практики применения судами положений главы 8 УК РФ [7] указал, что суды в основном правильно решали уголовные дела, связанные с причинением вреда при защите от общественно опасного посягательства. Из данного утверждения можно сделать вывод о том, что суды не во всех случаях правильно решали вопросы, связанные с установлением состояния необходимой обороны. Так, в определении Верховного Суда РФ [8] указано, что Верховный Суд Республики Саха (Якутия) неправильно определил состояние необходимой обороны.

На данный момент у судов возникают две основные проблемы, касаемо необходимой обороны:

1) оценка обороняющимся степени и характера опасности. Как показывает практика очень трудно доказать правомерность защиты, когда перед человеком возникает непривычные для него ситуации вряд ли он здраво сможет оценить характер, степень опасности, а тем более, когда здоровье близких в опасности, но на текущей стадии решение этой проблемы не найдено;

2) законодатель ограничивает обороняющегося в средствах защиты [1, с. 55]. В статье 24 Федерального закона «Об оружии» сказано: «Граждане Российской Федерации могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости». Единственным действующим оружием, которым можно воспользоваться, является огнестрельное гладкоствольное оружие. Но существует обязанность хранить его в металлическом шкафу, отдельно от патронов, и это делает использование самого оружия практически невозможным [6, с. 37].

Применение газового (перцового) баллончика также при применении в большинстве случаев квалифицируется как превышение необходимой обороны, что может подтвердить апелляционное дело № 10-5/2021, в котором девушка пыталась оправдать свою защиту от собаки без намордника [3].

Такие же виды гражданской самообороны как газовые пистолеты, травматические пистолеты не в полной мере обеспечивают защиту граждан от различных посягательств.

При причинении вреда при задержании лица возникают следующие проблемы:

1) Формулировка диспозиции ст. 38 УК РФ возлагает на задерживающее лицо в короткий промежуток времени определить, имеются ли в совершенном деянии признаки состава преступления. Решение данного вопроса не всегда под силу сотрудникам правоохранительных органов при осуществлении задержания, а также квалифицированным специалистам при обычных условиях ведения предварительного расследования или в суде. К тому же, к примеру, невменяемость вообще устанавливается после проведения судебно-психиатрической экспертизы. При этом, задержание лиц, имеющих психические откло-

нения не менее необходимо, чем задержание психически здоровых. Поскольку такие лица зачастую становятся серийными убийцами, маньяками и т. п. [10, с. 5].

2) Невозможность определения реальной необходимости причинения вреда. Так, в обзоре практики [7] дается утверждение того, что человек не может точно и быстро определить в случаях, когда оружие скрыто, каким оружием пользуются преступники и представляет ли оно опасность.

Также в УК РФ существует проблема ответственности при крайней необходимости. Регулирование, действующее в настоящий момент, не совсем справедливо потому, что крайняя необходимость и необходимая оборона являются обстоятельствами, которые исключают ответственность, но при этом ответственность за причинение отдельных видов вреда при крайней необходимости, не урегулирована в том случае, если ее пределы были превышены. Лицо, устраняющее опасность, не всегда остается в законных пределах; в то время, как человек имеет положительные намерения, он может допустить превышение пределов крайней необходимости. В таком случае лицо подлежит уголовной ответственности по основному составу причинения того или иного вреда. Нарушение правомерности состояния крайней необходимости согласно п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ подлежит обязательному принятию во внимание судом, в качестве обстоятельства, которое смягчает наказание. Однако сами пределы наказаний, которые определяют санкцией нормы Особенной части УК РФ, остаются без изменений. Так, например, за убийство, которое совершено с превышением пределов необходимой обороны, ч. 1 ст. 108 УК РФ несет наказание исправительными работами на срок до двух лет, или же ограничением свободы на срок до двух лет, или принудительными работами на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок, в то время, как за обычное убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Если происходит превышение пределов крайней необходимости, то возможности применения специальной нормы нет, так как ее не существует; поэтому, лицо будет привлекаться к ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ при угрозе назначения наказания в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет. Такая мера является неправильной и несправедливой.

Дифференциация уголовной ответственности требует, чтобы лицо, которое совершает неправомерные действия с целью преодоления опасности, несло ответственность согласно специальной норме о причинении вреда при превышении пределов крайней необходимости, которая предусматривает смягченный вид наказания, по сравнению с общей нормой [11, с. 100].

Физическое и психическое принуждение является одним из самых примитивных ОИПД, но и тут у судов возникают определенные трудности. Во-первых, УК РФ не имеет четких определений касательно физиче-

ского и психического принуждения, а также более четкие критерии преодолимого насилия, что оставляет некий пробел в праве. Во-вторых, как показывает судебная практика, в большинстве случаев суд критично относится к наличию факта как физического, так и психического принуждения, как исключающих преступность деяния [4, с. 119]. Так, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ на обращение адвоката с просьбой отменить обвинительный приговор в отношении Б. как незаконный и постановить оправдательный приговор, указано следующее. Б. признана виновной и осуждена за разбой, то есть нападение в целях хищения имущества, принадлежавшего П. совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, а также за убийство, то есть умышленное причинение смерти П. совершенное группой лиц по предварительному сговору, с целью скрыть другое преступление. По мнению осужденной и ее адвоката, у суда имелись основания применить положения ст. 40 УК РФ, поскольку она совершила ряд действий в отношении потерпевшей под влиянием угрозы убийством со стороны С. Но данная версия совершенно обоснованно получила критическую оценку со стороны суда, так как осужденный С. подтвердил наличие предварительного сговора с Б. на хищение денежных средств потерпевшей, отметив также, что действия по лишению жизни потерпевшей совершались по его предложению, он также поджег дом потерпевшей, используя огнеопасную жидкость. Никакого непреодоли-

мого принуждения со стороны С. в отношении Б. не установлена, которая могла отказать от совершения преступления. Поэтому отсутствуют основания применения положений ст. 40 УК РФ [2].

Что касается обоснованного риска, то его главной проблемой является ее сложное применение. Так, при спецоперации по освобождению заложников в Беслане и театре на Дубровке, повлекшие многочисленные жертвы среди заложников ни в правовых актах, регламентирующих порядок и условия осуществления специальных действий, ни в уголовном законе, ни в практике его применения ответственность за причиненный вред никогда не связывается с обоснованным риском как обстоятельством, исключающим преступность деяния. Применяются иные обстоятельства, исключающие преступность деяния при осуществлении специальных действий, такие как необходимая оборона, крайняя необходимость и задержание преступника [5, с. 227-228].

Таким образом, сложившаяся судебная практика не соответствует ч. 3 ст. 60 УК РФ, согласно которой при назначении наказания учитываются все обстоятельства, в том числе и обоснованный риск, что является явной проблемой современного УК РФ.

Таким образом, мы видим, что современному законодательству требуется многоступенчатая доработка. В первую очередь, на мой взгляд, требуется ввести нормы дефиниции, что облегчит правоприменительную часть. Также надо подметить то, что не все возможные ОИПД названы в УК РФ, а виды, указанные в УК РФ, требуют более подробного толкования, например, в новом Постановлении Пленума.

Литература:

1. Аджиманбетов, Т. А. Проблемы применения института необходимой обороны: совершенствование законодательной основы // Теология. Философия. Право. — 2018. — № 1. — с. 52-60.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30.07.2020 г. N 7-АПУ20-2 // СПС «Консультант плюс».
3. Апелляционное постановление № 10-5/2021 от 22 июня 2021 г. по делу № 10-5/2021 // СПС «Консультант плюс».
4. Варламова, Н. И. Проблемные аспекты психического принуждения в законодательстве российской федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 3-1 (54). — с. 116-119.
5. Ишигеев, В. С., Лапша В. Л., Бондарь А. Я. Проблема обоснованного риска в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2020. — № 2 (81). — с. 226-230.
6. Кузнецов, А. А., Хализева А. С. Проблемы реализации конституционного права человека на защиту при необходимой обороне // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 2. — с. 36-37.
7. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г. // СПС «Консультант плюс».
8. Определении Верховного Суда № 74-УДП21-7СП-А5 от 13.10.2021 г. // СПС «Консультант плюс».
9. Сушков, О. Э. Юридическая и социальная природа обстоятельств, исключающих преступность деяния // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 14. — с. 538-549.
10. Шарипова, А. Р. Проблемы института причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // StudNet. — 2021. — № 10. — с. 1-9.
11. Эркенов, Х. А. Проблема ответственности при крайней необходимости // Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 5. — с. 97-100.

Особенности и специфика продавца как третьего лица в договоре финансовой аренды

Мулеванова Полина Дмитриевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Одним из относительно новых договоров на сегодняшний день является договор финансовой аренды (лизинг), который взял свое начало во второй половине XX века. С каждым годом данный вид договора аренды продолжает набирать популярность в силу своей выгоды для лиц, участвующих в совершении сделки.

В свою очередь, в п. 1 ст. 665 ГК РФ закреплено, что по договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование. Арендодатель в этом случае не несет ответственности за выбор предмета аренды и продавца.

Таким образом, лизинг, в отличие от классического договора аренды и других его видов имеет форму трехсторонней сделки, участниками которой являются лизингодатель, продавец и лизингополучатель.

Само законодательное регулирование договора финансовой аренды все еще продолжает совершенствоваться. На данный момент существует несколько особенностей, а также проблем правового регулирования, напрямую связанных с участниками гражданско-правовых отношений, на которые стоит обратить внимание.

Одной из отличительных черт договора финансовой аренды является наличие в нем обязанности лизингодателя приобрести имущество в собственность у продавца. Причем продавец должен быть предупрежден о том, что имущество приобретает для передачи в лизинг.

В качестве подтверждения можно привести Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 апреля 2001 г. № Ф03-А37/01-1/442. Заключенный договор не признан договором лизинга и в силу ст. 667 ГК РФ, так как лизингодатель, покупая имущество, не предупредил продавца о том, что покупаемое им имущество предназначается для передачи в лизинг.

К аналогичному решению пришел и Прикубанский районный суд Карачаево-Черкесской Республики. Решение № 2-256/20182-256/2018~М-92/2018 М-92/2018 от 12 ноября 2018 г. по делу № 2-256/2018 Суд полагает, что подписав акт приема-передачи оборудования лизингополучатель подтвердил факт получения им оборудования в надлежащем состоянии. Отсутствие уведомления продавца о сдаче оборудования в аренду в соответствии со статьями 667, 670 ГК РФ влечет правовые последствия невозможности для лизингополучателя предъявить продавцу требования, вытекающие из договора купли-про-

дажи предмета лизинга, связанные с указанным убытки лизингополучателя, могут быть предъявлены лизингодателю.

Роль лизингодателя связана с финансированием сделки и, как правило, ею и ограничивается. Это является одной из особенностей лизинга как формы осуществления инвестиционной деятельности, поскольку основной функцией лизингодателя как инвестора является осуществление капитальных вложений в объект инвестиций.

Статья 668 ГК РФ устанавливает, что если иное не предусмотрено договором лизинга, то предмет лизинга передается продавцом непосредственно лизингополучателю в месте нахождения последнего. Таким образом, данная обязанность лизингодателя по общему правилу исполняется не им лично, а продавцом, причем в силу п. 1 ст. 670 ГК РФ лизингополучатель вправе предъявить непосредственно продавцу лизингового имущества требование о передаче ему этого имущества, вытекающее из договора купли-продажи, заключенного между продавцом и лизингодателем.

При этом, если рассматривать норму, закрепленную в п. 1 ст. 668 ГК РФ, можно обнаружить некоторый пробел в правовом регулировании. Несмотря на то, что продавец не является непосредственной стороной в договоре лизинга, а значит, можно полагать, что он не принимает на себя обязанностей, которые следуют из данного договора.

В свою очередь, на законодательном уровне продавец в некоторых случаях обладает тем же уровнем обязанностей, что и лизингодатель по отношению к лизингополучателю. Примером тому является случай, что если арендатору по какой-либо причине не будет передано имущество, которое является предметом (объектом) лизинга, то при отсутствии условий расторжения или аннулирования договора лизинга, закрепленные п. 2 ст. 668 ГК РФ, лизингополучатель наделяется в силу указания закона, а именно, п. 1 ст. 670 ГК РФ, правом требовать от продавца выполнения обязанностей по передаче имущества, которое продавалось в лизинг, несмотря на факт того, что арендатор не участвовал в заключении договора купли-продажи и определении ряда условий, которые являются необходимыми при реализации права требования передачи проданного имущества.

Таким образом, продавец фактически берет на себя обязанность лизингодателя по исполнению договора лизинга, непосредственным участником которого он не является.

Продавец, в свою очередь, выступает лишь участником договора купли-продажи, тем самым, являясь вспомога-

тельным элементом для объекта договора лизинга. Это лишь подтверждает отсутствие каких-либо обязанностей со стороны продавца перед лизингополучателем по передаче предмета договора, и возложение ответственности за ненадлежащее исполнение только перед лизингодателем.

Литература:

1. Шанин, С. Р. Проблемы правового регулирования договора финансовой аренды (лизинга)/С. Р. Шанин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 47 (233).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) — Текст: электронный // Консультант: [сайт]. — URL: (дата обращения: 12.04.2022).
3. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 апреля 2001 г. N Ф03-А37/01-1/442 Текст: электронный // garant. ru: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/29491970/> (дата обращения: 15.04.2022)
4. Прикубанский районный суд Карачаево-Черкесской Республики. Решение № 2-256/20182-256/2018~М-92/2018 М-92/2018 от 12 ноября 2018 г. по делу № 2-256/2018 Текст: электронный // Sudact. ru: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/IClVdOaCD9ou/?regular-txt=®ular-case_doc=№+2-256%2F2018+2-256%2F2018%7EM-92%2F2018+M-92%2F2018+®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1650086773148 (дата обращения: 15.04.2022)

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 16 (411) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 04.05.2022. Дата выхода в свет: 11.05.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.